

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

AP50

.263

STK

Безпл. прилож. „Родина“ кн. 1

ПОПУЛЯРНО-НАУЧНАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ БИБЛИОТЕКА

„РОДИНЫ“

STANFORD
LIBRARIES

ЗНАНИЕ И ПОЛЬЗА

1906 г.
Книга 7-я.

ИЗДАНИЕ
А. А. КАСПАРИ

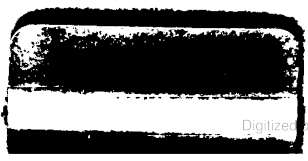
С. Петербургъ.

Издатель А. Каспарн.

Редакторъ Н. Каспарн.

AP55949

Digitized by Google

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARY

AUG 17 1994

ЗНАНИЕ

И

ПОЛЬЗА

Популярно-научный и литературный сборникъ.

1906 г.—Книга 7-я.

Издание А. А. Каспари.

С.-П ЕТЕРБУРГЪ.

Книгоиздательство А. А. Каспари, Лиговская ул., д. № 114.

Графическое заведение «Родины» (А. А. Каспара),
Спб., Лиговская ул., соб. д., № 114.

Тріумфальное шествіе думы.

Статья Н. Кононова.

Два мѣсяца бытія новорожденнаго русскаго парламента—государственной думы—являются ея тріумфальнымъ шествіемъ на пути къ переустройству всего русскаго быта на иной, несомнѣнно, лучшей ладъ. Масса рѣзкостей, масса некорректностей, страстность,—это все свидѣтельствуетъ лишь о новизнѣ самаго дѣла, но несомнѣнно, что дума перевернетъ Россію на новый ладъ и вмѣсто недавняго никуда не годнаго, обветшавшаго во всѣхъ своихъ основахъ зданія мы увидимъ наше отечество и славнымъ, и сильнымъ, и счастливымъ...

Конечно, это случится очень не скоро...

Въ настоящее время идетъ, такъ сказать, лихорадочно-безпорядочная подготовительная работа. Дума металась изъ стороны въ сторону, отыскивая себѣ путь и, кажется, наконецъ, попала на вѣрнѣйшій. Да, можно сказать, что русскіе люди въ самый короткій періодъ времени сумѣли приспособиться къ новизнѣ своего положенія и „стать на рельсы“, по которымъ имъ смѣло можно идти все впередъ и впередъ.

Этими „рельсами“ является то положеніе, какое успѣла создать себѣ дума въ народной массѣ. Она сумѣла внѣдриться въ народъ и стать поистинѣ народною. Народъ вѣритъ думѣ и считаетъ ее „своею“. Дума явилась для народа учрежденіемъ, къ которому онъ смѣло идетъ со всѣми своими великими и малыми нуждами, идетъ смѣло, не боясь, что за это надругаются надъ нимъ, надъ его лучшими чувствами, выгонять его, опозорятъ, выдерутъ, какъ сидорову козу, ушлютъ за тридевять земель, куда Макаръ телятъ не загонялъ. Народъ въ своей массѣ вѣритъ въ думу, любитъ ее, ждетъ отъ нея многого и ждетъ терпѣливо, любовно, какъ ждутъ любимаго существа, какъ ждутъ чего-либо хорошаго, свѣтлаго, радостнаго, готовясь, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ каждое мгновеніе поддержать его во всѣхъ его начинаніяхъ.

Безусловно такое воззрѣніе существуетъ въ народѣ на думу. Дума въ короткій періодъ своего существованія по справедливости стала народною и тѣмъ болѣе жалки и непростойны нападки на нее. Нападокъ-же этихъ видимо невидимо. Однако, онъ свидѣтель-

отвужють только о томъ, что у думы есть и заклятые враги, а это въ то-же время свидѣтельствуеть, что государственная дума черезъ два мѣсяца своего существованія уже представляетъ собою нѣчто такое, чего бояться и что потому стараются уничтожить. Никто не боится того, что ничтожно само по себѣ. Бояться можно только того, кого чувствуешь сильнѣе себя. Ясно, что противъ думы идутъ лишь тѣ, у кого она вырвала изъ пастей жирные куски, кому она мѣшаетъ ловить въ мутной водѣ рыбу, словомъ—тѣ, по комъ давно-давно Сибирь плачетъ, да еще тѣ, кто не умѣетъ приспособиться къ ново-образующемуся строю.

Въ отношеніи государственной думы появились Кассандры не только доморощенные, но и заграничнаго привоза. Такъ, довольно извѣстному морскому писателю г. Зетъ, печатающему свои статьи въ „Словѣ“, нѣкій „высокопоставленный“ иностранный дипломатъ наговорилъ про думу всевозможныхъ ужасовъ. Г. Зетъ—серьезный публицистъ и нельзя допустить, чтобы онъ выдумалъ свое интервью ради краснаго словца. Мы приведемъ здѣсь мнѣніе иностранцаго дипломата въ томъ видѣ, какъ передалъ его г. Зетъ, въ качествѣ образца нападковъ на нашу думу. Вотъ это мнѣніе.

«Ваша дума,—повѣдалъ русскому моряку „высокопоставленный“ иностранный дипломатъ,—явленіе неожиданное и даже неестественное для насъ (т. е., для иностранцевъ), потому что мы считали до на стоящаго времени Русскую имперію сильною. Но сила не въ материальной силѣ, а въ патріотизмѣ, въ сознаніи опасности для родины въ твердомъ, единодушномъ рѣшеніи и желаніи предотвратить опасность. Ничего такого я не замѣчаю въ вашей думѣ. Кругомъ идетъ полное разложеніе. Промышленность ваша убита стачками и забастовками. Казенные заводы еще кое-какъ тянутъ, что-то работаютъ, желѣзныя дороги кое-какъ дѣйствуютъ, но это тянутся долго не могутъ. У васъ не хватаетъ средствъ. Пароходство парализовано. Всѣ инородцы, когда-то завоеванные вами, подняли голову, требуютъ автономіи и встрѣчаютъ сочувствіе своихъ товарищей по этому дворцу. Ваши думцы, быть можетъ, очень умны, но они—не граждане Россіи, а граждане всего міра.

«Между тѣмъ, Азія поднимается, вооружается и не сегодня—завтра нагрянетъ на ваши окраины. Дума какъ-будто это звать не желаетъ. По сосѣдству со столицею уже образовалось совершенно самостоятельное государство—Финляндія. Ваше господство въ Гельсингфорсѣ призрачно. Едва-ли противъ этого вы можете возразить что-либо.

«Россія слишкомъ обширна, но она—уже не сильное государство, конгломератъ, склеенный гумми-арабикомъ. Ваши представители

не отличаютъ правительства отъ государства. Борась съ министрами, со старымъ режимомъ, они борются — умышленно или нѣтъ, не зная — противъ государства. Знаете, чѣмъ это окончится? Европѣ нѣтъ расчета защищать Россію отъ азіатовъ. Великобританія будетъ буферомъ между Азіею и Западомъ. Финляндія со Швеціею образуютъ сильную сѣверную державу и въ союзѣ съ Даніею и Германіею сдѣлаютъ Балтійское море — закрытымъ, Польша съ Литвою, вѣроятно, отойдутъ къ Германіи. Объ Остзейскомъ краѣ я уже и не упоминаю. Онъ, въ сущности, только недавно сталъ было руссифицироваться. Естественно, этотъ край сольется съ родственнымъ, т. е., съ тою-же Германіею. Если не будетъ таможи между Польшею и Германіею, промышленность первой будетъ убита; славяне не въ силахъ конкурировать съ нѣмцами, неспособны къ труду, требующему трезвости, упорства, прилежанія. Кавказъ и Крымъ, вѣроятно, будутъ колоніями Европы, и, можетъ быть, отойдутъ къ Турціи. Эта нація сильна, живуча и отлично сумѣла справиться съ армянами. Россія будетъ чернорабочимъ поставщикомъ Европѣ хлѣба, мяса, дѣса и т. д., и это исполнится весьма скоро. Выхода иного нѣтъ. Государство сильно и живетъ лишь любовью къ родинѣ, сознаниемъ долга гражданъ».

„Высокопоставленный“ иностранный дипломатъ, очевидно, прекрасно знаетъ, что говорить съ морякомъ. Моряки вообще склонны слушать и потомъ передавать, какъ истину, всевозможныя басни даже тогда, когда фантастичность ихъ очевидна. Одиссей хитроумный у Гомера и Синдаудъ-мореходъ въ „Тысячѣ и одной ночи“ не то еще слыживали и не то еще разсказывали. Въ данномъ случаѣ необходимо здѣсь напомнить, что дума въ моментъ этого разговора просуществовала менѣе полутора мѣсяцевъ. Неужели въ такой короткій срокъ она успѣла натворить столько бѣдствій? Можетъ быть, она не сдѣлала ничего, что ожидали отъ нея, какъ манны небесной — это да, но, чтобы навредить такъ, какъ изображаетъ „высокопоставленный“ дипломатъ, — это прямо невозможно. Русскій парламентъ — еще дитя, больше даже — младенецъ. Онъ кричитъ, брыкается, но въ это время у него развиваются грудная кѣтка и мускулы, крѣпнуть и горло, и сердце, и мозгъ; въ это время младенецъ набирается силъ и если иногда пачкаются пеленки, да еще какія — у нашего парламента, говоря образно, пеленки — невообразимая ветошь, — то особенной бѣды отъ этого быть не можетъ.

Напротивъ того, намъ кажется, что все, сказанное моряку иностраннымъ дипломатомъ, должно быть отнесено на счетъ всего того, что предшествовало государственной думѣ. Россія потрясена во всѣхъ своихъ основахъ не думою. Не дума привела Россію къ Мукдену-Цу-

сймъ-Портсмуту, а эта „троица“ вызвала къ жизни думу, ибо дума была въ то время единственнымъ лекарствомъ противъ постигшаго нашу родину недуга. Кавказскія, прибалтійскія, финскія, сибирскія событія, засвидѣтельствовавшія воочію, что между центромъ и окраинами нѣтъ прочной скрѣпы, были всё до думы, а при думѣ были только погромы—вологодскій, царицынскій, симбирскій, бѣлостокскій. Дума въ нихъ не причесть; кто-же ихъ авторъ, ясно видно изъ рѣчи тульскаго государственнаго выборнаго кн. Урусова, произнесенной въ думѣ 8-го іюня. Напротивъ того, несмотря на страстно-арюю провокацію, только благодаря думѣ, не разразилась новая грозившая неисчислимыми бѣдствиями всероссійская забастовка. Какъ-же можно вѣрить тѣмъ глупостямъ, которыя говорятъ о думѣ „высокопоставленные“ иностранные дипломаты?

Итакъ, успокоимся за думу: если-бы было суждено сбыться мрачнымъ предсказаніямъ этой Кассандры, то уже никакъ не русскій парламентъ былъ-бы виноватъ въ бѣдствияхъ Россіи.

Говорять, что дума только и дѣлаетъ, что многоглаголить. Для тѣхъ, кто не привыкъ глядѣть въ корень вещей, это, пожалуй, и такъ.

Остановимся здѣсь и посмотримъ, что такое сама по себѣ наша дума? И ея фізіономія, и ея организмъ опредѣлились уже въ достаточной степени. Есть уже статистическія данныя о ней, и цифры представляютъ думу точнѣе, чѣмъ фотографія. Цифры-же, приводимыя ниже, официально-точны. Хозяйственный комитетъ г. д., при посредствѣ депутата г. Бородина, выработалъ слѣдующія статистическія данныя, относящіяся до государственной думы. Свѣдѣнія касаются 448 депутатовъ, находившихся въ думѣ къ 1-му іюня.

По возрасту депутаты распредѣляются такъ: стариковъ, имѣющихъ болѣе 60 л.—11 чел., отъ 50-60 л.—55, отъ 40 до 50—167, отъ 30-40 л.—181 чел., депутатовъ, имѣющихъ менѣе 30 л. отъ роду—34 чел. Средній возрастъ, преобладающій въ думѣ,—отъ 30 до 50 л. Эта цифра нѣсколько мѣняется, если взять ее по главнымъ группамъ. Такъ, средній возрастъ среди кадетъ составляетъ 41 г., а среди трудовой партіи—35 л.

По образованію члены думы распредѣляются слѣдующимъ образомъ: съ высшимъ образованіемъ—189 ч., среднимъ—62, низшимъ—111, домашнимъ (самоучки)—84 и неграмотныхъ—2.

По вѣроисповѣданіямъ: православныхъ—339, старообръцовъ—4, католиковъ—63, лютеранъ—14, баптистовъ—1, іудеевъ—11, магометанъ—14, свободныхъ убѣжденій—1 и буддистовъ—1.

По національностямъ: великороссовъ—265, малороссовъ—62, бѣлороссовъ—12 (итого русскихъ—74⁹/₁₀), поляковъ—51, литов-

цевъ—10, эстовъ—4, латышей—6, нѣмцевъ (колонистовъ)—4, татаръ—8, башкиръ—4, киргизовъ—1, чеченцевъ—1, мордвы—2, вотяковъ—2, евреевъ—13, болгаръ—1, чувашей—1, молдаванъ—1 и калмыковъ—1.

По происхожденію: дворянъ—164, почетныхъ гражданъ—9, духовнаго званія—14, купцовъ—11, казаковъ—12, мѣщанъ—24, крестьянъ—204 и разночинцевъ—14.

Тѣ-же цифры между партіями распредѣляются такъ: среди „к.-д.“ дворянъ—60 проц., между „трудовиками“ дворянъ—2,8 проц., крестьянъ въ „к.-д.“ партіи—23,5 проц. и крестьянъ среди „трудовиковъ“—81 проц.

По профессіямъ и занятіямъ депутаты разбиваются такъ: землевладельцевъ—65, промышленниковъ—2, торговцевъ—24, скотовладельцевъ—1, земледѣльцевъ—111, рабочихъ—25, частной службы—15, на общественной и земской службѣ—61, на государственной—15, профессоровъ—10, прив.-доцентовъ—4, учителей—23, врачей (земскихъ)—19, адвокатовъ—38, инженеровъ—5, редакторовъ—6, литераторовъ—7, священниковъ—14, землемѣровъ—1, чертежниковъ—1 и студентовъ—1 (Имп. техн. школы въ Москвѣ). Трудовая интеллигенція составляетъ, такимъ образомъ, одну треть всего состава думы.

Имущественное положеніе депутатовъ нашей думы можетъ быть выражено такъ: обладаютъ болѣе 100.000 дес. — 1, отъ 5 до 10 тыс. дес.—7 чел. отъ 2 до 5 т. д.—17 чел., отъ 1—2 т. д.—16; отъ 500 до 1.000 д.—41, до 500 — 31, до 100 — 58 и менѣе 10—81. Въ общемъ, крупныхъ землевладельцевъ насчитывается—42, среднихъ—72 и мелкихъ—162.

По политическимъ группамъ и партіямъ депутаты до 1-го іюня принадлежали: къ „ка-детамъ“—153 ч., къ трудовой партіи—107, къ автономистамъ—63, къ партіи демокр. реформъ—4, къ союзу 17-го октября—13, къ умѣреннымъ—2, торгово-промышленной—1 и безпартійнымъ—105. Изъ числа послѣднихъ сочувствующихъ „ка-детамъ“—25, труд. гр.—9, п. дем. реф.—14, союзу 17-го окт.—12 и пр.—45.

Такимъ образомъ, „ка-деты“ составляютъ треть всего состава думы, трудовая группа—менѣе четверти, столько-же пока и безпартійные. Послѣднихъ особенно много среди крестьянъ. Въ опросномъ листѣ многіе изъ крестьянъ показали себя сочувствующими „ка-детамъ“, хотя въ слѣдующей-же графѣ записали себя принадлежащими къ трудовой партіи. Эта описка убѣждала статистика въ томъ, что крестьяне-безпартійные какъ-бы считали обязанными показывать себя въ трудовой группѣ, благодаря ея составу преимущественно изъ крестьянъ.

Нестрота въ убѣжденіяхъ и направленіяхъ особенно сказывается въ трудовой группѣ; тамъ находятся два социалиста-революціонера, десять социаль-демократовъ, семь лицъ, примыкающихъ къ платформѣ крестьянскаго союза, и, кромѣ того, по одному или по два представителя отъ радикаловъ, свободомыслящихъ, социалистовъ внѣ партій и т. д. Надо напомнить, что въ эту статистику не вошли запоздавшіе съ пріѣздомъ въ думу ко времени окончательной выработки этихъ статистическихъ данныхъ тридцать депутатовъ отъ Кавказа и Сибири, въ большинствѣ—крайніе.

Главными думскими партіями являются: „ка-деты“ и трудовая группа. Въ возрастномъ отношеніи первые—люди болѣе зрѣлые, и потому болѣе разсудительны, болѣе сдержаны и болѣе терпѣливы. Трудовики—молодежь, оттого-то они постоянно кипятъ и пылаютъ. „Ка-деты“ въ большей части—люди съ солиднымъ образованіемъ, съ воспитаніемъ, они и держатъ себя, какъ подобаешь держать себя воспитаннымъ людямъ. Трудовики, это—современная крестьянская интеллигенція: молодежь, хватавшаяся верховъ и ничего не воспріявшая вглубь, учителя, земскіе статистики, волостные писаря и т. д. Они съ самодовольнымъ видомъ открываютъ Америку за Америкой и вполне убѣждены, что всё они ничуть не менѣе Колумба. То, что Америка давно открыта, имъ неизвѣстно. Они открыли ее и увѣрены, что до нихъ никто этого не сдѣлалъ. Притомъ-же всё они сильно хромаютъ по части воспитанности. Для деревни воспитанность ихъ, пожалуй, даже слишкомъ высока, но для города, а тѣмъ болѣе для столицы, съ массами условностей въ общежитіи, конечно, всё они представляются воронами, залетѣвшими въ павлиньи хоромы. Въ самомъ дѣлѣ, только трудовики говорятъ открыто, не стѣснясь въ выраженіяхъ, всевозможныя рѣзкости. Они нисколько не стѣсняются называть вещи и дѣла ихъ собственными именами. Конечно, это явленіе весьма нежелательное. Лучше если-бы дума обходилась безъ ухабистыхъ словечекъ. Вѣдь, бранное слово ничего не доказываетъ и не всегда даже оскорбительно. Последнее вполне зависитъ отъ того, кто его произноситъ. Такъ, напр., законы не признаютъ оскорбительными никакія выраженія, исходящія отъ дѣтей известнаго возраста. Ясно, что оскорбительное слово—не всегда еще оскорбленіе. Поэтому трудовикамъ, очень любящимъ бранныя выраженія по адресу министровъ, слѣдовало-бы позабыть ихъ. Рѣчь князя Урусова гораздо болѣе поразила министровъ, чѣмъ всё „хулиганы“, „грабители“, „враги народа“ и прочія „прелести“, щедро разсыпавшая въ словоизверженіяхъ гг. Аладина, Аникина, Жижкина и ихъ „товарищей“.

Впрочемъ, во всемъ этомъ бѣда еще не такъ велика. Бранныя

выраженія не желательны, потому что они подрываютъ достоинство думы и даютъ возможность ея противникамъ указывать на думу, какъ на собраніе людей, не достойныхъ чести быть „лучшими людьми“. Другими словами, они даютъ въ руки врагамъ думы лишній козырь противъ нея. Но это, несомнѣнно, пройдетъ очень скоро. Гг. трудовики поймутъ сами всю несуразность своей тактики и бросать ее, какъ сбрасываютъ негодную туфлю съ ноги. Нельзя отрицать то, что въ думѣ господствуетъ сильнѣйшее возбужденіе, и вся суть въ томъ, что одни его выражаютъ въ одной формѣ, другіе—въ другой. Такимъ образомъ, вся суть въ формѣ. То-же, что скрывается подъ формой, одинаково у всѣхъ: и „ка-детовъ“, и у трудовиковъ, и пр. Всѣ возбуждены, всѣ недовольны, всѣ стремятся поскорѣе создать условія новой жизни для своей истрадавшей родины. И вотъ съ этой-то стороны никонимъ образомъ нельзя сказать, что дума бездѣйствуетъ. Дума работаетъ, не покладая рукъ. Доказательствомъ этого служить слѣдующій списокъ законоположеній, внесенныхъ членами государственной думы на ея разсмотрѣніе:

1. Основныя положенія законопроекта, направленные къ рѣшенію земельного вопроса. Заявленіе внесено 8-го мая, сообщено министру 10-го и 24-го мая.
2. Законопроектъ объ обеспеченіи дѣйствительной неприкосновенности личности.—8-го мая—10-го мая.
3. Законопроектъ о свободѣ совѣсти.—12-го мая—15-го мая.
4. Законопроектъ о гражданскомъ равенствѣ.—15-го мая—22 мая.
5. Законопроектъ объ отмѣнѣ смертной казни.
6. Законопроектъ объ измѣненіи ст. 55—57 учр. гос. думы.—20-го мая—23-го мая.
7. Проектъ измѣненій въ дѣйствующихъ законахъ о судоустройствѣ и судопроизводствѣ.—23-го мая—1-го іюня.
8. Законопроектъ о собраніяхъ.—29-го мая—1-го іюня.
9. Законопроектъ о неприкосновенности гг. членовъ государственной думы.—1-го іюня,—3-го іюня.
10. Законопроектъ о союзахъ.—1-го іюня—3-го іюня.

А вотъ списокъ законопроектовъ, внесенныхъ министрами на разсмотрѣніе государственной думы въ теченіе того-же времени:

1. Министра народнаго просвѣщенія о иредоставленіи министру народнаго просвѣщенія права разрѣшать учрежденіе частныхъ курсовъ. Внесено—12-го мая.
2. Его-же—объ отпускѣ 40.029 р. 49 к. на перестройку пальной оранжереи и сооруженіе клинической грачевни при юбьевскомъ университетѣ.—12-го мая.

3. Министра юстиціи—основныя положенія проекта о преобразованіи мѣстнаго суда.—30-го мая и 1-го іюня.

4. Министра юстиціи—законопроектъ объ измѣненіи порядка производства дѣлъ о взысканіи вознагражденія за вредъ и убытки, причиненные распоряженіями должностныхъ лицъ.—30-го мая.

5. Министра юстиціи—законопроектъ объ измѣненіи порядка производства дѣлъ о преступныхъ дѣяніяхъ по службѣ.—30-го іюня.

6. Министра внутреннихъ дѣлъ—проектъ положенія о земельныхъ обществахъ, владѣющихъ надѣльными землями.—6-го іюня.

7. Министра внутреннихъ дѣлъ—проектъ положенія объ актахъ на надѣльныя земли.—6-го іюня.

Замѣтимъ, что дума въ то-же время успѣла рассмотреть массу запросовъ по поводу всевозможныхъ правонарушеній со стороны низшихъ и высшихъ агентовъ правительства, среди которыхъ такіе, какъ запросъ о дѣйствіяхъ департамента полиціи (провокаціи, погромы въ Вологдѣ, Симбирскѣ и Царицынѣ), о мобилизаціи казаковъ и еще нѣкоторые другіе, представляются въ высшей степени важными. Напомнимъ также, что дума поработала надъ предварительнымъ рассмотрѣніемъ аграрнаго (земельнаго) вопроса, создала отвѣтныя адреса на привѣтственное слово. Что-же, развѣ мало сдѣлано? Взгляните на министерскій списокъ. Тамъ-то что? Тамъ люди имѣли подъ руками всѣ средства для работы и сдѣлали, даже въ количественномъ отношеніи, менѣе половины того, что сдѣлано уже въ томъ-же направленіи думою.

Нѣтъ, думу никоимъ образомъ нельзя винить въ ничегонеделаніи. Она, дѣйствительно, какъ-будто многоглаголить, но народъ такъ долго молчалъ, такъ долго былъ лишень права „смѣть свое сужденіе имѣть“, что прямо-таки духа нехватаетъ поставить въ упрекъ его избранникамъ нѣсколько, быть можетъ, и въ самомъ дѣлѣ лишнихъ словъ.

Напомнимъ здѣсь кстати, что недавніе распорядители судьбами Россіи говорили мало; ихъ голоса совсѣмъ не было слышно—они предпочитали лишь знаменитые „циркуляры“; результатомъ-же, ихъ молчанія явились всѣ бѣдствія и „неслышанная смута“, переживаемая нашимъ отечествомъ. Пусть-же дума говоритъ, сколько ей угодно: молчаливость привела Россію къ катастрофѣ, можетъ быть, думское многоглаголаніе поможетъ Россіи выбраться изъ безднъ, въ которыя она попала въ двухсотлѣтній періодъ своей нѣмоты.

Да потомъ вотъ еще что. Намъ кажется, что думское многоглаголаніе разрѣжаетъ сгущенную молчаніемъ атмосферу. Народъ съ лихорадочнымъ напряженіемъ слѣдитъ за тѣмъ, что дѣлается въ думѣ. Мысли всѣхъ прикованы къ ней. вмѣсто того, чтобы пла-

вать и горевать надъ своими бѣдами, вмѣсто того, чтобы собираться мстить виновникамъ этихъ бѣдъ, народъ день ото дня привыкаетъ къ мысли, что теперь есть кому заступиться за него, и день ото дня все болѣе успокаивается. Развѣ это не такъ? Поглядите поближе... Ма нашъ взглядъ, дума однимъ своимъ многоглаголаніемъ сдѣлала великое дѣло: она внесла начала успокоенія въ раздраженный до-мельза народъ, въ поднявшійся уже на борьбу народъ... Если-бы противная сторона пожелала быть искренней и честно пошла къ думѣ, признавая ее равною себѣ, успокоеніе свершилось-бы быстро. А то думу дразнятъ, забывая, что вмѣстѣ съ ней раздражаетъ и кипящій негодованіемъ народъ.

Утверждаютъ, что „та“ сторона начинаетъ прозрѣвать, наконецъ. Въ маѣ только и толка было, что о предстоящемъ разгонѣ думы. Въ іюнѣ пошло наоборотъ: начали говорить, что не только о разгонѣ думы, но и о роспускѣ ея на каникулы безъ ея желанія и рѣчи быть не можетъ. Такой поворотъ по отношенію къ думѣ можно только приветствовать. Пора, давно пора прозрѣть „той“ сторонѣ! Прежняго уже не вернуть никогда, а „неслыханная смута“ долѣе продолжаться не можетъ. Генералъ-губернаторы, военные суды, висѣлицы, разстрѣлы, карательныя экспедиціи—не смогли съ ней справиться, и въ роли „ultima ratio“ (последняго средства) осталось только примиреніе съ думой. Если оно состоится, Россія будетъ спасена. Правда, мутная вода прояснится и кое-кому нельзя будетъ таскать изъ нея избыточный уловъ; но пусть лучше у „кое-кого“ уловъ будетъ поменьше, зато спокойная Россія быстро залечитъ всѣ свои раны.

Что примиреніе вполне возможно и для „той“ стороны весьма желательно, на это ясно указываютъ слова самаго маститаго изъ современныхъ бюрократовъ гр. Сольскаго, перваго предсѣдателя реформированнаго государственнаго совѣта, сказанныя имъ корреспонденту „Нов. Времени“. (См. № 10.886.)

„Настояще положеніе,—сказалъ гр. Сольскій,—созданное конфликтомъ между думой и правительствомъ, само собой разумѣется, является ненормальнымъ и создаетъ очень сложную обстановку, которая не допускаетъ продуктивной работы. Мнѣ кажется, что правительство должно исчерпать всѣ средства для покойнаго исхода этого конфликта. Такое положеніе, какъ теперь, продолжаться не должно. Министерство не можетъ не понимать, что оно силой обстоя-тельствъ подвергнуто ужасному испытанію, изъ котораго ему необходимо выдти, причѣмъ, какъ я уже замѣтилъ, надо положить всѣ силы для мирнаго исхода этого конфликта, который тяжелой тучей виситъ на нашемъ политическомъ небосклонѣ.“

„Вы спрашиваете, какой выходъ? Я боюсь высказаться въ болѣе определенныхъ словахъ, такъ какъ многого въ данное время не знаю, но, можетъ статься, для мирнаго разрѣшенія задачи надлежитъ пойти на нѣкоторыя уступки и прислушаться къ разумному голосу общества. Однако, нечего потворствовать крайнимъ элементамъ, которые никогда ничѣмъ не будутъ удовлетворены. Я хотѣлъ бы мира и спокойной работы, а настоящее положеніе вещей парализуетъ всякую созидательную дѣятельность...

„Возможенъ-ли роспускъ думы? Надъ этимъ вопросомъ даже страшно и думать. Это—крайность и къ ней возможно только прибѣгнуть, когда всѣ средства будутъ использованы. Я объ этомъ и думать не хочу. Могутъ, конечно, представиться такія обстоятельства, что другого выхода и не будетъ. Въ такое бурное время все возможно, но пока объ этомъ лучше и не говорить. Нечего также особенно смущаться тѣмъ, что не все гладко идетъ: мы переживаемъ великій историческій моментъ и великія событія, которые не могутъ пройти безъ волнений и безъ крайностей. Государственные перевороты не могутъ проходить безъ потрясеній и на это надлежитъ смотрѣть нѣсколько философски, оцѣнивая по достоинству какъ событія, такъ и людей, которые выступаютъ въ такіе моменты на арену общественной жизни. Аграрный вопросъ является однимъ изъ самыхъ серьезныхъ и жгучихъ вопросовъ. Я полагаю, что его нужно разрѣшить безъ промедленія. Мой личный взглядъ на этотъ вопросъ я высказать въ данное время не берусь: это—очень сложное дѣло, которое теперь вступило въ совершенно новый фазисъ. Мнѣ кажется, что для разрѣшенія его въ желательномъ направленіи вовсе не нужно прибѣгать къ теоріямъ крайнихъ партій. Я лично никогда не вѣрилъ въ ученіе социалистовъ по земельному вопросу.

„Диктатура? Въ данный моментъ объ этомъ врядъ-ли приходится говорить. Для того, чтобы найти выходъ въ диктатурѣ, нужно прежде всего быть увѣреннымъ, что имѣется соответствующая личность, которая пользовалась-бы довѣріемъ и авторитетомъ какъ у правительства, такъ и у общества. Не знаю, есть-ли въ данное время именно такое лицо. Чрезвычайныя событія, однако, могутъ выдвинуть вопросъ о диктатурѣ... Весьма возможно...

„Еврейскій вопросъ одинъ изъ самыхъ сложныхъ. Я лично всегда стоялъ за прогрессъ, но мнѣ кажется, что во всемъ должна быть постепенность. Въ этомъ вопросѣ прежде всего необходимо считаться съ національнымъ настроеніемъ, а потому нужно быть весьма осторожнымъ и помнить, что слишкомъ быстрое разрѣшеніе его, безъ обдумыванія всѣхъ возможныхъ послѣдствій, можетъ привести къ отрицательнымъ результатамъ и вызвать значительныя осложненія.

„Я глубоко убѣжденъ, что наша родина выйдетъ побѣдительницей изъ тяжелыхъ испытаній, вынавшихъ на ея долю. Можетъ быть, и предстоитъ тяжелые моменты, но страна, полная ресурсовъ, съ сильнымъ народомъ, одареннымъ громадными способностями и здравымъ смысломъ, несомнѣнно, имѣетъ огромное будущее, въ которое я глубоко вѣрю“.

Итакъ, надъ вопросомъ о разгонѣ думы самому маститому изъ бюрократовъ, творцу множества законовъ, „даже страшно и подумать“. Стало быть, создавшееся положеніе въ тѣхъ сферахъ, къ которымъ принадлежитъ гр. Сольскій, одѣивается вѣрью. Если это такъ, то до примиренія остается всего только одинъ шагъ. Вся суть, однако, въ томъ, насколько искренне будетъ примиреніе.

Опять на горизонтѣ политической жизни Россіи появился ея злой геній. „Наша Жизнь“ (№ 472) сообщаетъ, что постепенно начинаетъ выясняться закулисная политика придворныхъ дѣятелей, и говоритъ:

„Ввиду полной растерянности предъ надвигающимися событіями и все болѣе осложняющимся положеніемъ вещей, придворные еще въ концѣ мая рѣшили прибѣгнуть къ помощи К. П. Побѣдоносцева. Послѣдній до тѣхъ поръ уже болѣе двухъ мѣсяцевъ не посѣщалъ вовсе совѣщаній партіи. Причину этого объясняли его недовольствомъ тѣмъ, что Треповъ приобрѣлъ слишкомъ сильное вліяніе, и весьма часто совѣты и указанія его, Побѣдоносцева, игнорировались вовсе. Возобновивъ, по спеціальному приглашенію, свое участіе въ партіи, Побѣдоносцевъ снова приобрѣлъ большое вліяніе. Онъ-же и возбудилъ вопросъ о распусченіи думы, какъ ярый противникъ „всей этой затѣи“. Однако, какъ человекъ осторожный, онъ находитъ нужнымъ сдѣлать это съ соблюденіемъ политики, и, какъ говорятъ уже представилъ соответствующую записку и готовый проектъ указа о распусченіи думы на каникулярное время.

„Что касается докладной записки, то по поводу ея циркулируютъ вполне опредѣленные свѣдѣнія. Въ запискѣ проводится мысль, что Россія еще не дозрѣла до конституціи, а потому необходимо ликвидировать ее. Ввиду того, что въ періодъ ея функціонирования система „попустительства“ произвела большія разрушенія въ странѣ и сильно развила „кромольное“ настроеніе, водвореніе „надлежащаго“ порядка, говорится въ запискѣ, теперь является вопросомъ весьма сложнымъ, разрѣшеніе котораго требуетъ большой осторожности. Эта осторожность, по предложенію Побѣдоносцева, должна выразиться въ томъ, что прежде всего необходимо принять мѣры къ умиротворенію разыгравшихся страстей. Для этого надо смѣнить министерство, вызывающее недовольство большинства. Приэтомъ Побѣдоносцевъ предупреждаетъ, что нѣтъ основаній смущаться предъ

назначеніемъ даже либеральнаго министерства, такъ какъ смѣнить министерство гораздо легче, чѣмъ упразднить думу. Либеральное-же министерство будетъ способствовать нѣкоторому успокоенію страны. Благодаря этому и представится возможность объявить канкуллярный перерывъ въ дѣятельности думы и закончить первую ея сессію.

„Это, по мнѣнію Побѣдоносцева,—единственный выходъ изъ того положенія, которое создалось, благодаря „увлеченію конституціей“.

„Что-же касается созыва второй сессіи думы, то это—вопросъ, который, по заявленію Побѣдоносцева, разрѣшается исторіей. Въ докладѣ упоминается, что въ исторіи европейскихъ государствъ не рѣдки примѣры, когда созванное народное собраніе распускалось и болѣе не принималось. Особенно подробно Побѣдоносцевъ останавливается на исторіи Турціи, гдѣ болѣе двадцати пяти лѣтъ не созывается распущенное однажды народное собраніе“.

Мы нарочно столь подробно процитировали вышеприведенную статью. Когда эти строки появятся предъ нашими читателями, они уже будутъ имѣть полную возможность судить о пересоздавшемся еще разъ положеніи. До тѣхъ-же поръ мы смѣло можемъ утверждать, что наша дума стоитъ на совершенно вѣрномъ пути, что свидѣлствуютъ дивныя слова тверского депутата Родичева, раздавшіяся въ думскомъ засѣданіи 15-го іюня, и этими словами мы закончимъ настоящій нашъ обзоръ триумфальнаго шествія думы все впередъ и впередъ.

Дума обсуждала вопросъ о призывѣ казаковъ на полицейскую службу и попутно о тѣхъ печальныхъ событіяхъ, въ которыхъ казаки явились орудіями исполнительной власти. По этому поводу высказано было мнѣніе, что казаки исполняютъ велѣніе Верховной власти и потому вопросъ не можетъ обсуждаться въ думѣ.

Въ отвѣтъ на это Родичевъ сказалъ (цитируемъ его слова по стенограммѣ газеты „Рѣчь“):

„Я просилъ слова для того, чтобы возстать противъ той точки зрѣнія, которая на главу Государя возлагаетъ ответственность за всякое незаконное дѣяніе, противъ той точки зрѣнія, которая провозглашаетъ, что, такъ какъ Государь—верховный вождь, то, слѣдовательно, всякія распоряженія, сдѣланныя по арміи, не подлежатъ обсужденію Государственной думы. Нѣтъ, господа, эта точка зрѣнія разрушительна и, если-бы я позволилъ себѣ квалификацію различныхъ мнѣній, то я-бы сказалъ, что эта точка зрѣнія крамольна. Россійская Имперія управляется на точныхъ основаніяхъ законовъ. На точномъ основаніи закона должно состояться всякое Высочайшее повелѣніе и, когда состоялось повелѣніе, несогласное съ закономъ, мы обращаемся къ министрамъ и на нихъ возлагаемъ отвѣтствен-

ность за незаконность. Мы говоримъ: „Государь не можетъ дѣлать зло. Зло и несправедливость, совершаемыя отъ Его имени, происходятъ не отъ Него“. Когда намъ здѣсь говорить, чтобы не касаться того, что совершается по Высочайшему повелѣнію, — къ чему насъ приглашаютъ?

„Насъ приглашаютъ признать, что кровь, которую проливаютъ въ Россіи, вся кровь, которую запачканы казацкія знамена, пролита по Высочайшему повелѣнію. Никогда! (Бурные аплодисменты.) Мы знаемъ, что есть много охотниковъ запятнать Царское имя въ пролитой крови. Мы здѣсь слышали объ этомъ отъ тѣхъ, кто иногда распоряжается судьбою Россіи. Развѣ улицы Петербурга были залиты кровью 9-го января по Высочайшему повелѣнію? Никогда! (Бурные аплодисменты.) Обязанность русскаго вѣрноподданнаго возставать противъ такой точки зрѣнія. И, когда вамъ говорить, что васъ ведутъ бороться съ крамольниками, то ваша обязанность раскрыть глаза слѣпому рядовому и показать, что тѣ, кто ведетъ ихъ противъ народа, — измѣнники. Вы намъ прочли сейчасъ письмо, гдѣ казаки заявляютъ, что они не хотятъ отказаться отъ казачьихъ правъ и привилегій; что это значить? Это значить, что имъ внушили: смотрите, когда говорить о свободахъ, это значить, что васъ хотятъ лишитъ вашихъ правъ, и дѣлаютъ это крамольники. Я отвѣчаю вамъ: это — клевета! Она раздается по всей Россіи, она опозорила казачье войско, она опозорила русское имя. Преступленіе, совершенное въ Вѣлостокѣ, — улика тяжкая, и она должна быть разоблачена въ государственной думѣ. Съ того дня, какъ мы собрались сюда, мы предъ русскимъ народомъ и Царемъ обязались обличать всякое беззаконіе, хотя-бы оно совершалось Его именемъ, обличать всякую неправду, хотя-бы въ заголовкѣ стояло имя Царя. Тѣ, кто говорятъ: „меня присяга заставила исполнить долгъ“, — крикуются ложью и безсильнымъ лицемеріемъ. Предъявить этотъ запросъ не только наше право, но и обязанность, отъ которой не можетъ отречься никто. Дерзость, господа, полагать, что имя Царя можетъ быть оскорблено заявленіемъ о необходимости отмены нѣкоторыхъ распоряженій. Дерзость полагать, что Царь не въ состояніи понять справедливыхъ требованій народа. Это — дерзость и презрѣніе къ Царскому имени, оно поворитъ уста, его произносящія“.

(Бурные аплодисменты.)

Объ образованіи социаль-демократической группы, объ избіеніи депутата Съдельникова, о борьбѣ думы съ министрами Столыпинымъ, Ковбцовымъ и Щегловитовымъ мы поговоримъ въ слѣдующемъ выпускѣ „Знанія и Польза“.

Маленькія иллюстраціи къ великому вопросу.

Государственная дума закончила предварительное рассмотрение аграрнаго вопроса и передала его для детальной выработки въ „комиссію девяносто пяти“. Все, что ни говорилось въ думѣ до этого момента, имѣетъ значеніе лишь въ смыслѣ предубаженій. Окончательнаго рѣшенія постановлено не было, стало быть, преждевременно и говорить о томъ, какъ можетъ быть разрѣшенъ аграрный вопросъ. Тѣ рѣчи, которыя были произнесены въ государственной думѣ по поводу его, были только „гласомъ народа“, впервые раздавшимся въ Россіи по насущнѣйшему изъ насущнѣйшихъ вопросовъ ея существованія. Напомнимъ здѣсь, что въ комиссію переданы аграрный проектъ партіи народной свободы, потомъ аграрный проектъ трудовой группы. Первый предлагаетъ націонализацию земли, второй—соціализацию ея. Потомъ былъ предложенъ еще третій проектъ, принятый также въ качествѣ матеріала, и, наконецъ, 10-го іюня былъ внесенъ правительственный земельный законопроектъ, состоящій изъ девяносто пяти статей, тридцать девять изъ которыхъ трактуютъ объ улучшеніи крестьянскаго землевладѣнія, а остальные пятьдесятъ шесть—о расширеніи его.

Мы не будемъ касаться здѣсь существа этого послѣдняго законопроекта, который, вѣроятно, послужитъ предметомъ горячаго обсужденія въ государственной думѣ, но отмѣтимъ здѣсь маленькую деталь великаго вопроса. И въ думѣ, и въ обществѣ безъ конца говорилось о націонализаци, о соціализаци земли, о правѣ собственности на нее, но все это были отвлеченныя сужденія. Спорили о положеніяхъ, выработанныхъ не самою жизнью, а кабинетными учеными и мыслителями. Между тѣмъ, первое представляетъ исключительный интересъ, тогда какъ кабинетныя измышленія открываютъ только поле для такихъ теоретическихъ споровъ, въ которыхъ всегда многое множество громкихъ фразъ, остроумныхъ тезисовъ, безспорныхъ со стороны логики выводовъ, но очень мало практическаго смысла.

Въ видахъ этого позволимъ себѣ привести здѣсь цитату изъ одного изъ „Писемъ къ ближнимъ“ М. О. Меньшикова, искренняго, по нашему мнѣнію, публициста, обладающаго публицистическимъ проникновеніемъ. Въ приводимой ниже цитатѣ, по нашему мнѣнію, довольно вѣрно, трактуются смыслъ аграрнаго вопроса, по крайней мѣрѣ, въ томъ

видѣ, въ какомъ онъ представляется извѣстной части землевладѣльцевъ болѣе крупныхъ, т. е., помѣщиковъ.

Г. Меньшиковъ передаетъ разговоръ съ современнымъ „агрикультуромъ“ — помѣщикомъ изъ глубины Россіи, когда-то большимъ богачемъ.

— Никакой земли мужику не нужно, — говоритъ собесѣдникъ г. Меньшикова. — Все это — чистѣйшій вздоръ.

— То есть, какъ это, земли не нужно? По-вашему, у мужика земли довольно?

— Много, а не то что довольно. Много-съ. Помилуйте, у насъ трехполье, треть земли пропадаетъ. Слыхано-ли это гдѣ-нибудь на Западѣ? А если пропадаетъ треть земли, стало быть — земли много.

— Парадоксъ.

— Ничуть не парадоксъ, — горячится помѣщикъ.

Толстый, добродушный уѣздный рюриковичъ носить на себѣ печать того провинциализма, въ которомъ чувствуется печать чего-то крестьянскаго, народнаго. Живя въ деревнѣ, непременно омужичиваешься, и это составляетъ и прелесть, и слабость помѣстнаго дворянства.

— Ничуть не парадоксъ, а истинная правда, — кричитъ онъ. — Я тридцать пять лѣтъ живу въ деревнѣ, у меня было много имѣній, тысячъ десять десятинъ. Я мужика знаю. Не въ землѣ, увѣраю васъ, вовсе не въ землѣ нехватка!

— А въ чемъ-же?

— Въ людяхъ. Земли довольно, — людей нѣтъ, чтобы ее обрабатывать. Вы въ Петербургѣ съума сошли, ничего не понимаете. Вы требуете земли, а мужикъ и свою-то, теперешнюю не хочетъ обрабатывать.

— Не можете, вы хотите сказать?

— Не можете, потому что не хотите.

— Но какъ-же помирить съ этимъ общій стонъ о землѣ, общій вопль народный, требованіе земли и воли? Какъ-же объяснить указы депутатамъ: безъ земли не возвращаться?

— Да очень просто. Крестьянъ сбили съ толку. Имъ обѣщали землю — вотъ они и захотѣли ее. Пообщайте мнѣ этотъ домъ, я его захочу. Цѣлые годы въ уѣздѣ всѣ эти народные учителя, интеллигенты, статистики, студенты только и зудятъ въ уши мужику: требуйте земли, земля ваша. Даромъ требуйте, а не то и силой возьмите. Земля — Божья. Ну, и разожгли аппетитъ. Помѣщичья земля — куда лучше мужицкой, и если обѣщаютъ даромъ, то почему не взять ее? Но я вамъ говорю, что если отдадутъ землю мужику — конецъ

нашему земледѣлю. Никакого не будетъ земледѣлія—ни дворянскаго, ни крестьянскаго. Все размотаютъ, все бросятъ. Ужь если свою землю бросаютъ—маленькую, которая по силамъ,—неужто справятся съ помѣщицей? Читаешь въ газетахъ: въ Щигровскомъ уѣздѣ земли мало, щигровцы требуютъ земли! А мы смѣемся, сидя въ Щигровскомъ уѣздѣ. Мы-то видимъ, что и эта земля, какая есть, брошена.

— Но почему-же крестьянинъ бросаетъ землю?

— А потому, что распустился. Крестьянская молодежь поголовно въ города тянетъ. Въ деревнѣ даешь ему десять рублей, — нѣтъ, онъ въ городъ уйдетъ хоть на три рубля. Сидитъ гдѣ-нибудь на вокзалѣ, наблюдаетъ за ретираднымъ мѣстомъ. Идеалы крестьянскіе перестроились. Сидѣтъ въ трактирѣ, втереться въ любовники сначала къ кухаркѣ какой-нибудь, а потомъ къ хозяйкѣ,—вотъ мечта. Хоть бродяжить, хоть хулиганить, лишь-бы въ городѣ. Молодежь деревенская отбилась отъ рукъ, сдѣлалась буйной. Никакой дисциплины, ни помѣщицей, ни семейной—старики не подступись. Правда, и по деревнямъ идутъ развратъ и разгулъ, но куда способнѣе въ городѣ. Поѣзжайте въ Москву. Сто тысячъ парней, деревенскихъ пахарей, сидятъ каждый день въ трактирахъ, хоть и безработные. Ни на деревенскій, ни на какой упорный трудъ они уже не способны. Оттого и забастовки, оттого эта сумасшедшая требовательность. Только и слышишь — давай! прибавляй! И конца нѣтъ требованіямъ. Вотъ гдѣ коренная бѣда: народъ отъ труда отбилъ, заправдновалъ. Не къ землѣ его тянетъ, а отъ земли. Старья пашни сокращаются. Поля лужаютъ, заболачиваются. Что вы кричите — земли мало? Совѣсти мало—вотъ что!

— Но позвольте, если земли достаточно, то какъ-же объяснить, что крестьяне даютъ такія высокія аренды? По 18, по 20 и больше рублей десятина! Не каторжная-ли нужда ихъ заставляетъ?

— Да ничуть нѣтъ! Что изъ того, что крестьянинъ платитъ 18 р.? Значитъ, есть изъ чего платить. Тридцать лѣтъ назадъ онъ платилъ семь рублей, потому что мука стоила 24 копейки, теперь платитъ 18 рублей, потому что мука стоитъ 80 копеекъ. Мѣняется рынокъ, мѣняются цѣны. Примите и то въ расчетъ, что не всякую десятину сдашь по 18 рублей, иначе мы-бы разбогатѣли. Сдаются лучшія, удобренныя или залоговыя, лежащія по 3—4 года, или двухлѣтній сбой. Стало быть, на кругъ земля, если взять за десять лѣтъ, принесетъ помѣщику всего 2—3 рубля съ десятины. Не удобренныхъ, плохихъ земель не берутъ: и своей-то удобрять не могутъ. Затѣвали вы, господа, въ Петербургѣ большой грабежъ, а затѣмъ, сами не знаете. Народъ, отчего-же, радъ пограбить. Но посмотрѣли-бы, только нищихъ на большихъ надѣлахъ и какъ исправны кое-гдѣ

мужики на ничтожных клочкахъ. Не земля кормить, трудъ кормить. Гдѣ хотѣть работать—находить землю, гдѣ не хотѣть — съ голода дохнуть на даровой землѣ...

Разговоръ разстроился, сбился на дворянскія привилегіи. Старый рюриковичъ отшучивался, говорилъ, что онъ самъ станеть во главѣ пугачевщины. Если грабить земли, почему не отнимать дома? И вотъ онъ, честное слово, явится громить Петербургъ... повалить Александровскую колонну и пр., и пр.

„Въ этомъ разговорѣ, среди парадоксовъ, меня, —говорить уже отъ себя лично г. Меньшиковъ,—остановила одна мысль, очень вѣрная. Я, конечно, не согласенъ съ тѣмъ, что земли у мужика много и земли дѣйствительно не надо. Мѣстами, на сѣверѣ земли дѣйствительно много, на югѣ бесспорно мало, и въ тысячѣ уѣздовъ — тысячи отгѣнковъ нужды. Земля въ развалинахъ, въ кусочкахъ, ее собрать нужно, округлить. Въ очень многихъ мѣстахъ неизбежно придется прирѣзать, и никакими софизмами не скроешь отсутствія того, что органически необходимо. Крестьянскій дворъ — живая кѣлочка, его нельзя черезчуръ сжимать. Есть минимумъ земли, необходимой для данной культуры, и, какъ лошадь о трехъ ногахъ — не лошадь, такъ дворъ о двухъ десятинахъ — не дворъ. Но вотъ что серьезно и въ высшей степени тревожно. Цѣлые слои народные, дѣйствительно, отбились отъ земли, разлюбили ее. Отбившись отъ почвы, народъ отходитъ и отъ другого, болѣе коренного и вѣчнаго источника достатка — отъ труда вообще. Его потянуло въ тѣсные и смрачные города, на легкіе хлѣба, на распутство, то самое, отъ котораго вырождаются образованные классы. Нѣкогда трудолюбивый и сравнительно культурный (хоть и деревенской національной нашей культурой), когда-то физически богатый, — нашъ народъ именно въ городахъ перерождается въ чернь, въ жадную, буйную, зеленую отъ зависти и голода, лѣнливую чернь. Помимо разрушительныхъ идей, сама по себѣ эта бродячая толпа есть нѣчто взрывчатое. Какъ въ нитро-кѣтчаткѣ, молекулы тутъ въ неустойчивомъ равновѣсіи: одинъ моментъ — всѣ связи распадаются и безумный вихрь готовъ снести все на свѣтѣ. Пугачевщина не нуждалась въ студентахъ и евреяхъ. Идея взрыва слишкомъ допотопна, чтобы не бродить подъ самыми темными черепами. Народъ, оторвавшійся отъ земли и не нашедшій твердой опоры въ промыслахъ, дѣлается кочевникомъ. Онъ падаетъ даже ниже кочевого быта, ибо въ калмыцкой кибиткѣ все-же есть Богъ, семья, дѣти, старыя пѣсни. Даже въ шалашѣ у самоѣда возможна трезвая радость. У нашей-же черни трезвая радость болѣе невозможна. Только пьяное безуміе, заслонившее дѣйствительность, даетъ иллюзію благополучія, — вотъ почему народъ погрязаетъ въ

пьянствѣ. Земли, дѣйствительно, хватило-бы для высокой культуры, но для низкой ея не хватаетъ. Сдвинутый со своей территоріи народъ выпалъ изъ древней культуры. Онъ выпалъ изъ религіозной и нравственной дисциплины, выпалъ изъ своей крестьянской избы, какъ ребенокъ изъ колыбели. Драгоценная стихія природы—народъ—выпалъ изъ живительныхъ и нѣжныхъ объятій своей матери-земли. Затосковалъ и гибнетъ“...

Мы нарочно привели эту бесѣду публициста съ помѣщикомъ въ началѣ настоящей замѣтки. Слѣдомъ за ней мы позволимъ себѣ процитировать нѣсколько мѣстъ изъ напечатаннаго въ июньской книжкѣ историческаго очерка Н. Н. Оглоблина: „Гамазейное движеніе“. Очеркъ не имѣетъ прямого отношенія къ аграрному вопросу, а только характеризуетъ современное крестьянство, а, стало быть, и то движеніе, которое нынѣ происходитъ въ его массѣ.

„Гамазейный“ — искаженное на крестьянскій ладъ слово „магазейный“—магазинный. Такъ крестьяне въ центральныхъ губерніяхъ называютъ деньги, сборъ которыхъ замѣняетъ содержаніе въ натурѣ хлѣбныхъ запасныхъ магазиновъ.

Рѣчь въ данномъ случаѣ идетъ только объ одномъ уѣздѣ, но типичность происходившаго въ немъ „гамазейнаго движенія“ несомнѣнна. Въ сущности, и всюду такого рода „движенія“ происходили по одному и тому-же шаблону.

Вначалѣ авторъ рассказываетъ, какъ „распропагандировались“ крестьяне описываемаго имъ уѣзда, и здѣсь говоритъ, что большинство крестьянъ не посѣщало митинговъ и не читало прокламацій. Новыя идеи доходили до нихъ черезъ вторыя и третьи руки въ самостоятельной переработкѣ послѣднихъ. Къ этимъ толкамъ присоединились своеобразно понятыя газетныя извѣстія и разсужденія и непонятный языкъ правительственныхъ актовъ и разсказы очевидцевъ о вооруженныхъ возстаніяхъ и пр. событіяхъ революціоннаго характера. Весь этотъ „умбуръ“, сразу и неожиданно нахлынувшій на мужика, заварилъ въ его головѣ такую кашу, что не скоро онъ въ ней разобрался. Усиленно заработали мужицкіе мозги и, къ удивленію, когда поразобрались въ новыхъ идеяхъ, то все оказалось для нихъ чрезвычайно ясно и просто. Первымъ дѣломъ они отбросили рѣшительно все, что не касается мужицкаго обихода, какъ-будто на свѣтъ нѣтъ никого и ничего достойнаго вниманія, кромѣ мужика. Все „не касающееся“ ихъ пошло на смарку, какъ „зряшное дѣло“. Но въ своемъ великомъ мужицкомъ эгоизмѣ они восприняли изъ новыхъ ученій единственно то, что касается внѣшнихъ матеріальныхъ благъ. „Вся земля наша, податей нѣтъ, начальства нѣтъ“—только эти и подобныя „истины“ они усвоили, запомнили и стремились осуществить. Малѣй-

нѣ-же намеки на высшія побужденія и цѣли освободительнаго движенія промли мимо мужицкихъ головъ, какъ дуновение вѣтерка около каменныхъ глыбъ.

Все это авторъ цитируемой статьи какъ-будто ставитъ въ упрекъ мужику. Напр., онъ мужицкому эгоизму даетъ такую характеристику: „сильнѣе и возмутительнѣе его нѣтъ на свѣтѣ“. Мы въ томъ, что рассказываетъ г. Оглоблинъ, видимъ нѣчто другое: въ такомъ отношеніи къ общему движенію сказывается здоровый практическій смыслъ русскаго мужика. Онъ не гонится за журавлемъ на небѣ, а старается заполучить въ руки нужную синицу. Всевозможныя кадетскія, эсерскія, эсдекскія и пр., и пр. условія ему чужды. Онъ—здоровый работникъ и взглядъ на жизнь у него здоровъ, но—увы!—это, конечно, дѣтскій взглядъ. Ему нужна до зарѣзу земля и при первой только возможности раскрыть ротъ онъ кричитъ: „вся земля наша“. Онъ не понимаетъ значенія платежа податей и радуется тому, что „платежей нѣтъ“. Отъ своего непосредственнаго начальства онъ видѣлъ только угнетеніе во всѣхъ видахъ и приходитъ въ восторгъ отъ мысли, что и „начальства нѣтъ“. Но, повторяемъ, этотъ взглядъ дѣтскій. Вся земля не можетъ быть исключительною собственностью того или другого класса; безъ податей, подъ какимъ-бы видомъ онѣ ни взимались, государство существовать не можетъ, безъ начальства тоже, ибо тогда воцарилась-бы анархія. Вся суть въ томъ, чтобы земли у каждаго трудящагося было достаточно не только для его пропитанія (съ семьей), но и для составленія капитала на старость или вообще на черный день; подати, необходимыя для существованія государства, не должны быть чрезмѣрными, а начальство не смѣетъ „чистить зубы“, „драть съ одного вола семь шкуръ“. Если-бы удалось все это устроить, ни одинъ крестьянинъ не шевельнулся-бы...

Но возвратимся къ цитируемой статьѣ, ибо она чрезвычайно рельефно рисуетъ участіе мужиковъ въ современной смутѣ.

Кое-гдѣ мужики перестали платить подати. Въ отношеніи описываемаго уѣзда (то-же съ полной вѣроятностью можно сказать и про остальные) г. Оглоблинъ говоритъ, что въ уклоненіи отъ казенныхъ налоговъ одни младенцы могутъ видѣть „протестъ“ противъ правительства: мужики просто рады случаю урвать хотя что-нибудь въ свою пользу. Самые зажиточные изъ нихъ, напр., на вопросъ: почему они-то не платятъ?—отвѣчаютъ:

— Какъ-бы не прогадать заплативши-то?! Бають, что можно не платить... А деньги у насъ готовы... Какъ-же!

Въ своемъ задушевномъ стремленіи „урвать что-нибудь“ мужики дошли до рѣшенія, что имъ не нужно и земства. Г. Оглоблинъ сви-

дѣтельствуешь, что они откровенно говорили, что „съ полнымъ удовольствіемъ“ обойдутся безъ земскихъ школъ, больницъ, сельско-хозяйственныхъ складовъ и пр., и пр. Не нужно имъ ни докторовъ, ни агронома, ни дорожнаго техника, ни оспопрививателей и т. д. Все это требуетъ большихъ денегъ, а нутко ежели эти деньги останутся въ карманѣ мужика? Впрочемъ, любящій полегчить мужикъ не прочь оставить земскихъ фельдшеровъ, но чтобы они были „какъ можно подешевле“—примѣрно, изъ ротныхъ, коня теперь видимо невидимо вернулось изъ Манчжуріи. Еще отстаиваютъ мужики „скотинныхъ докторовъ“ и даже негодуютъ, что земство „дѣнить ихъ дешевле человѣчьихъ“.

„Упразднивши“ земство (въ нѣкоторыхъ уѣздахъ, по словамъ г. Оглоблина, перестали платить земскіе налоги и земство вынуждено было пробавляться займами изъ губернскихъ капиталовъ), мужикъ довольно неожиданно додумался и до... упраздненія церкви: въ нѣкоторыхъ селахъ описываемаго въ очеркѣ уѣзда составлялись приговоры „объ отдѣленіи церкви отъ... самодержавія (sic!)... Рассказывая объ этомъ, авторъ восклицаетъ и съ нимъ нельзя не согласиться: „Политическіе недоноски торжествовали, вѣруя, что нашъ мужикъ уже доросъ до вопроса, къ рѣшенію котораго только на-дняхъ приступила Франція“...

Увы, мужицкій ларчикъ открывался гораздо проще.

„Отдѣленіе церкви отъ самодержавія“ выражаетъ желаніе мужиковъ, чтобы всѣ церковные сборы оставались на мѣстѣ и шли только на свою церковь, а не отсылались въ „губернію“, гдѣ они идутъ на разные епархіальные расходы.

— Изъ нашихъ церквей отбираютъ всѣ деньги, — жаловался г. Оглоблину одинъ церковный староста, мужикъ богатый и кулакъ, — а сами какъ живутъ! У нашего архіерея семьи нѣтъ, а онъ одинъ получаетъ десять тысячъ жалованья!

Что-же, однако, имѣютъ въ виду мужики, когда требуютъ, чтобы ихъ деньги оставались въ своихъ церквахъ? Единственная ихъ цѣль — поймать сразу двухъ зайцевъ: и Богу угодить своими грошами, и на эти гроши „завести поповъ сортомъ подешевле“...

— Будемъ держать попа, какого хотимъ, — говорятъ мужики. — Кончилъ парнекъ сельскую школу, малость подросъ — сейчасъ мы его въ попы... Положимъ ему жалованье, какъ слѣдъ — двадцать пять рублей въ мѣсяцъ, а больше ни-ни! Ни земли, ни доходовъ — не моги ничего брать! А станетъ братъ, долой его — выбирай другого, може, еще и подешевле найдется... Попы тогда-то пойдутъ дешевле...

Въ этой-то дешевизнѣ будущихъ поповъ и заключался весь смыслъ „отдѣленія церкви отъ самодержавія“...

Все переданное здѣсь такъ и дышитъ дѣтскою наивною и, вмѣстѣ съ тѣмъ, великою практическою сметкою: развѣ не законно стремленіе мужика вывести на обще-мірскія потребности какъ можно менѣе своихъ трудовыхъ грошей? Достались ему они, эти гроши, горбомъ, много пота имъ было пролито, прежде чѣмъ они очутились въ его рукахъ и, чѣмъ больше ихъ останется у него въ кошнѣ, тѣмъ лучше...

Именно на почвѣ страха за цѣлость трудовыхъ грошей и развилось „Гамазейное движеніе“.

„Это было у насъ,—говоритъ г. Оглоблинъ въ своемъ интересномъ очеркѣ,—самымъ крупнымъ „революціоннымъ“ дѣяніемъ мужика, разразившагося якобы стремленіями „подорвать финансовый престижъ государства“, если даже не довести Россіи „до банкротства“. Между тѣмъ, на самомъ дѣлѣ „гамазейное движеніе“ вызвано было обыкновенною халатностію администраціи. Въ одной области вслѣдствіе значительнаго неурожая крестьяне составили приговоръ о выдачѣ половины „гамазейныхъ“ денегъ. Земскій начальникъ утвердилъ приговоръ и передалъ его въ уѣздный сѣздъ, но не торопился составленіемъ посемейныхъ списковъ, безъ которыхъ выдача денегъ невозможна. Тогда являются крестьяне къ земскому, чтобы ускорить затянувшуюся выдачу, а онъ отсылаетъ ихъ въ сѣздъ, увѣряя, что всѣ бумаги тамъ. Идутъ въ уѣздный сѣздъ, а тамъ говорятъ, что земскій еще не прислалъ списковъ... Вспокоились мужики и порѣшили, что чиновники водятъ ихъ за носъ и отлыниваютъ отъ выдачи „гамазейныхъ“ денегъ, такъ какъ-де эти деньги растратены земскимъ начальникомъ. Страшное подозрѣніе облетѣло весь уѣздъ и подняло крестьянъ въ частяхъ другихъ земскихъ начальниковъ: всѣхъ заподозрѣли въ растратѣ мужицкихъ денегъ...

„Въ ближайшее засѣданіе уѣзднаго сѣзда явилась въ городъ толпа вобужденныхъ мужиковъ въ нѣсколько сотъ человекъ. Они заняли помѣщеніе сѣзда. Когда пріѣхалъ уѣздный членъ окружного суда—толстякъ, съ трудомъ протискавшійся черезъ толпу, раздались крики:

— „Ишь ты! Глянь-ко, робя, како брюхо-то ёнъ напустилъ на наши деньги!.. Ахъ, ты!

„Члены сѣзда, медлившіе съ открытіемъ засѣданія, помышляли удрать. Толпа все болѣе и болѣе напирала на столъ, за которымъ стояли, прижавшись къ стѣнкѣ, блѣдые, дрожащіе чиновники, тщетно пытавшіеся доказать толпѣ, что они не имѣютъ права выдать деньги, будучи въ неполномъ составѣ присутствія, безъ разрѣшенія высшей власти, безъ посемейныхъ списковъ и другихъ формальностей. Эти увѣренія еще больше взвинтили толпу. Она уже ревѣла и задніе кричали переднимъ: „— Нажимай на нихъ... Напирай, дави! Припирай

къ стѣнкѣ! Безъ денегъ не уйдемъ! Всѣхъ васъ побьемъ, коли не отдадите нашихъ денегъ... Нажимай, ребята!”

И „ребята нажали“... Затрещали скамейки, столы, зазвенѣли стекла разбитыхъ оконъ. Въ одинъ моментъ была сломана рѣшетка около судейскаго стола и толпа охватила столъ, сдвинула его, прижала къ стѣнѣ членовъ.

И деньги были выданы... Волей-неволей чиновники открыли незаконное засѣданіе, постановили незаконное рѣшеніе: выдать требующимъ всѣ „гамазейныя“ деньги, послали за деньгами въ казначейство и тотчасъ стали раздавать... Толпа мгновенно успокоилась...

Вѣсть объ удачной выемкѣ „гамазейныхъ“ денегъ быстро разнеслась по всему уѣзду. Всѣ общества двинулись по слѣдамъ первыхъ „гамазейщиковъ“ и получили деньги. Чиновники въ короткое время выдали двадцать тысячъ „гамазейныхъ“ денегъ. За иными обществами числилось болѣе тысячи рублей и они получили тогда ренту, при размѣнѣ которой для дѣлежа приходилось терять около 150 руб.

Результаты всей этой финансовой операціи мужика получились блестящіе, только не для него. Кушцы въ уѣздномъ городѣ и торговыхъ селахъ потирали руки отъ удовольствія и ставили свѣчи за здоровье того земскаго начальника, который заварилъ всю эту кашу. Никогда они такъ не торговали, какъ тогда, въ тѣ дни, когда мужики разошлись на „гамазейныя“ деньги. Мужики покупали бархатъ, шелкъ, лампы-молніи и т. п., бездѣлушки. Вся залежавшаяся заваль быстро исчезла изъ лавокъ. Нѣкоторые мужики, возвращаясь домой въ морозъ, даже животы свои положили „за монополію“, которая также не помнила, чтобы когда такъ торговала... Стояло чиновникамъ казначейства такъ волноваться, когда „гамазейныя“ деньги изъ одного кармана переходили въ другой... Зло причинено было огромное, но кто-же виновать? Неужели мужикъ? Бумага заслонила живнѣ, мелкій чинуша, изволите-ли видѣть, не успѣлъ выполнить своевременно дѣло, на которое онъ былъ нанятъ, и за все провсе отдувайся со всѣхъ сторонъ сѣятель и кормитель земли русской.

Такъ и въ современномъ аграрномъ вопросѣ. Если-бы во-время, еще при уничтоженіи крѣпостной зависимости, кромѣ земли, дали крестьянамъ и общія для всего населенія Россіи права, не обособили ихъ въ особую „опекаемую“ касту, если-бы дали имъ школу, которая научила-бы крестьянина и лучшимъ системамъ земледѣлія, промысламъ, которые явились-бы для него помощью въ его матеріальномъ бытѣ, крестьянство процвѣтало-бы и, не было-бы необходимости теперь въ разрѣшеніи земельного вопроса, въ тѣхъ его основныхъ формахъ, которыя предложены думѣ и „ка-детами“, и трудовиками“.

Обнаженная язва.

Статья А. И. Лаврова.

Вамъ, конечно, приходилось видѣть гнойныя, смердящія язвы? Живое мясо загнило и издаетъ отвратительную вонь, долго сохраняемую обоняніемъ. Все прикрывающей собою кожи нѣтъ, пораженное мясо черно-багрово-синее, въ образовавшемся углубленіи копаются черви... Ужасъ, ужасъ! близкое зараженіе крови, а затѣмъ и мучительная гибель всего страдающаго организма...

Провокація, это—одна изъ самыхъ опаснѣйшихъ гнойныхъ язвъ Россіи. Намъ пришлось говорить о ней, какъ о „змѣѣ русскихъ авгіевыхъ конюшенъ“, и теперь мы должны къ ней снова вернуться: отвратительная язва была обнажена въ государственной думѣ и промолчать о ней нѣтъ возможности...

Въ предыдущей июньской книжкѣ „Знанія и Польза“ *) мы привели, со словъ газеты „Рѣчь“, документъ, послужившій предлогомъ къ думскому запросу министру внутреннихъ дѣлъ. Чтобы отвѣтить на запросъ думы, г. Столыпинъ собирался „съ духомъ“ цѣлый мѣсяцъ и, наконецъ, отвѣтилъ. Приводимъ его отвѣтъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ сообщенъ официальнымъ органомъ правительства.

„Въ запросѣ,—заявилъ г. министръ внутреннихъ дѣлъ П. А. Столыпинъ,—предъявляются обвиненія не къ отдѣльнымъ лицамъ, служащимъ въ департаментѣ, а на департаментъ непосредственно возводится нареканіе въ непосредственномъ участіи въ возбужденіи одной части населенія противъ другой, послѣдствіемъ чего были массовыя убійства мирныхъ гражданъ. Новому министру, по мнѣ, надлежало разобраться въ этомъ весьма важномъ обвиненіи и останавливаться не столько на дѣйствіяхъ отдѣльныхъ лицъ, сколько на пригодности опорочиваемаго орудія его власти. Не предположивъ разъясненія го дѣламъ недавняго прошлаго, министръ не могъ-бы увѣренно говорить о происшествіяхъ настоящаго.

„Поэтому останавливаюсь вкратцѣ на инкриминируемой дѣятельности департамента за минувшую зиму, оговариваясь, что едомовокъ я не допускаю и никакой полуправды не признаю.

„Суть попавшаго въ печать рапорта чиновника особыхъ пору-

*) См. стр. «Знаніе и Польза» № 6, стр. 69.

ченій Макарова заключается въ указаніи: а) на печатаніе департаментомъ полиціи воззваній, возбуждающихъ одну часть населенія противъ другой, б) на участіе ротмистра Будоговскаго въ распространеніи такихъ-же прокламацій, изданныхъ политическимъ обществомъ гор. Александровска и в) на бездѣйствіе власти департамента, не принявшаго мѣръ къ пресѣченію помннутыхъ неправильныхъ дѣйствій.

„При производствѣ по этому поводу тщательнаго разслѣдованія оказалось, что въ половинѣ декабря жандармскимъ офицеромъ Комиссаровымъ было отпечатано на конфискованной по одному изъ политическихъ дѣлъ бостонкѣ воззваніе „Къ солдатамъ“ съ описаніемъ извѣстнаго избіенія революціонерами въ Тукумѣ полуэскадрона драгунъ и призывомъ къ солдатамъ свято исполнить свой долгъ при столкновеніи съ мятежниками. Это воззваніе было послано въ Вильну въ количествѣ около 200 экземпляровъ. Кромѣ того, былъ сдѣланъ наборъ другого воззванія „Къ избирателямъ въ государственную думу“. Въ это время о дѣйствіяхъ жандармскаго офицера стало извѣстно его начальству, которое указало ему на всю незаконность его дѣйствій, хотя-бы совершенныхъ въ всякой зависимости отъ его служебнаго положенія, послѣдствіемъ чего были немедленное уничтоженіе набора неотпечатаннаго еще воззванія „Къ избирателямъ“ и посылка въ Вильну телеграммы объ уничтоженіи нерозданныхъ воззваній „Къ солдатамъ“.

„Затѣмъ, по поводу дѣйствій ротмистра Будоговскаго, выяснилось, что, на почвѣ совмѣстнаго участія въ борьбѣ съ декабрьскими беспорядками въ Александровскѣ, у него установились личныя отношенія къ организаціямъ, именованнымъ „Александровскимъ союзомъ 17-го октября“ и „Александровскою боевою дружиною“, причеиъ ротмистръ Будоговскій употреблялъ свое вліяніе на распространеніе издачій этихъ организацій среди крестьянъ уѣзда. Однако, послѣ прекращенія этихъ беспорядковъ, т. е., послѣ 14-го декабря, никакихъ воззваній противъ революціонныхъ партій и евреевъ въ Александровскомъ уѣздѣ уже не распространялось.

„Хотя юридически приписываемое ротмистру Будоговскому подстрекательство къ погрому за невоспослѣдованіемъ такового и не наказуемо, но, по полученіи свѣдѣній о его дѣятельности, онъ былъ вызванъ въ Петербургъ, гдѣ ему было внушено о неумѣстности участія офицера корпуса жандармовъ въ какой-либо агитаціи.

„Что касается самаго департамента, то ему инкриминируется, очевидно, соучастіе въ дѣйствіяхъ названнаго офицера или, въ крайнемъ случаѣ, въ бездѣйствіи власти. Хотя по рапортамъ Будоговскаго было сдѣлано никакихъ распоряженій; но такая медленность

объясняется тѣмъ, что они получены были 8-го и 10-го декабря, т. е., въ разгаръ московскаго возстанія, когда завѣдывавшій политической частью д. с. с. Рачковскій находился въ Москвѣ, а затѣмъ 14-го декабря былъ освобожденъ отъ завѣдыванія политической частью департамента. Позднѣе, какъ сказано выше, ротмистръ Будоговскій вызывался въ Петербургъ и получилъ должное внушеніе. Надо также принять во вниманіе, что не только ожидавшагося на 19-е февраля въ Александровскѣ погрома, но и вообще какихъ-либо волненій тамъ не было.

„Для полноты картины слѣдуетъ отмѣтить, что въ дѣлахъ департамента хранится цѣлый рядъ общихъ циркуляровъ о предупрежденіи и пресѣченіи еврейскихъ погромовъ и телеграммъ, вызывавшихся частными случаями.

„Нѣкоторое уясненіе дѣйствій вышеназванныхъ жандармскихъ офицеровъ слѣдуетъ почерпнуть въ воспоминаніи о томъ ужасномъ времени, которое переживала Россія минушею осенью и зимою и которое поселило во многихъ совершенно превратныя понятія о долгѣ предъ родиною. Участіе должностныхъ лицъ въ собраніяхъ крайнихъ партій смѣнялось страшною агитаціею противъ началъ, возвѣщавшихся этими партіями, причемъ оба эти явленія, какъ несовмѣстимыя съ общественнымъ положеніемъ должностныхъ лицъ, должны быть признаны въ равной мѣрѣ нетерпимыми. Въ частности, относительно ротмистра Будоговскаго надо имѣть въ виду обстановку, въ которой онъ тогда находился; не имѣя въ своемъ распоряженіи достаточнаго числа войскъ и видя захватъ мятежною толпою станціи желѣзной дороги, онъ рѣшилъ опираться на существовавшія общественныя группы, съ помощью которыхъ и подавилъ вооруженный мятежъ, за что и получилъ Высочайшую награду, а совершенно не за агитацію, о которой въ Петербургѣ ничего не знали. Теперь и эти дѣйствія ротмистра Будоговскаго, и судебное слѣдствіе о мятежѣ стали предметомъ новаго запроса, но я могу отвѣчать на это новое обвиненіе только послѣ того, какъ судебное слѣдствіе будетъ опорочено.

„Въ общемъ, изъ всего вышеизложеннаго не видно, чтобы департаментомъ полиціи была оборудована преступная типографія и чтобы послѣдствіемъ дѣятельности департамента были массовыя убійства. Для министра внутреннихъ дѣлъ несомнѣнно, что отдѣльные чины департамента дозволили себѣ, дѣйствуя вполнѣ самостоятельно, вмѣшаться въ политическую борьбу, отъ чего были своевременно остановлены. Эти дѣйствія неправильны, репрессія противъ участниковъ ихъ была уже принята до меня, но министерство обязывается принимать на будущее время самыя энергичныя мѣры къ [устраненію такихъ явленій, которыя повторяться болѣе не могутъ“.

Когда по будоражающему всю Россію дѣлу даетъ объясненіе такой крупный чиновникъ, какъ министръ внутреннихъ дѣлъ, да вдобавокъ еще оговорившій предъ началомъ своихъ разъясненій, что недомолвокъ онъ не допускаетъ и никакой полуправды не признаетъ, каждый въ правѣ предполагать, что его рѣчь именно такова, какъ онъ самъ ее характеризуетъ. Мы, со своей стороны, вполне признаемъ, что все сказанное г. Столыпинымъ, правда, безусловная правда... Правда, что жандармскій офицеръ, т. е., агентъ правительства, печаталь разжигающія буйныя страсти воззванія на типографской машинѣ, находившейся въ правительственномъ учрежденіи; безусловная правда—и то, что ему было указано начальствомъ на незаконность его дѣйствій, тогда какъ сотни людей отправлены были за невинныя, сравнительно съ воззваніемъ „Къ солдатамъ“, бумаженки въ тюрьмы, на далекой сѣверъ (объ убіенныхъ за то-же и вспоминать не будемъ: прими ихъ, Господи, въ селенія горнія, гдѣ праведныя упокоются!); правда—и то, что ротмистръ Будоговскій оперся на общественныя группы, съ помощью которыхъ и подавилъ вооруженный мятежь, за что получилъ награду, а „совершенно не за агитацію, о которой въ Петербургѣ и не знали“; безусловная правда—и то, что „для министра внутреннихъ дѣлъ“ несомнѣнно, что „отдѣльные чины департамента позволили себѣ, дѣйствуя самостоятельно, вмѣшаться въ политическую борьбу“. Все правда; правда отъ слова до слова и во имя этой правды мы должны привести здѣсь рѣчь бывшего товарища министра внутреннихъ дѣлъ, а нынѣ государственнаго выборнаго князя Урусова, произнесенную имъ въ государственной думѣ въ отвѣтъ на правду г. министра внутреннихъ дѣлъ.

Вотъ эта рѣчь, громъ которой раскатился по всѣмъ уголкамъ земного шара. Эта рѣчь обнажила гнойную язву и вызвала всюду взрывъ негодованія. Приводимъ ее въ томъ видѣ, въ какомъ она изложена въ наиболѣе правдивой изъ существующихъ нынѣ газетъ—„Страна“—вмѣстѣ съ тѣми характерными репликами, какими сопровождали нѣкоторыя мѣста ея государственные выборные:

„Я просилъ слово, господа народные представители (голоса—„громче“), для того, чтобы предетавить вашему вниманію нѣкоторыя соображенія по поводу только что выслушаннаго нами отвѣта на запросъ по поводу типографіи. Дѣйствительно, я полагаю, что извѣстіе о скрывавшейся въ тайникахъ департамента полиціи „бостонкѣ“, какъ назвалъ ее министръ внутреннихъ дѣлъ, мы разсматриваемъ не столько какъ фактъ прошлаго, съ точки зрѣнія отвѣтственности виновныхъ лицъ, сколько какъ тревожный вопросъ относительно возможности дальнѣйшаго участія правительственныхъ чиновъ, хотя-бы и меньшинства ихъ, въ подготовленіи тѣхъ

кровавыѣ драмѣ, которыми мы въ послѣднее время прославились и которыя, къ стыду нашему, продолжаютъ разыгрываться, какъ показываютъ недавнія обстоятельства, и возбуждаютъ негодование всѣхъ, кому дорога человѣческая жизнь и кому дорого достоинство русскаго государства. Поэтому не около вопроса о томъ, въ достаточной-ли мѣрѣ наказаны Комиссаровъ и Будоговскій, будетъ обращаться моя мысль, а исключительно около того вопроса: возможно-ли въ дальнѣйшемъ это участіе? При этомъ позвольте мнѣ оговориться: я совершенно искренне увѣренъ въ томъ, что г. министръ внутреннихъ дѣлъ сообщилъ намъ все, что могъ, увѣренъ въ искренности его сообщенія и не сомнѣваюсь въ томъ, что при министрѣ внутреннихъ дѣлъ Столыпинѣ никто не рѣшится воспользо-ваться вѣданіемъ министерства и министерскими суммами, чтобы организовать погромъ и устраивать подпольныя типографіи; но смыслъ, значеніе и важность настоящаго вопроса въ томъ именно и заключается, что погромы и междоусобная война могутъ происходить и продолжаться внѣ зависимости отъ отношенія къ нимъ того или другаго министра внутреннихъ дѣлъ.

„Чтобы постараться это показать, мнѣ необходимо коснуться нѣсколько общаго вопроса о погромахъ и затѣмъ той служебной роли, которую при этомъ играла упомянутая типографія. Внимательное изслѣдованіе такъ называемыхъ погромовъ приводитъ наблюдателя къ фактамъ всегда одинаковымъ и ставитъ его лицомъ къ лицу съ явленіями совершенно однородными: во-первыхъ, погрому всегда предшествуютъ толки о немъ, сопровождаемые широкимъ распространеніемъ воззваній, возмущающихъ населеніе, и появленіемъ своего рода, я сказалъ-бы, „буревѣстниковъ“ въ лицѣ представителей мало кому извѣстныхъ подонковъ населенія; затѣмъ официальное указаніе при возникновеніи погрома повода его—всегда, безъ исключенія, впоследствии оказывается ложнымъ. Далѣе, въ дѣйствіяхъ погромщиковъ усматривается своего рода планомѣрность; они дѣйствуютъ въ сознаніи какого-то права, въ сознаніи какой-то безнаказанности и дѣйствуютъ лишь до тѣхъ норъ, пока это сознаніе не будетъ въ нихъ поколеблено, послѣ чего погромъ прекращается необыкновенно быстро и легко. Это всегда такъ бываетъ. Въ дѣйствіяхъ-же полиціи, напротивъ, также всегда усматривается отсутствіе единства, отсутствіе плана, и въ то время, когда въ нѣкоторыхъ полицейскихъ участкахъ, при наличности значительныхъ полицейскихъ силъ, погромы принимаютъ характеръ сплошнаго бѣдствія, въ другихъ участкахъ отдѣльныя полицейскія чины, дѣйствуя твердо, въ сознаніи долга и смѣло, останавливали бѣдствія въ самомъ началѣ. Затѣмъ о роли войскъ я ничего не скажу,

потому что тогда пришлось-бы говорить до завтрашняго дня. За-тѣмъ погромъ прекращается; тогда производятся аресты, аресто-ванные заключаются въ тюрьмы, и посѣщающее тюрьмы начальство не можетъ отдѣлаться отъ впечатлѣнія, что предъ ними не столько преступники, сколько кѣмъ-то обманутые люди. Однимъ словомъ, чувствуется всегда организація, и широко задуманная. Ошибаются тѣ, которые, назвавъ эту организацію правительственной, думаютъ, что вопросъ разрѣшился и дѣло стало вполне ясно, но ошибаются не совсѣмъ; и вотъ, именно, обстоятельства нынѣшней зимы, послу-жившія поводомъ къ запросамъ, на которые мы выслушали отвѣтъ, и помогутъ отчасти разобраться въ томъ туманѣ, который окуты-вается эти темныя дѣла. Въ январѣ 1906 г. къ одному лицу, зани-мающему въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ второстепенное доло-женіе, но извѣстному въ качествѣ противника погромной политики (я говорю не о себѣ), стали поступать воззванія, хорошей, чистой ра-боты, изъ главныхъ центровъ нашего юга и запада, а также тре-вожныя жалобы съ указаніемъ на подготовленіе погромовъ въ Бѣлостокѣ, Киевѣ, Вильнѣ, Николаевѣ, Александровскѣ и нѣкото-рыхъ другихъ городахъ. Гомельскій январскій погромъ доказалъ, что это имѣетъ подъ собою полное основаніе, что и побудило упомя-нутое лицо внимательно отнестись къ вопросу и сдѣлать все возможное, чтобы предупредить возникновеніе этихъ погромовъ. Это удалось сдѣлать, главнымъ образомъ, благодаря энергичному со-дѣйствію тогдашняго предсѣдателя совѣта министровъ; но при этомъ открылась слѣдующая любопытная картина дѣятельности погромныхъ дѣлъ мастеровъ. Группа лицъ, составляющая какъ-бы боевую дру-жину одного изъ нашихъ самыхъ патріотическихъ собраній, въ связи и въ единеніи съ лицами, близко стоящими къ редакціи одной не петербургской газеты, задумала борьбу съ революціей. Будучи па-тріотами въ томъ смыслѣ, какой недавно придавалъ этому слову представитель Тверской губерніи, они, эти истинно русскіе люди, всю причину крамолы видѣли въ инородцахъ: полякахъ, армянахъ и обывателяхъ черты еврейской осѣдлости; и вотъ въ широковѣ-щательныхъ воззваніяхъ населеніе приглашалось къ самосуду, къ борьбѣ съ этими врагами отечества своими средствами, причемъ къ солдатамъ было обращено особое воззваніе, чрезвычайно инте-ресное по содержанію; оно у меня скоро будетъ въ рукахъ.

„Эти воззванія развозились на мѣста въ количествѣ не сотенъ экземпляровъ, а сотенъ тысячъ экземпляровъ, и развозились они членами сообществъ и на мѣстахъ вручались людямъ, заслуживающимъ довѣрія, союзникамъ, единомышленникамъ, причемъ въ числѣ этихъ лицъ было очень много чиновниковъ, состоящихъ на правительственной службѣ; тѣ,

въ свою очередь, раздавали прокламаціи или воззванія въ широкихъ кругахъ населенія съ большимъ толкомъ и по извѣстному плану. И вотъ получилась оригинальная, съ точки зрѣнія охраны единства власти, картина. Помощникъ полиціймейстера, — такъ я говорю для примѣра, — зналъ объ этихъ воззваніяхъ, но не докладывалъ своему начальнику — полиціймейстеру. Приставу перваго стана или перваго, положимъ, участка довѣріе было оказано, но приставъ втораго участка этого довѣрія былъ лишентъ. У кого-нибудь изъ служащихъ жандармскаго и чаще охраннаго отдѣленій вдругъ появлялись какія-то особыя суммы. Къ нему начинали ходить неизвѣстные люди изъ числа тѣхъ, о которыхъ я упомянулъ. Въ городѣ начинали ходить тревожные слухи, жители начинали развѣзжаться, губернаторъ ихъ успокаивалъ, но самъ былъ не всегда увѣренъ въ томъ, что спокойствіе будетъ охранено. Изъ министерства всегда получались телеграммы, тревожныя, съ указаніемъ на то, что готовятся беспорядки, и съ приказаніемъ употреблять самыя энергичныя мѣры. Мѣры принимались и распоряженія дѣлались, но не всё этимъ распоряженіямъ вѣрили. Бывало даже такъ (я самъ являюсь свидѣтелемъ этихъ событій), что чины полиціи не вѣрили губернаторскимъ приказамъ, полагая, что это такъ дѣлается, для вида, для приличія, но что имъ лучше живѣтны истинныя виды правительства. Они, не вѣря губернаторскимъ приказамъ, прислушивались къ какому-то голосу издалева, которому, очевидно, болѣе вѣрили. Словомъ, получалась полная суматоха, полный беспорядокъ, полная дезорганизация и деморализация власти.

„А въ это время въ Петербургѣ, на Фонтанкѣ, № 16, въ одномъ изъ отдаленныхъ угловъ департамента полиціи, уже работалъ печатный станокъ. Къ нему былъ приставленъ, а не самъ сталь, офицеръ жандармскаго корпуса Комиссаровъ съ помощниками въ статскомъ платьѣ. И вотъ они-то именно и печатали тѣ воззванія, о которыхъ я вамъ ранѣе говорилъ. Дѣйствія этой организациі (и работа Комиссарова были обставлены столь таинственно и вообще всё дѣйствія ихъ были столь конспиративны, что, конечно, не только въ министерствѣ, но и въ департаментѣ полиціи, почти никто не зналъ о существованіи этой типографіи, организованной именно тѣми, кто долженъ находить подпольныя типографіи, и, во всякомъ случаѣ, если кто-нибудь и зналъ, то знали только тѣ, кому это вѣдать надлежало. Но этой таинственностью не измѣнялся успѣхъ дѣла, что доказывало то, что, когда лицо, открывшее эту типографію, обратилось съ вопросомъ къ Комиссарову объ успѣхѣ дѣла, онъ отвѣтилъ: „погромъ устроить можно какой угодно; хотите — на 10 человекъ, а хотите — на 10.000“. Это — фраза историческая. Къ свѣдѣнію господъ представителей киевлянъ, я могу сообщить, что 8-го февраля былъ

организованъ погромъ именно на 10 тысячъ, но его удалось предупредить. Предсѣдатель совѣта министровъ, какъ говорятъ, испыталъ сильнѣйшій припадокъ нервной астмы, когда узналъ о работѣ этой типографіи, и это обстоятельство, вѣроятно, помѣшало ему немедленно выяснитъ эту организацію на мѣстѣ. Такъ или иначе, но онъ ограничился тѣмъ, что вызвалъ Комиссарова. Тотъ ему доложилъ о своихъ дѣйствіяхъ и, вѣроятно, о полномочіяхъ, но результатъ-то былъ тотъ, что черезъ три часа не было ни станка, ни воззваній, ни Комиссарова, ни его помощника, осталась одна только пустая комната, и вотъ почему ни министръ внутреннихъ дѣлъ, ни кто-либо изъ насъ никогда не узнаетъ тѣхъ лицъ, которыя объединяли дѣйствія этой широкой организаціи, обеспечивали участникамъ ихъ безнаказанность, магически дѣйствовали на умы полицейскихъ и другихъ чиновъ и, наконецъ, имѣли такую власть, что находили возможнымъ ископатывать для наиболѣе отличившихся награды и повышенія. Эти примѣры бывали. Я только потому не могу ихъ привести, что я говорю безъ надлежащей подготовки, что у меня нѣтъ подъ руками тѣхъ справокъ, которыя, хотя въ ограниченномъ количествѣ, но все-таки имѣются. Мнѣ пора было-бы кончить, я уже утомилъ ваше вниманіе (голоса: „просимъ, просимъ!“), поэтому я перейду къ выводу изъ всего только что сказаннаго. Первый мой выводъ заключается въ томъ, что мы не имѣемъ никакихъ гарантій относительно прекращенія дѣятельности этихъ преступныхъ полуправительственныхъ организацій и относительно того, что въ нихъ и впредь не будутъ принимать участія лица, состоящія на государственной службѣ. Да иначе и быть не можетъ, такъ какъ главные вдохновители находятся, очевидно, внѣ сферы воздѣйствія министра внутреннихъ дѣлъ, и вотъ почему я, не направляя свои слова ни противъ министерства, ни противъ отдѣльныхъ министровъ, могу все-таки утверждать, что категорическое заявленіе, сдѣланное намъ сегодня, врядъ-ли имѣетъ подъ собою твердую почву. Я могу утверждать даже больше, а именно, что никакое министерство, будь оно даже взято изъ состава государственной думы, не сможетъ обезпечить порядокъ и спокойствіе, пока какіе-то, неизвѣстные намъ люди или темныя силы, стоящія за недостигаемой оградой, будутъ имѣть возможность грубыми руками хвататься за отдѣльныя части государственнаго механизма и изощрять свое политическое невѣжество опытами надъ живыми людьми, производя какія-то политическія вивисекціи (голоса: „браво, браво!“). Еще одна мысль неотвязно просится наружу; она уже мало имѣетъ отношенія къ этому вопросу, хотя отчасти является выводомъ изъ всего сказаннаго. Она относится къ дѣятельности самой государственной думы. Господа народные

представителя! Мы принесли сюда со всѣхъ концовъ Россіи не только жалобы и негодованіе, но и горячую жажду дѣятельности, самоотверженіе, истинный, чистый патриотизмъ. Здѣсь много лицъ, живущихъ доходами отъ имѣній, а много-ли вы слышали здѣсь возраженій противъ принудительнаго отчужденія земли въ интересахъ трудового земледѣльца? Здѣсь много лицъ, принадлежащихъ къ привилегированному сословію, занимающихъ привилегированное положеніе въ обществѣ, а много-ли слышали отъ нихъ словъ, которыя раздались-бы противъ идеи всеобщаго гражданскаго равенства и противъ широкихъ реформъ въ демократическомъ, народномъ духѣ? И не эта-ли государственная дума, которую такъ легко и охотно называютъ революціонной, съ самаго начала своей дѣятельности и до послѣдняго дня, бережно старается поднять Царскую корону, поставить ее выше нашихъ ежедневныхъ политическихъ дразгъ, выше нашихъ ошибокъ и оградить ее отъ отвѣтственности за эти ошибки? Какую еще, казалось-бы, думу нужно въ то время, когда наступила пора неотложныхъ реформъ, какъ не такую, въ которой личные интересы и классовая борьба уступили идеѣ единого народнаго и государственнаго блага. (Взрывъ аплодисментовъ, голоса: „браво, браво!“) И все-же мы всѣ чувствуемъ, какъ на насъ ополчаются всюду тѣ-же невѣдомыя темныя силы, какъ онѣ ограждаютъ отъ насъ довѣріе Верховной власти и лишаютъ государственную думу возможности работать въ томъ единеніи съ этою властью, которое, по основному закону, утвердившему нашъ новый строй, является и необходимымъ залогомъ успѣха нашей работы, и необходимымъ залогомъ мирнаго развитія нашей государственной жизни. Здѣсь, господа, скрывается большая опасность, всѣ ее чувствуютъ, и эта опасность, смѣю сказать, не исчезнетъ, пока на дѣла управленія этой страны, на судьбы страны будутъ оказывать вліяніе люди, по воспитанію вахмистры и городове, а по убѣжденію—погромщики“. (Несмолкаемый громъ аплодисментовъ, голоса: „погромщики!“ Предсѣдатель звонить.)

Эта историческая рѣчь говоритъ въ достаточной мѣрѣ и сама за себя. Комментаріи къ ней излишни, имѣющіе уши слышать—да слышать!

Въ дополненіе къ рѣчи кн. Урусова считаемъ не лишнимъ напомнить тѣ обстоятельства, при которыхъ „предсѣдатель совѣта министровъ испыталъ сильнѣйшій припадокъ астмы“. Въ свое время они были оглашены въ печати, но въ вихрѣ всевозможныхъ кровавыхъ событій прошли незамѣченными, потомъ появились въ парижской газетѣ „Le Temps“, изъ Парижа возвратились обратно въ Россію и въ окончательномъ видѣ гласили:

Въ газетѣ „Times“ отъ 4-го февраля т. г. помѣщена была телеграмма петербургскаго корреспондента этой газеты со ссылкой на самый достовѣрный источникъ слѣдующаго содержанія:

„Графу Витте передали, что въ департаментѣ полиціи печатаются прокламаціи, составленныя генералами Богдановичемъ и Треповымъ и призывающія населеніе къ избіенію евреевъ и либераловъ. Витте, въ сопровожденіи Философова и кн. Урусова, отправился въ зданіе департамента и тамъ, дѣйствительно, убѣдился въ томъ, что это—правда.

„По поводу этого обстоятельства между Витте и П. Н. Дурново произошелъ весьма энергичный обмѣнъ мнѣній, послѣ чего Витте немедленно отправился въ Петергофъ, но не встрѣтилъ тамъ той поддержки, которой ожидалъ. Передаютъ, что кн. Урусовъ и Философовъ собираются подать въ отставку“.

Эта телеграмма, несмотря на „самые вѣрные источники“, въ то время не произвела, однако, должнаго впечатлѣнія, потому что была принята за одну изъ тѣхъ многочисленныхъ сенсацій, которыми тогда были переполнены иностранныя и нѣкоторыя русскія газеты.

Правительство, однако, не сочло нужнымъ официально опровергнуть это извѣстіе, какъ это сдѣлалъ Плеве тотчасъ-же послѣ кишиневскаго погрома по поводу другого извѣстія того-же характера, — и отчасти поэтому цитированная телеграмма вскорѣ была позабыта. Многія русскія газеты ея вовсе не цитировали, а тѣ, которыя ее приводили, пропустили въ ней точно названныя имена двухъ генераловъ.

„Теперь,—говоритъ газета „Рѣчь“,—послѣ рѣчи кн. Урусова въ думѣ, являющейся полнымъ подтвержденіемъ телеграммы газ. „Times“ отъ 4-го февраля, сами собою всплываютъ имена тѣхъ двухъ генераловъ, которыхъ газета, на основаніи свѣдѣній, почерпнутыхъ изъ самыхъ достовѣрныхъ источниковъ, называетъ авторами упомянутыхъ прокламацій.

Однако, справедливость заставляетъ отмѣтить здѣсь, что генераль Богдановичъ послѣ одного изъ газетныхъ намековъ на подобную особенность его литературной дѣятельности напечаталъ въ „Новомъ Времени“ трогательное письмо, въ которомъ указывалъ на свой преклонный возрастъ, на смерть сына (извѣстнаго земскаго дѣятеля), доказывалъ, что онъ не способенъ на подобнаго рода литературу, ибо двадцать пять лѣтъ тому назадъ напечаталъ въ издаваемыхъ имъ листкахъ „Каедрa Исаакіевскаго собора“ „возваніе“, направленное противъ погромовъ...

О второмъ-же изъ упомянутыхъ генераловъ князь Урусовъ сказалъ сотруднику газеты „Двадцатый Вѣкъ“ слѣдующее:

„Я не особенно освѣдомленъ о придворныхъ интригахъ, но все-таки кое-что слышалъ. Прежде всего я знаю, что тамъ паго-

дятся Треповъ. Это, мягко выражаясь, — весьма недалководный администраторъ и, слѣдовательно, узкій и неумный человѣкъ. Посмотрите, что онъ сдѣлалъ съ Москвою въ 8 лѣтъ пребыванія въ ней. Полиціи онъ навязалъ совершенно несвойственныя ей обязанности и такъ, что и до сихъ поръ не удается направить ее на истинный путь. Затѣмъ онъ возстановилъ не противъ себя — это было-бы не важно, а противъ правительства чуть-чуть не всѣ сословія и классы Москвы: купцовъ, мѣщанъ, крестьянъ, булочниковъ, рестораторовъ, интеллигенцію, банщиковъ и т. д. Не забудьте: возстановить Москву съ ея именитымъ купечествомъ, Москву, считавшуюся самой благонадежною опорой престола — не легкое дѣло. Значить, надо было изо дня въ день систематически колотъ то одного, то другого, раздражать его и т. д. Возьмите, напримѣръ, такого рода распоряженіе генерала Трепова: запретить въ баняхъ, кофейныхъ, ресторанахъ и тому подобныхъ заведеніяхъ держать для чтенія газеты, кромѣ „Московскихъ Вѣдомостей“ и „Московского Листка“. Что это? Вѣдь, десятки тысячъ человѣкъ изо дня въ день получали уколы, раздражались и становились въ ряды „недовольныхъ“. Вѣчная погоня за крамолой. И такія-то лица служатъ средостѣніемъ“.

За границей разоблаченія князя Урусова подѣйствовали ошеломляюще. Даже во Франціи наиболѣе консервативныя органы печати о русскихъ дѣлахъ заговорили совсѣмъ по-другому. Въ передовицѣ, озаглавленной словами „Россійскій сумбуръ“ (*Le gachis russe*), — газета „Temps“ (цитируемъ эту статью въ русской передачѣ ея газетою „Страна“) говорить о той печальной картинѣ, которая раскрылась предъ глазами безпристрастнаго наблюдателя въ засѣданіи думы 8-го іюня. Печальна она и потому, что повнакомила Европу съ возмутительными фактами, творящимися въ Россіи; печальна и потому, что министры не сумѣли найти никакихъ оправданій противъ вводимыхъ на нихъ обвиненій ни въ прошломъ, ни въ настоящемъ; недовольна газета также несдержанностью и нетерпимостью, проявленными, по ея мнѣнію, депутатами въ этомъ засѣданіи.

Останавливаясь на рѣчи кн. Урусова, газета говоритъ, что устами его гласила сама истина. „Никогда еще Европа не знала такой анархіи, какая создается русскимъ самодержавіемъ. И если оно зашло въ тупикъ, изъ котораго нѣтъ выхода, то вся вина въ этомъ падаетъ на его-же голову. Оно измѣнило своему естественному назначенію, поставивъ на мѣсто правительственной власти произволъ чиновниковъ. И то, что дума теперь констатируетъ и открыто провозглашаетъ, давно уже извѣстно всему міру. Правительство не проявляло до сихъ поръ достаточно энергіи, чтобы положить конецъ

этому злу. На какие аргументы может ссылаться оно теперь, чтобы оставлять и в дальнѣйшемъ свою власть внѣ парламентскаго контроля,—власть, которую оно давно растеряло, чтобы сохранить и в дальнѣйшемъ свои права, которыя оно перестало осуществлять, чтобы требовать къ себѣ уваженія, когда оно оказалось неспособнымъ обязывать своихъ подчиненныхъ къ повиновенію?“

Разбивая затѣмъ разсужденія Столыпина на ту тему, что, пока не созданы новые законы, правительство вынуждено дѣйствовать на основаніи временныхъ правилъ, газета указываетъ, что подобными разсужденіями министерство попадаетъ въ заколдованный кругъ.

„Не выходя изъ этого круга,—говоритъ газета,—правительство лишь содѣйствуетъ той бюрократической анархіи, которая является основнымъ зломъ Россійской Имперіи и которая по необходимости ведетъ къ произволу и насилію. Недавно насъ упрекали въ трусости за то, что мы указывали на необходимость нравственнаго обновленія администраціи раньше всякихъ другихъ реформъ. Теперь же вся дума должна согласиться, что до проведенія этой первой реформы безотвѣтственность министровъ всегда сможетъ найти оправданіе въ ихъ бесиліи. И дѣйствительно, дума требуетъ отъ правительства, чтобы оно сдѣлало то, что должно было сдѣлать уже давно. Но въ настоящее время правительство оказывается неспособнымъ выполнить свой долгъ болѣе, чѣмъ когда-либо.

„Вотъ здѣсь и заключается весь смыслъ переживаемаго кризиса. Россія парализована и никакое движеніе впередъ невозможно, ибо мѣстные органы власти не повинуются центральнымъ. Не лучше-ли было-бы придворнымъ кругамъ всю ту энергію, которую они совершенно безплодно растрчиваютъ на борьбу съ думой, употребить противъ своихъ-же чиновниковъ? Вѣдь, для всякаго правительства первѣйшимъ условіемъ успѣшности борьбы съ требованіями законодательнаго собранія, хотя-бы и самыми чрезмѣрными, является увѣренность въ томъ, что ни одно злоупотребленіе, совершенное противъ его воли, не будетъ поставлено ему въ вину. Неужели не найдется лицо, которое дало-бы понять Монарху этотъ жизненный законъ политики, которое показало-бы ему, что правительство, не подчиняющееся этому закону, идетъ къ самоубійству, которое напомнило-бы ему мысль, формулированную недавно Дешанелемъ во французскомъ парламентѣ, что „все отдающееся реформѣ отнимается у революціи?“

Историческою рѣчью кн. Урусова самая гнойная изъ язвъ русскаго организма была обнажена. Ниже читатели найдутъ извлеченный изъ историческаго журнала „Былое“ очеркъ „Судейковщина“, изъ котораго виднѣ, что та-же язва и гноилась, и червоточилась слишкомъ два

десятка лѣтъ тому назадъ, варажая своимъ смрадомъ всю несчастную Россію. Но и теперь, когда она вскрыта, никакихъ мѣръ къ ея уничтоженію не принимается. Г. Столыпинъ говорилъ безъ недомолвокъ полную правду, кн. Урусовъ отвѣчалъ ему, и около этого времени по такой оживленной улицѣ Петербурга, какъ Литейный проспектъ, шествовала процессія съ красными флагами и цвѣнемъ рабочей марсельезы („матерлезы“, какъ говорятъ крестьяне внутреннихъ губерній). Городовые не только не препятствовали такому шествію, но улыбались при видѣ его. Рабочіе ротъ разѣвали отъ удивленія, а „краснофлажцы“ шли, ступая даже „въ ногу“ другъ другу, сохраняя равненіе и „кидая глазами“ на начальство. У офицерскаго собранія на Литейномъ нѣсколько офицеровъ замѣтили среди манифестантовъ георгіевскихъ кавалеровъ, кинулись было усовѣщевать ихъ... Куда тутъ! „Такъ точно“, „не можемъ знать“, „никакъ нѣтъ“—только и было слышно изъ ихъ рядовъ вперемяжку съ „Отрѣшимся отъ прежняго міра“. Черезъ день прогрессивныя газеты разоблачили тайну этой манифестаціи, доказавъ, что это была провокаціонная манифестація, устроенная яко-бы съ цѣлью побудить рабочихъ къ „активному выступленію“.

Гноится проклятая язва, гноится и при г. Столыпинѣ, говорящемъ въ государственной думѣ безъ недомолвокъ полную правду...

Вотъ и еще крайне интересный фактъ въ заключеніе этихъ строкъ. 1-го іюня распространился неизвѣстно откуда слухъ о предстоящей не сегодня-завтра всероссійской желѣзнодорожной забастовкѣ. Всеобщее напряженіе быстро поднялось, въ особенности потому, что узнали о митингахъ желѣзнодорожныхъ служащихъ, происходившихъ на всѣхъ желѣзнодорожныхъ станціяхъ. Говорили, что откроетъ забастовку Николаевская жел. дорога, яко-бы потому, что въ декабрьскую забастовку, благодаря ей, не удалось московское „возстаніе“. Желѣзнодорожники только дивились, увѣряя, что забастовки не будетъ, ибо „нѣтъ сигнала“, но напряженіе расло ежечасно. Въ воскресенье четвертаго іюня, когда стало извѣстнымъ о митингѣ на маловишерской станціи Николаевской ж. д., на этой дорогѣ началось чуть-ли не обратное переселеніе въ городъ дачниковъ. Но забастовки не было и нѣтъ. Между тѣмъ, въ номерѣ 148 отъ 2-го іюня совсѣмъ уже не революціонная и прогрессивная газета „Петербургскій Листокъ“ помѣстила такую замѣтку:

„1-го іюня мы побывали на Николаевской жел. дор, гдѣ въ послѣдніе 3—4 дня ведется какими-то агитаторами усиленная пропаганда, чтобы склонить служащихъ на желѣзнодорожную забастовку. Между низшимъ персоналомъ служащихъ держится упорный слухъ, что забастовка назначена, по распоряженію яко-бы депутатовъ государственной думы (?), и съ этою цѣлью 31-го мая вечеромъ на

полянѣ, близъ сортировочнаго парка, состоялось собраніе стрѣлочниковъ и другихъ низшихъ агентовъ, куда ожидали какого-то общаго депутата.

„Къ нимъ явился какой-то господинъ отъ союза желѣзнодорожныхъ депутатовъ и предложилъ оповѣстить товарищей собраться къ 8 ч. веч. на полянѣ, куда прибудетъ депутатъ г. д. и предложить забастовку, чтобы этимъ поддержать яко-бы думу въ ея предложеніяхъ и требованіяхъ. На сходку явилось около двухсотъ человѣкъ, но депутата прождали тщетно. Въмѣсто него явилось какое-то лицо, назвавшееся „уполномоченнымъ“, и заявило, что депутатъ прибудетъ 2-го іюня, въ 8—9 ч. утра, и объявитъ отъ имени думы прекращеніе движенія поѣздовъ съ 3-го числа.

„То-же самое подтвердили и паровозные машинисты, которые не отрицали возможности забастовки, если, дѣйствительно, это — желаніе думы и средство для борьбы за свободу, волю и землю.

„31-го мая въ сортировочный паркъ были командированы отрядъ жандармовъ, наблюдавшій со стороны за сходкою служащихъ, дагѣ — и это самое главное — всѣ служащіе на этотъ разъ крайне солидарны и склонны къ забастовкѣ, если она имѣетъ за собой такую сильную идею, а потому межъ ними состоялось соглашеніе обязательно сегодня, 2-го іюня, собраться на митингъ для выслушанія представителя думы. „Намъ думается, — заявляетъ вышеназванная газета свою замѣтку, что это — въ данномъ случаѣ съ чьей-то стороны провокаторская затѣя“.

На 11-е іюня была назначена забастовка финляндскихъ желѣзныхъ дорогъ яко-бы въ цѣляхъ протеста противъ введенія войскъ въ Финляндію. Приѣхавшіе изъ Финляндіи дагѣ съ дачныхъ мѣстностей увѣряли, что о забастовкѣ тамъ ничего не слышно. Въ половинѣ іюня пошли слухи о томъ, что началось сильное броженіе среди служащихъ на Валтійской ж. д. „Двадцатый Вѣкъ“ сообщилъ по этому поводу слѣдующее: „Въ петербургскомъ областномъ комитетѣ желѣзнодорожнаго союза получено сообщеніе, что среди машинистовъ Валтійской дороги началось сильное броженіе на почвѣ крайняго недовольства мѣропріятіями администраціи по замѣщенію должностей. Въ комитетѣ имѣются свѣдѣнія, что желѣзнодорожная забастовка провоцируется, ибо является въ настоящее время до крайности желательной правительству, такъ какъ представляетъ собою лучший способъ проверки готовности войскъ къ усмиренію.

Охъ, гноится проклятая язва, гноится и смердитъ на всю Россію и только, когда чувствуется невыносимый запахъ ея, невольно вспоминается старое изреченіе: „Кто съѣтъ вѣтеръ — помянетъ бурю!“

Погромная эпидемія.

Статья П. Коретнича.

Канувшій въ вѣчность мѣсяць июнь былъ мѣсяцемъ погромныхъ страховъ. Начался онъ бѣлостокскимъ погромомъ, да такъ и прошелъ весь въ ожиданіи погромовъ. Въ думу, какъ изъ мѣшка, сыпались письма, телеграммы съ просьбами спасти отъ погромовъ, яко-бы уже совершенно подготовленныхъ къ осуществленію; дума, въ свою очередь, бомбардировала министровъ запросами о погромахъ. Погромы были у всѣхъ на языкѣ; положительно, какая-то погромная эпидемія охватила всю Россію.

Въ маѣ были тоже погромы: Вологда, Царицынъ, Симбирскъ еще у всѣхъ въ памяти, но тѣ погромы совсѣмъ особаго характера. Тамъ „меньшій братъ“ оказался натравленнымъ на своего средняго брата. Какъ?—объ этомъ довольно откровенно повѣдалъ въ думѣ государственный выборный отъ Тульской губ. кн. Урусовъ. Юньскій бѣлостокскій погромъ былъ еврейскимъ погромомъ и всѣ слухи, письма и телеграммы приходили исключительно изъ мѣстностей съ еврейскимъ населеніемъ.

Бѣлостокскій погромъ по тому шуму, который поднять имъ, представляется событіемъ жгучаго характера и мы въ этихъ строкахъ выскажемъ нѣсколько мыслей относительно его, заранѣе оговариваясь, что эти мысли будутъ субъективны.

Прежде всего скажемъ, что никогда еще и ни о чемъ еще не печаталось, деликатно говоря, столько неprovѣренныхъ свѣдѣній, сколько о бѣлостокскомъ погромѣ. Каждое заявленіе, отъ кого-бы оно ни исходило, поѣхавшими въ Бѣлостокъ корреспондентами газетъ равныхъ лагерей принималось за непреложную истину. Получилось такое впечатлѣніе, что если-бы кто-нибудь изъ потерпѣвшихъ или вообще бѣлостокцевъ рассказалъ тому или иному корреспонденту, что появился Змѣй-Горынычъ или Ваба-яга, или еще что-нибудь въ этомъ родѣ, такъ тотъ ничто-же сумняшеся и такія-бы сказки тиснулъ въ своей газетѣ, и глубокомысленный передовикъ на основаніи ихъ написалъ-бы бурнопламенную руководящую статью, которую ввасось читали-бы всевозможные умственные недоноски и вопіали-бы громче любой отары въ степи. По нашему мнѣнію, во всѣхъ навопившихся

нынѣ матеріалахъ о бѣлостокскомъ погромѣ масса преувеличеній, всякаго рода наслоеній, а корень всего, „начало начала“ все-таки нужно искать въ тѣхъ фактахъ, о которыхъ говорилъ кн. Урусовъ въ государственной думѣ.

Официальнымъ предлогомъ къ погрому будто-бы явилась неприязнь христіанскаго населенія къ евреямъ, разожженная дѣятельностью евреевъ-анархистовъ.

Подсчитано, что съ 1-го января по 31-е мая въ Бѣлостоку происходили каждыя три дня или убійство, или вооруженный грабежъ, или взрывъ бомбы. Всего въ этотъ промежутокъ времени было произведено двадцать девять вооруженныхъ нападеній, бомбъ было брошено десять, нашли четыре склада бомбъ и разнаго оружія; пѣсколько разъ натыкались на бомбы и коробки со взрывчатыми веществами; въ теченіе того-же времени произошло три взрыва по неизвѣстнымъ причинамъ. Суражскую улицу Бѣлостока корреспондентъ „Н. Вр.“ назвалъ вооруженнымъ лагеремъ анархистовъ-террористовъ. Такимъ образомъ, Бѣлостокъ характеризуется, какъ гнѣздо анархизма, и притомъ опаснѣйшее гнѣздо.

Замѣтимъ это и пойдемъ далѣе.

По официальнымъ свѣдѣніямъ, въ православный крестный ходъ 1-го іюня, совершаемый по случаю присоединенія уніатовъ, при встрѣчѣ его, или около этого времени, съ католическимъ крестнымъ ходомъ, совершаемымъ въ приходящійся на этотъ день праздникъ Тѣла Господня, евреями была брошена бомба. Первоначально официально было сообщено, что погибъ русскій священникъ и смертельно раненъ католическій. Это будто-бы повліяло на христіанъ такъ, что они въ слѣпой ярости бросились на евреевъ, и начался погромъ.

Замѣтимъ и это.

Далѣе указывалось, что очень не задолго до погрома былъ убитъ яко-бы евреями бѣлостокскій полиціймейстеръ Деркачевъ, человекъ, по общему отзыву, такой, какому вовсе въ полиціи не мѣсто: честный, гуманный, защитникъ евреевъ. Убійство приписывалось анархистамъ, якобы пріѣхавшимъ изъ Варшавы. Уже въ погромные дни въ газетахъ появилось письмо якобы какого-то анархистскаго или революціоннаго комитета, заявлявшаго, что Деркачевъ былъ убитъ „по ошибкѣ“.

Остановимся пока на этихъ трехъ положеніяхъ.

Бѣлостокъ существуетъ съ начала XIV столѣтія и въ 1807 г. по Тильзитскому миру перешелъ къ Россіи. Еврейское и христіанское населеніе живетъ вмѣстѣ съ его основанія. Неужели-же въ шесть вѣковъ совмѣстной жизни они настолько не освоились другъ съ другомъ, что, подойдя къ концу своего шестисотлѣтняго совмѣстнаго

житья, не нашли ничего другого для выраженія непріязни, какъ погромъ? Трудно это вѣрится!

Погромъ, это русское „изобрѣтеніе“, въ чистомъ своемъ видѣ, стихіенъ и безсмысленъ. Говорятъ люди, говорятъ тихо, мирно; вдругъ ни съ того, ни съ сего одна толпа, какъ съ цѣпи, срывается на другую. Таковы погромы во всемъ вообще юго-западномъ краѣ,—прежніе, но, повторяемъ, стихійные погромы. При погромахъ убиваютъ рѣдко, погромное убійство, это—несчастная случайность. По крайней мѣрѣ, такъ было до знаменитаго кишиневскаго погрома. Все ограничивается порчей имущества, первоначально даже выпусканіемъ перьевъ изъ перинъ, составляющихъ необходимую принадлежность у евреевъ.

Начиная съ Кишинева, погромы уже стали звѣрскими и въ нихъ была явно замѣтна и вѣшная, и внутренняя организованность. Они перестали быть стихійными. Это, думается намъ, подтвердить всякій жившій на югѣ и юго-западѣ Россіи. Если погромы получили организацію, стало быть, они кому-нибудь были нужны. Части населенія натравливаются одна на другую и къ погрому призываются даже люди, которыхъ слѣдовало-бы держать за тридцать земель отъ всякаго прикосновенія къ насилію. Вотъ полюбуйте на такое обращеніе, напечатанное почти во всѣхъ газетахъ и оглашенное въ засѣданіи государственной думы, къ войскамъ:

„А знаете-ли, братцы, что такое „сіонизмъ“? Это—штука и выдумка жидовская. Было у жидовъ свое царство сіонское, отъ горы Сіонъ такъ называлось. Потеряли они его, и сейчасъ тамъ земля турецкая. Съ той поры и блуждаютъ жидаы, гдѣ-бы захватить нмѣ царство чужое и объявить его своимъ—„сіонскимъ“. Такъ вотъ что значить, братцы, „сіонизмъ“. Вотъ теперь жидаы и хотятъ нашу матушку-Русь сдѣлать уже царствомъ не русскимъ, а еврейскимъ или сіонскимъ. Вотъ почему и кричатъ: „да здравствуетъ сіонизмъ!“ . Уже они, братцы, и знамя свое выбросили у насъ на Руси, знамя красное, и собираютъ подъ нимъ разныхъ темныхъ людей, кого подкупомъ или обманомъ, или другими посулами, и пруть противъ нашего Ватюшки-Царя, чтобы сломить въ немъ силу русскую, а затѣмъ объявить на Руси своего царя жидовскаго или сіонскаго. А потомъ, братцы, они и вѣру нашу христіанскую порушатъ, какъ порушили и убили Христа“...

Далѣе авторъ воззванія, во имя челоувѣконенавистничества и убійства, приводитъ въ примѣръ... Христа!

„...Нѣтъ, братцы, не сдавайте Руси врагу лютому! Плюньте на всѣ посулы царства жидовскаго. Діаволь предлагалъ голодному въ пустыи Христу всѣ блага міра, но Христосъ сказалъ: „отойди отъ меня, сатана!“ . Идите, братцы, по стопамъ Христа! Мощною грудью

крикните однимъ духомъ: „Прочь жидовское царство! Долой сіонизмъ! Долой красныя знамена! Долой красная, жидовская свобода! Долой красное жидовское равенство и братство“...

Заканчивается это воззваніе призывомъ:

„Прочь! Долой всю вражью, жидовскую новизну! Русскій солдатъ! На врага! Впередъ! Впередъ! Впередъ! Идетъ! Идетъ! Идетъ!!!“

Предъ этимъ воззваніемъ „манифестъ“ четырнадцати государствен-ныхъ выборныхъ-рабочихъ, за который ихъ тянутъ въ судъ,—не-виннѣйшій лепетъ, а, между тѣмъ, подъ приведеннымъ выше обра-щеніемъ чернымъ по бѣлому значится: „Дозволено цензурою. Одесса, 14-го января 1906 г. Типографія штаба од. воен. округа“. Какое впечатлѣніе должно было производить оно на темную массу, въ особенности съ приведенной цензурной помѣткой? Вѣдь, оно прямо дышитъ приказомъ предъ битвой, и знаменитый куропаткинскій при-казъ 19-го сентября 1904 г., которымъ онъ двинулъ армію въ битву на Шахъ, значительно уступаетъ по силѣ вышеприведенной одесской „прелести“...

Ужъ кого-кого, а армію-то слѣдовало пощадить „городовымъ и вахмистрамъ по воспитанію, погромщикамъ по убѣжденію“, о кото-рыхъ говорилъ въ думѣ кн. Урусовъ. Подобныя воззванія—игра съ огнемъ и мы уже видимъ, какъ вспыхиваютъ пока еще отдѣльные огоньки: Курскъ, Полтава, Севастополь, Крошштадтъ, Баку, Владикав-казъ...

Теперь новое соображеніе. Бѣлостокъ — гнѣздо анархистовъ-террористовъ. Изъ того, что съ 1-го января по 31-е мая въ немъ произошло пятьдесятъ одно террористическое дѣйствіе ясно, что такой очагъ террора не можетъ быть терпимъ. Явно, открыто, съ пре-дварительнымъ предупрежденіемъ, какъ слѣдуетъ то гордой силѣ, опи-рающейся на право, должно было смести съ лица земли такой очагъ, чтобы уцѣлеть въ немъ не осталось. И никто-бы ничего не сказалъ. Это было-бы ужасно, но лучше отрѣзать палецъ, если въ немъ на-чалась гангрена, чѣмъ потерять жизнь. А тутъ вышло, что явился какой-то малюсенькій приставишка и натворилъ такихъ дѣлъ, что вся Европа негодуетъ на своего восточнаго сосѣда. Въ Англии король демонстративно переноситъ свой королевскій приемъ съ вечера пятницы, когда начинается еврейскій шабашъ, на четвергъ, чтобы дать воз-можность представителю евреевъ быть на этомъ приемѣ. Въ той-же Англии въ парламентѣ говорятъ противъ послышки эскадры въ Россію, т. е., предлагаютъ выразить политѣешее негодованіе. Чего-то сказать, дожили!

Бѣлостокъ—гнѣздо анархистовъ-террористовъ. Но, вѣдь, отъ по-чтстрадали не они, а честные труженики, бѣдняки, которые

вряд-ли, при всей страстности ихъ племени, занимаются политикой. Притомъ-же еще такое соображеніе. По отзывамъ всѣхъ рѣшительно газетъ, евреи были предупреждены о предстоящемъ погромѣ. Неужели-же они были такъ непроходимо глупы, чтобы день въ день, часъ въ часъ создать для погрома самихъ себя приличествующій поводъ? Невозможно этому повѣрять! А, между тѣмъ, шла въ мѣшкѣ не утайшь. Телеграфъ увѣдомилъ, что задержанъ крестьянинъ-провокаторъ, бросившій не бомбу, а петарду; нѣсколько раньше этого телеграфъ принесъ извѣстіе, впрочемъ, какъ и всегда „опровергнутое“, что открытъ и задержанъ убійца Деркачева, оказавшійся выгнаннымъ со службы городовымъ.

Повторяемъ, мы не вѣримъ въ наслоенія, образовавшіяся путемъ печатанія неправдѣренныхъ сообщеній, но въ то-же время убѣждены, что вѣдостовскій еврейскій погромъ, осрамившій Россію предъ Европой, внесшій новую смуту въ народъ,—явленіе далеко не случайное. Проклятыя темныя силы работаютъ всюду, вызывая народъ на „активное выступленіе“, выгодное лишь организаторамъ ихъ, и вотъ въ Вѣдостокѣ адская работа удалась.

Теперь приведемъ результаты думскаго разслѣдованія этого погрома.

Выводы комиссіи таковы.

Прежде всего обращаетъ на себя вниманіе планомѣрность произведеннаго погрома. О погромѣ знали, къ погрому готовились, погромомъ грозили и даже указывали день его, слѣдовательно, онъ былъ не случайнымъ явленіемъ, не вспышкой на національной или религіозной почвѣ. Если принять во вниманіе, что низшіе органы полицейской власти распространяли выдумки о злодѣйствахъ евреевъ, то приходится признать, что эти выдумки входили въ планъ. Наконецъ, приурочиваніе погрома ко дню христіанскихъ религіозныхъ процессій, когда фанатичная толпа особенно бываетъ чутка и религіозно настроена, является наилучшимъ выборомъ момента. Можно понять, если-бы толпа, оскорбленная выстрѣлами евреевъ, произвела погромъ, насиліе на томъ-же мѣстѣ, гдѣ произошло это оскорбленіе; но невозможно допустить, чтобы безъ предварительной подготовки погромъ такъ быстро и во столькихъ пунктахъ возникъ точно по сигналу. Соображая всѣ данныя, приходится придти къ заключенію, что погромъ былъ подготовленъ и организованъ.

Но кѣмъ-же? Останавливаясь на образѣ дѣйствій г. начальника губерніи, нельзя не усмотрѣть, что еще до погрома представители еврейскаго общества сообщаютъ ему о тревожномъ состояніи города и о предполагаемомъ погромѣ, указываютъ на Шереметова, какъ на лицо, которое даже опредѣлило день начала погрома, на лицо.

облеченное властью и враждебное еврейскому населению. Но губернаторъ говорить представителямъ, настаивавшимъ на удаленіи Шереметова, что это—единственный у него смѣлый и энергичный чиновникъ.

Наступаетъ день погрома. Губернаторъ днемъ прїѣзжаетъ въ Вѣлостокъ и продолжительное время остается на вокзалѣ, затѣмъ ѣдетъ въ полицейское управленіе на свиданіе съ Вогаевскимъ, а потомъ быстро исчезаетъ изъ Вѣлостока и направляется въ г. Вильну къ генераль-губернатору. Проѣзжая по городу, губернаторъ видитъ раненныхъ, трупы на улицѣ, а на вокзалѣ производится избиеніе хулиганами евреевъ; но онъ не предпринимаетъ ровно никакихъ мѣръ къ прекращенію, онъ точно чуждъ всему этому, онъ точно бессиленъ и не облеченъ властью.

Приходится поэтому сдѣлать два предположенія: или губернаторъ знаетъ о готовящемся погромѣ и не прекратилъ уже возникшаго лишь въ силу того, что погромъ долженъ произойти, такъ какъ это нужно, такъ приказано; или-же губернаторъ самъ былъ лишенъ власти кѣмъ-то другимъ, тайно, негласно и притомъ безъ вѣдома его самого.

Нельзя не обратить вниманія и на то, что, когда члены государственной думы Якубсонъ и Шсфтель 2-го іюня утромъ обратились къ министру внутреннихъ дѣлъ съ просьбой о прекращеніи погрома, то министръ имъ отвѣтилъ, что онъ немедленно пошлетъ телеграмму о принятіи „дѣйствительныхъ мѣръ“. Между тѣмъ, 2-го іюня съ 5 час. дня до утра 3-го іюня было особенно многочисленное разстрѣлываніе евреевъ. Гдѣ эти „дѣйствительныя мѣры“? Неужели о принятіи ихъ не было сообщено? Но это, казалось-бы, допустить нельзя. Значить, на мѣстѣ не находили нужнымъ считаться съ этими министерскими предписаніями, а не находили нужнымъ потому, что была какая-то особая власть, которая для нихъ была больше, чѣмъ власть министра, которая болѣе гарантировала имъ безнаказанность и санкціонировала ихъ преступную дѣятельность.

Сводя къ одному итогу дѣятельность губернатора и недѣятельность „дѣйствительныхъ мѣръ“ министра, нужно признать, что въ организациі погрома участвовала какая-то тайная власть, можетъ быть, извѣстная, а можетъ быть, и неизвѣстная явной власти.

Что-же касается мѣстной полицейской власти, то она съ перваго-же момента погрома не только не принимала никакихъ мѣръ къ прекращенію его, но въ лицѣ низшихъ агентовъ своихъ разжигала темныя силы, распуская слухи о злодѣянιάхъ евреевъ въ отношеніи участвовавшихъ въ религиозной процессіи, сама принимала дѣятельное участіе въ учиненіи погрома и разграбленіи имущества; приняла на

себя роль опредѣлителя качествъ революціонера и распорядилась разстрѣлами этихъ лицъ, предводительствовала шайками хулигановъ при разгромѣ магазиновъ и допускала хулигановъ совершать убійства и звѣрства надъ евреями.

Наконецъ, военныя власти до введенія военного положенія приняли полную власть надъ городомъ, предоставили въ распоряженіе городскихъ вооруженныхъ солдатъ, которые, частью по указанію городскихъ, частью—хулигановъ, а частью по собственному побужденію, разстрѣливали безоружныхъ евреевъ, не только не оказывавшихъ никакого сопротивленія, но въ страхѣ скрывавшихся на чердакахъ, въ садахъ, сараяхъ и т. д.

На основаніи вышеизложеннаго, комиссія признаетъ, что:

Во 1-хъ, никакой племенной, религіозной или экономической вражды между христіанскимъ и еврейскимъ населеніемъ города Влоцка не существовало.

Во 2-хъ, нескрываемая вражда къ евреямъ существовала только у полиціи и внушалась также войскамъ на почвѣ обвиненія евреевъ въ участіи въ освободительномъ движеніи.

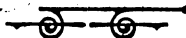
Во 3-хъ, погромъ былъ подготовленъ заранее, и объ этомъ задолго было извѣстно какъ администраціи, такъ и самому населенію.

Во 4-хъ, ближайшій поводъ къ погрому былъ также заранее приуготовленъ, предсказанъ властями и посему онъ не можетъ быть разсматриваемъ, какъ вспышка религіознаго или національнаго фанатизма.

Во 5-хъ, дѣйствія войскъ и гражданскихъ властей во время погрома представляются явнымъ нарушеніемъ установленныхъ на сей предметъ законовъ, а равно и правилъ 7-го февраля 1906 г. Это было систематическое разстрѣливаніе мирнаго еврейскаго населенія, не исключая женщинъ и дѣтей, подъ видомъ усмиренія революціонеровъ, ибо никакихъ революціонныхъ дѣйствій какъ толпы, такъ и отдѣльныхъ лицъ, которыя дали-бы основанія для принятія мѣръ усмиренія, не установлено.

Во 6-хъ, гражданскія и военныя власти не только бездѣйствовали, не только содѣйствовали погрому, но во многихъ случаяхъ, въ лицѣ низшихъ агентовъ, производили его сами въ видѣ убійствъ, истязаній и грабежей.

Во 7-хъ, официальные донесенія въ изложеніи причинъ, поводовъ и хода событій (о стрѣльбѣ въ войска и христіанское населеніе, о революціонныхъ нападеніяхъ и т. п.) не соотвѣтствуютъ дѣйствительности.

Лейбъ - гвардіи преображенскій ПОЛКЪ.

Въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ и „Русскомъ Инвалидѣ“ появились правительственныя распоряженія, изъ которыхъ видно, что первый батальонъ лейбъ-гвардіи преображенскаго полка лишенъ правъ гвардіи, переименовывается въ особый пѣхотный батальонъ и переводится изъ Петергофа, гдѣ онъ несъ караульную службу въ село Медвѣдь, Новгородской губерніи. Затѣмъ въ „Русск. Инв.“ былъ опубликованъ слѣдующій приказъ: „По Высочайшему повелѣнію, по пѣхотѣ, лейбъ-гвардіи преображенскаго полка: полковникъ князь Трубецкой, капитаны: флигель-адъютантъ князь Оболенскій, Мансуровъ, Михайловъ и Старикій, подпоручики: фонъ Денъ и Бсауловъ, всѣ семь переводятся въ особый пѣхотный батальонъ, тѣми-же чинами, а князь Оболенскій и съ лишеніемъ званія флигель-адъютанта.

Послѣ этого появились слѣдующіе Высочайшіе приказы по военному вѣдомству, данные 21-го іюня, въ Петергофѣ: Государь Императоръ ставитъ на видъ главнокомандующему войсками гвардіи и петербургскаго округа, его императорскому высочеству великому князю Николаю Николаевичу недостатокъ внутренняго порядка и дисциплины въ 1-мъ батальонѣ лейбъ-гвардіи преображенскаго полка и за то-же объявляетъ замѣчаніе командиру гвардейскаго корпуса, генераль-адъютанту князю Васильчикову и выговоръ командиру 1-й бригады 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи, генераль-маіору Сиреліусу“. Кроме того, по Высочайшему повелѣнію, числящійся по гвардейской кавалеріи командиръ гвардейскаго корпуса, генераль-адъютантъ, генераль-лейтенантъ князь Васильчиковъ отчисляется отъ настоящей должности, съ оставленіемъ въ званіи генераль-адъютанта; числящійся по гвардейской пѣхотѣ, командующій 1-ю гвардейскою пѣхотною дивизіею, свиты Его Величества генераль-маіоръ Озеровъ — увольняется отъ службы; командиръ лейбъ-гвардіи преображенскаго полка, свиты Его Величества генераль-маіоръ Гадонъ — увольняется отъ службы.

Наконецъ, почти всѣ петербургскія газеты обошла такого рода замѣтка.

„Событія“ въ 1-мъ батальонѣ лейбъ-гвардіи преображенскаго полка, вызвавшія Высочайшій выговоръ командиру полка, а затѣмъ выдѣленіе „мятежнаго“ батальона съ лишеніемъ его правъ гвардіи, повидному, еще не прекратились. Такъ, напр., 18-го іюня въ одной изъ газетъ находимъ свѣдѣнія о томъ, что 16-го іюня утромъ, во время отправленія 1-го батальона преображенскаго полка въ с. Медвѣдь, офицеръ второй роты, завѣдывавшій размѣщеніемъ людей по вагонамъ, замѣтилъ, какъ двое рядовыхъ этой роты, Василій Александровъ и Петръ Подгурный, выйдя на площадку вагона, быстро спустились на полотно желѣзной дороги и побѣжали по запаснымъ путямъ по направленію къ товарной станціи Николаевской желѣзной дороги. За бѣглецами была организована погоня, но догнать ихъ не успѣли. Къ розыску бѣжавшихъ рядовыхъ приняты энергичныя мѣры“.

Въ другой газетѣ сообщается, что въ полку пропало безслѣдно 36 человекъ. 17-го іюня командиромъ полка сдѣлано по телеграфу распоряженіе всѣмъ офицерамъ полка, находящимся въ отпуску внутри Россіи и за границею, немедленно прибыть въ Петербургъ.

Итакъ, первый батальонъ лейбъ-гвардіи преображенскаго полка, переименованный въ особый пѣхотный батальонъ, занялъ тѣ самыя казармы, гдѣ еще такъ недавно жили попавшіеся въ плѣнъ японцы.

Лейбъ-гвардіи преображенскій полкъ—старѣйшій изъ полковъ русской гвардіи. Онъ былъ сформированъ еще въ 1687 г. царемъ Петромъ Алексѣевичемъ изъ его „потѣшныхъ“—подростковъ подмосковнаго села Преображенскаго, съ которыми будущій преобразователь Россіи сперва игралъ въ „солдатики“, а потомъ и сталъ вершить свое опасное дѣло переустройства на новый ладъ всей Россіи. Въ 1698 г. полкъ былъ приведенъ въ составъ четырехъ батальоновъ, причемъ каждый изъ этихъ батальоновъ состоялъ изъ четырехъ фузилерныхъ (стрѣлковъ) ротъ и, кромѣ того, въ полку были еще гренадерская и бомбардирская роты. Въ 1700 г. онъ получилъ свое наименованіе и отличился въ битвѣ подъ Нарвою, гдѣ отстоялся отъ шведовъ до послѣдней возможности, пока не былъ обманно принужденъ ими къ сдачѣ. Преображенскій полкъ участвовалъ въ осадѣ и штурмѣ Нотебурга (Шлиссельбурга), въ дѣйствіяхъ въ устьѣ Невы. Затѣмъ онъ совершилъ почти всѣ петровскіе походы. Извѣстно его участіе въ дѣлѣ восшествія на престолъ дочери Петра Великаго—императрицы Елизаветы. Въ 1800 г. Императоромъ Павломъ онъ былъ переименованъ въ лейбъ-гвардіи Его Императорскаго Величества полкъ, но въ слѣдующемъ-же году императоръ Александръ Первый восстановилъ его прежнее наименованіе. Полкъ участвовалъ въ походахъ 1813—14 гг. и въ Освободительной войнѣ 1877—78 гг. Онъ имѣетъ боевыя отличія: на-

грудные офицерскіе знаки съ надписью: „1700 г., 19-го ноября“ (за Нарву), георгиевское полковое знамя за сраженіе 17-го августа 1813 г. при Кульмѣ и знаки на шапкахъ съ надписью: „За Ташкисенъ 19-го декабря 1877 г.“.

Лейбъ-гвардіи Преображенскій полкъ считается первымъ изъ полковъ русской гвардіи. Въ немъ служили, отбывая воинскую повинность, всѣ русскіе императоры, начиная съ Петра Великаго. Въ ихъ командованіи, начиная съ императора Павла, были сперва полурота, рота, а затѣмъ и первый батальонъ. Поэтому происшедшее въ полку пріобрѣтаетъ особенное значеніе. Въ настоящее время новый первый батальонъ формируется изъ шефскихъ частей гвардейскихъ полковъ и стрѣлковыхъ батальоновъ.

По газетнымъ извѣстіямъ, суровое наказаніе постигло первый батальонъ за то, что онъ, собравъ митингъ, предъявилъ по начальству слѣдующія требованія:

„1) Человѣческое обращеніе съ нами начальства. 2) Освобожденіе отъ несенія полицейской службы. 3) Свободное увольненіе со двора и свободный доступъ всюду. 4) Устройство читальни, въ которую выписывались-бы всевозможные передовые газеты и журналы, которые до сего времени намъ запрещено было читать. 5) Чтобы не вскрывали солдатскихъ писемъ. 6) Почему до сего времени не уволятъ третій годъ и чтобы къ 1-му будущаго января былъ уволенъ четвертый годъ. 7) Отмѣну принудительнаго отданія чести нижними чинами другъ другу при встрѣчахъ. 8) Требуемъ объяснить, гдѣ находятся наши товарищи, арестованные нынѣшней зимой, и требуемъ возвратитъ ихъ обратно немедленно съ возвращеніемъ имъ прежняго званія. 9) Улучшитъ пищу, вообще варить ее по вкусу солдатъ, въ частности: отмѣнить горохъ, въ кашу прибавитъ сала, на ужинную варку также прибавитъ мяса или сала. Улучшитъ печеніе хлѣба, такъ какъ онъ всегда бываетъ сырой и горѣлымъ. 10) Выдача на руки солдатамъ денегъ за экономическую крупу. 12) Удовлетвореніе полностью бѣльемъ и постельною принадлежностью всѣхъ чиновъ, улучшеніе обмундированія. 12) Болѣе лучшіе леченіе, уходъ и обращеніе съ больными. 13) Отмѣнить отданіе чести, становясь во фронтъ всѣмъ гг. офицерамъ полка, кромѣ своихъ ротныхъ и батальонныхъ командировъ, какъ требуется уставомъ. 14) При увольненіи въ запасъ выдавать все обмундированіе 2-го срока, а не безсрочное, какъ было до сего времени. 15) Право свободнаго доступа къ начальству съ ходатайствомъ о своихъ нуждахъ и право свободно собираться намъ для обезпеченія своихъ нуждъ. 16) Право на безплатный проѣздъ въ отпускъ по желѣзной дорогѣ съ сохраненіемъ содержанія за все время отпуска. 17) Выражаемъ свою

солидарность (согласіе) съ требованіемъ депутатовъ государственной думы о надѣленіи крестьянъ землей. 18) Ненаказуемость за политическія убѣжденія. 19) Нашъ девизъ (правило): „одинъ за всѣхъ, всѣ за одного“.

Въ полкъ прибылъ начальникъ дивизіи, который, „выслушавъ внимательно солдатъ, заявилъ“, что нѣкоторые изъ требованій онъ распорядится сейчасъ-же удовлетворить, о нѣкоторыхъ-же возбудитъ ходатайство предъ высшимъ начальствомъ. Съ остальными требованіями онъ хотя и согласенъ, но ихъ удовлетвореніе зависитъ не отъ военнаго начальства.

Послѣ этого и послѣдовали распоряженія, приведенныя въ началѣ этой замѣтки.

„Петербургская Газета“ въ № 164 сообщаетъ слѣдующія свѣдѣнія о селѣ Медвѣдь и объ офицерскомъ составѣ разжалованнаго батальона.

Село Медвѣдь почти сто лѣтъ тому назадъ играло тоже большую роль въ военной исторіи Россіи. Оно входило въ составъ „военныхъ поселеній“, организованныхъ Аркачеевымъ, по мысли императора Александра I. Эта затѣя въ то время взволновала всю Европу и окончилась бунтомъ военныхъ поселенцевъ въ 1881 году и переименованіемъ ихъ въ „пахотныхъ солдатъ“. Оно находится въ Новгородской губерніи и уѣздѣ, на берегу рѣки Мшага, по Новгородо-Псковскому шоссе, въ 60 верстахъ отъ Новгорода. Въ немъ 1.500 жителей, занимающихся торговлей льномъ. На рѣкѣ пристань. Казармы, гдѣ располагаются войска, памятныхъ аркачевскихъ временъ, хотя ремонтируются и поддерживаются въ полномъ порядкѣ. Церковь прекрасной архитектуры. Есть и новыя постройки: офицерское собраніе, манежъ, лазаретъ. Чисто содержится бульваръ, а въ собраніи есть даже сцена, гдѣ подвизаются наѣзжающіе изъ Новгорода артисты.

„Но скука тамъ зеленая! — замѣтилъ одинъ офицеръ, прожившій въ селѣ Медвѣдь нѣсколько лѣтъ.—Есть семейные офицеры, но постоянное однообразіе и одни и тѣ-же лица могутъ довести до отчаянія... Одно утѣшеніе: выберешься на денекъ-другой въ Новгородъ... Онъ послѣ Медвѣдя кажется раемъ... Особенно зимой село Медвѣдь—настоящее ссылочное мѣсто... Не дай Богъ никому пробыть тамъ долго... Даже солдаты начинаютъ скучать, а уже извѣстно, что нашъ солдатъ повсюду приспособляется“...

Таково село Медвѣдь. Теперь о бывшихъ офицерахъ л.-гв. преображенскаго полка.

Бывшій командиръ перваго батальона преображенскаго полка «ЗНАНІИ И ПОЛЬЗА». «ГОДИНА» 1906 г. кн. 7-я.

полковникъ князь А. Н. Трубецкой съ 1883 года состоялъ на службѣ въ этомъ полку и лишь весьма недавно припалъ командованіе надъ первымъ батальономъ, въ настоящее время, по Высочайшему повелѣнію, переименованнымъ въ особый пѣхотный батальонъ.

Бывшій командиръ роты Его Величества, лишенный флигель-адъютантскаго званія князь А. Н. Оболенскій—сынъ бывшего командира гвардейскаго корпуса, внезапно скончавшагося въ сравнительно не старыхъ годахъ князя Н. Оболенскаго. На службѣ капитанъ князь А. Н. Оболенскій съ 1891 года и всю службу проходилъ въ преображенскомъ полку. Князь А. Н. Оболенскій женатъ. Супруга его, княгиня С. Н. Оболенская, рожденная свѣтлѣйшая княжна Мингрельская, извѣстна своею дѣятельностью по устройству совмѣстно съ княгиней М. В. Барятинской лазарета для раненыхъ воиновъ.

Капитанъ Н. Н. Мансуровъ, сынъ статсъ-секретаря Н. П. Мансурова и С. В. Мансуровой, рожденной Обуховой, на службѣ состоитъ съ 1886 года.

Капитанъ Л. И. Михайловъ, сынъ генераль-лейтенанта И. Михайлова, въ преображенскомъ полку служилъ со дня выпуска въ офицеры въ 1887 году. Капитанъ Л. И. Михайловъ не женатъ, владѣетъ нѣсколькими красивыми дачами въ Царскомъ Селѣ.

Капитанъ М. И. Старицкій, сынъ генерала-отъ-инфантеріи И. М. Старицкаго, съ 1888 года служилъ въ преображенскомъ полку. Капитанъ М. И. Старицкій женатъ, супруга его рожденная Ковалевская. Онъ имѣетъ семью—нѣсколькихъ дѣтей, изъ которыхъ старшій сынъ,—крестникъ ихъ императорскихъ высочествъ великой княгини Елизаветы Теодоровны и великаго князя Константина Константиновича, капитанъ М. И. Старицкій состоитъ директоромъ дома милосердія.

Подпоручики В. Э. фонъ Дегъ и В. Е. Есауловъ въ полку находятся очень недавно, около четырехъ лѣтъ.

Кромѣ того, уволенъ отъ службы также и командиръ преображенскаго полка, свиты Его Величества генераль-маіоръ В. С. Гадонъ, проходившій всю службу въ этомъ полку, до назначенія адъютантомъ къ покойному великому князю Сергѣю Александровичу, послѣ кончины котораго былъ назначенъ флигель-адъютантомъ къ Его Величеству и впоследствии, съ назначеніемъ командиромъ преображенскаго полка, пожалованъ званіемъ свиты Его Величества генераль-маіора. Бывшій командиръ преображенскаго полка, свиты Его Величества генераль-маіоръ В. С. Гадонъ холостъ.

По сообщенію газеты „Слово“, къ „событіямъ“, происшедшимъ въ первомъ батальонѣ преображенскаго полка, по свѣдѣніямъ военнаго вѣдомства, причастенъ членъ государственной думы Аладьянъ

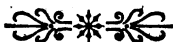
и будто-бы по этому вопросу жандармское управление приступило уже къ соответствующему разслѣдованію.

Выдѣленіе батальона гвардейской части въ особый пѣхотный батальонъ и переводъ его въ с. Медвѣдъ вызвали сенсацію въ заграничной прессѣ. Нѣкоторыя газеты видятъ въ этомъ проявленіе новаго болѣе твердаго курса власти къ замѣченнымъ неудовольствіямъ въ войскахъ. Другія выводятъ еще болѣе широкія заключенія къ невыгодѣ нашей арміи, а одна изъ англійскихъ газетъ напомнила о томъ, что приблизительно подобное-же событіе произошло еще сравнительно недавно и въ Англійи, гдѣ одинъ изъ лучшихъ полковъ тоже за проявленное неповиновеніе былъ удаленъ изъ Англійи въ одну изъ ея колоній.

Первенцу русской вилы.

Птенецъ петровскаго гнѣзда,
Потѣшный полкъ ты былъ когда-то,
Шелъ впереди другихъ всегда,
Оберегая честь солдата.
Твой знамена на поляхъ
Бывали пулями пробиты,
Но смѣлъ и гордъ ты былъ въ бояхъ.
И тѣ бои не позабыты:
Рымникъ, Азовъ, Бородино,
Берлинъ, Парижъ, вдали—Полтава.
За эти битвы вамъ дано
Отличій рядъ, безсмертья слава.
Поля венгерскія не разъ
Своей вы кровью обливали;
И если-бъ Богъ не кинулъ насъ
Царь-градъ-бы вы завоевали.
Но слава дѣдовскихъ временъ
Померкла нынѣ надъ полками
И слышенъ шелестъ ихъ знаменъ
Подъ имъ не чуждыми стѣнами.
Забутъ завѣтъ отъ старины
Стоять горой за Русь святую
И пяди русской стороны
Не отдавать въ минуту злую!

И. Е.

Судейковщина.

(Изъ «Былого».)

То малое облегченіе, которое принесло русскому печатному слову приснопамятное 17-е октября, дало уже свои благодѣтельные плоды. Приподнимаются одна за другой завѣсы, скрывавшія за собою многія тайны. И, тѣмъ скорѣе исчезнуть онѣ, эти завѣсы, тѣмъ скорѣе разсыятся легенды, только омрачающія народный разумъ и толкающія народъ на ложные пути.

Многое множество тайнъ хранить въ себѣ русское даже недалекое прошлое. Гдѣ тайна—тамъ тьма, гдѣ тьма—тамъ нѣтъ правды, добра, любви, ибо только одна проклятая скверна прячется въ тайну. Правдѣ и добру тайнъ не нужно: солнце—всегда солнце.

Въ теченіе послѣднихъ полутора лѣтъ вся Россія, весь міръ были зрителями и даже участниками той трагедіи, которая уже получила прозвище „гапоновщины“. „Гапоновщина“ предшествовала не столь громкая, но тоже не уступающая ей „зубатовщина“; можетъ быть, въ предшествіи имъ были еще какія-нибудь не получившія міровой огласки „щины“ (напр., „стрѣльниковщина“). Но вотъ одна изъ подобныхъ трагедій, отдаленная отъ насъ всего двадцатью тремя годами, трагедія, названіе которой можетъ быть дано „судейковщина“.

Родилась эта трагедія изъ того самаго батистоваго платка, который былъ данъ гр. Бенкендорфу при учрежденіи пресловутаго „третьяго отдѣленія“ *), и, какъ можно судить, была колыбелью для всѣхъ послѣдовавшихъ за нею „щинъ“.

Въ короткихъ словахъ исторія „судейковщины“ такова, поскольку ее излагаютъ официальные документы.

16-го декабря 1888 г., около десяти часовъ вечера, въ домѣ № 98 по Невскому проспекту, въ кв. № 13, были найдены мерт-

*) Существуетъ слѣдующій рассказъ объ учрежденіи «III-го отдѣленія». Императоръ Николай I будто-бы одновременно съ подписаннымъ указомъ объ учрежденіи III отдѣленія подалъ своему любимцу графу Венкендорфу батистовый платокъ, говоря: «этими тм утешь слезы матерей, сиротъ». Какъ «утирало слезы» русскихъ гражданъ пресловутое III-е отдѣленіе, известно въ достаточной мѣрѣ...

вмѣ, съ явными признаками насильственной смерти, инспекторъ с.-петербургской секретной полиціи подполковникъ Георгій Порфирьевичъ Судейкинъ и тяжело раненный въ голову чиновникъ полиціи Николай Судовскій. Такъ гласитъ начало обвинительнаго акта. Дальнѣйшее разслѣдованіе установило, что Судейкинъ убитъ ударомъ дома по головѣ, причѣмъ предъ этимъ ему была нанесена безусловно смертельная огнестрѣльная рана. Квартира, гдѣ произошло убійство, оказалась снятою на имя дворянина Сергія Петровича Яблонскаго, занимавшаго ее вмѣстѣ со своимъ лакеемъ Павломъ Суворовымъ. По разслѣдованіи оказалось, что настоящая фамилія Яблонскаго — Дегаевъ.

Должно быть, очень многіе еще помнятъ, что тогда по Петербургу у всѣхъ полицейскихъ частей были выставлены фотографическія карточки Дегаева съ объявленіемъ, что назначается награда въ 5.000 руб. тому, кто укажетъ мѣстопребываніе скрывающагося преступника, и 10.000 руб. тому, кто выдастъ его. Но Дегаевъ какъ въ воду канулъ. Его не нашли, а среди простого народа, жившаго еще подъ впечатлѣніемъ катастрофы перваго марта 1881 г., пуцеть былъ слухъ, что врагами царя и отечества былъ убитъ „вѣрный слуга“ ихъ.

Однако, прошло очень немного времени и обнаружилась уже одна новая деталь, которая давала преступленію нѣсколько иное освѣщеніе.

Дегаевъ, отставной артиллерійскій штабсъ-капитанъ, оказался однимъ изъ наиблизженныхъ агентовъ Судейкина; квартира на Невскомъ была одна изъ ихъ конспиративныхъ квартиръ, а Павелъ Суворовъ, лакей Дегаева, также оказался агентомъ секретной полиціи. Словомъ, создавалась какая-то цѣпь, одно изъ безчисленныхъ хитросплетеній, и очень скоро ни для кого не стало тайной, что Судейкинъ самъ запутался въ своемъ-же хитросплетеніи.

Изъ показаній раненаго Судовскаго узнали, что Судейкинъ явился въ квартиру на свиданіе съ Дегаевымъ, которому вѣрилъ, какъ самому себѣ. Тотъ еще въ передней выстрѣлилъ въ него и не ожидавшій такого приѣма Судейкинъ, державшійся на ногахъ, вмѣсто того, чтобы выскочить за дверь на лѣстницу, кинулся во внутреннія комнаты, пытался спрятаться въ ватерклозетѣ; но двое подстергавшихъ его людей убили его ломанами.

Послѣ были найдены убившіе Судейкина люди. Они оказались дворяниномъ Василіемъ Конишевичемъ и сыномъ священника Николаемъ Стародворскимъ, принадлежавшими къ партіи „народной воли“ и „занимавшимися революціонной дѣятельностью“. Оба они признали, что убили Судейкина, и были приговорены къ смертной казни, замѣ-

ненной пожизненной каторгой. Их заключили въ Шлиссельбургъ, гдѣ Конышевичъ впалъ въ психическое разстройство и нынѣ находится въ психіатрической больницѣ въ Казани, а Стародворскій былъ амнистированъ 21-го ноября 1905 г. Дегаевъ, какъ уже сказано выше, исчезъ безслѣдно.

То ничтожное облегченіе русскаго печатнаго слова, о которомъ сказано выше, вызвало къ жизни великолѣпный историческій журналъ „Былое“. Врядъ-ли когда въ Россіи существовалъ органъ печати, посвященный сухимъ историческимъ документамъ, болѣе симпатичный, чѣмъ вышеупомянутый журналъ. Его страницы цѣлкомъ отводятся всякимъ документамъ по исторіи русскаго освободительнаго движенія, но всего дороже въ этомъ журналѣ его тонъ. Это—сама безстрастная исторія, никого не оправдывающая, никого не обвиняющая — тотъ самый пушкинскій „дьякъ въ приказѣ посѣдѣлый“, который „зритъ на правыхъ и виновныхъ, добру и злу внимаая равнодушно“.

Съ великимъ удовольствіемъ и съ надеждою принести пользу родному намъ народу, мы позволяемъ себѣ заимствовать изъ „Былого“ нѣкоторые факты, рисующіе „судейковщину“ въ ея настоящемъ видѣ.

Дегаевъ былъ отставнымъ штабсъ-капитаномъ кронштадтской крѣпостной артиллеріи и по выходѣ въ отставку „рвался въ революціонеры“, но особаго довѣрія революціонеровъ не пріобрѣлъ, хотя нѣкоторую извѣстность въ ихъ кружкахъ получилъ и даже былъ арестованъ. Судейкинъ сманилъ къ себѣ на службу брата Дегаева, совершенно незрѣлаго юношу, а за младшимъ братомъ послѣдовалъ и старшій. Сергѣй Дегаевъ долженъ былъ сохранять связи съ революціонерами и выдавать Судейкину все, что ему удавалось узнать. Чтобы не возбудить среди революціонеровъ подозрѣній противъ Дегаева, Судейкинъ устроилъ симулированный побѣгъ его изъ тюрьмы. Но Дегаевъ былъ по характеру дрянной, дряблый человекъ. Когда революціонеры стали подозрѣвать его, онъ покаялся предъ ними во всемъ и купилъ свою жизнь обязательствомъ предоставить имъ возможность уничтожить ихъ врага.—Судейкина.

Судейкинъ ни на одинъ мигъ не заподозрѣлъ своего агента, а, напротивъ того, ввѣрилъ еще болѣе и даже посвятилъ его въ свои личные замыслы.

Тутъ-то и начинается ужасъ „судейковщины“. Судейкинъ предполагалъ устроить фиктивное похищеніе на свою жизнь съ цѣлью получить такимъ путемъ повышеніе по службѣ. Дегаевъ долженъ былъ выстрѣлить Судейкину въ лѣвую руку во время его прогулки въ Цетровскомъ паркѣ и скрыться на лошади, заранѣе приготовленной

самимъ-же Судейкинымъ, а во время „болѣзни“ послѣдняго должно было послѣдовать, согласно замыслу Судейкина и Дегаева, убійство министра внутреннихъ дѣлъ гр. Толстого и еще нѣкоторыхъ другихъ лицъ. Все это, по мысли Судейкина, должно было повести къ тому, что Судейкинъ былъ-бы назначенъ диктаторомъ Россіи, а Дегаевъ—министромъ внутреннихъ дѣлъ.

Итакъ, вотъ куда направлялись всѣ замыслы ничтожнаго жандармскаго подполковника. Вѣроятно, онъ чувствовалъ, что почва для этихъ замысловъ у него подъ ногами есть, и, конечно, старался о томъ, чтобы грезы стали явью.

Но что-же представлялъ собою этотъ Судейкинъ?

Обращаясь къ вышеуказанному источнику, приводимъ слѣдующую характеристику, которая въ то-же время—характеристика всей „судейковщины“.

Георгій Порфирьевичъ Судейкинъ былъ типичнымъ порожденіемъ и представителемъ того политическаго и общественнаго разврата, какой разъѣдаетъ Россію. Это не былъ убѣжденный фанатикъ реакціонной идеи, съ ожесточеніемъ преслѣдующій ея враговъ. Въ Судейкинѣ, напротивъ того, вовсе не замѣчалось никакого ожесточенія противъ революціонеровъ. Онъ былъ просто глубокой эгоистъ, не стѣсняемый въ своихъ стремленіяхъ къ карьерѣ ни убѣжденіями, ни какими-бы то ни было соображеніями гуманности. Убѣжденій онъ никакихъ не имѣлъ, а къ человѣческому страданію, счастью или несчастью относился съ полнымъ безразличіемъ. Онъ не былъ положительно злъ, видѣ страданія не доставлялъ ему удовольствія, но онъ съ безусловно легкимъ сердцемъ могъ жертвовать чужимъ счастьемъ, чужой жизнью для малѣйшей собственной выгоды или удобства. Его безразличіе въ этомъ отношеніи заходило иногда такъ далеко, что становилось въ противорѣчіе даже съ простымъ благоразуміемъ практическаго дѣльца, и возбуждало неудовольствіе собственныхъ друзей Судейкина.

„Нѣтъ, такъ нельзя, — разсуждалъ однажды Скандриковъ, ближайшій другъ и повѣренный Судейкина, — такъ нельзя, это уже неблагородно; высосать все изъ человѣка и потомъ бросить его, какъ собаку, безъ всякихъ средствъ“.

Рѣчь шла объ одномъ шпионѣ П., бывшемъ радикалѣ. Этотъ жалкій человѣкъ, сдѣлавшійся шпиономъ, очень быстро выдавалъ всѣхъ, кого только зналъ, и возбудилъ противъ себя подозрѣнія революціонеровъ. Выдавать болѣе было некого, искать новыхъ жертвъ опасно, вслѣдствіе возникавшихъ уже подозрѣній. Такимъ образомъ, П. сдѣлался бесполезнымъ и Судейкинъ забросилъ его, какъ выжатый лимонъ. Этимъ-то и возмущался Скандриковъ.

Однако, не должно особенно увлекаться благородством самого Скандрикова. Его „благородство“ состояло, собственно, въ томъ, что онъ старался вновь достать П. „заработокъ“. Онъ настаивалъ на томъ, чтобы выдохшагося шпіона перевести въ „незаконныя“ и, возбудивъ такимъ образомъ новое довѣріе къ нему среди революціонеровъ, доставить ему возможность опять сдѣлаться „полезнымъ“.

Судейкинъ не имѣлъ такой сантиментальности и затѣвалъ планъ совсѣмъ другого рода. Дѣло въ томъ, что Дегаеву нужно было чѣмъ-нибудь зарекомендовать себя въ революціонномъ мірѣ, и Судейкину пришла счастливая идея — извлечь изъ П. послѣднюю выгоду. Онъ предложилъ Дегаеву прослѣдить П., доказать предъ революціонерами его измѣну и убить его. Такимъ образомъ, всякія подозрѣнія революціонеровъ противъ самого Дегаева должны были исчезнуть.

„Конечно, — замѣтилъ Судейкинъ, — жалко его, да что станете дѣлать? Вѣдь, нужно-же и вамъ чѣмъ-нибудь аккредитовать себя, а отъ П. все равно никакой пользы нѣтъ“.

Такимъ примѣровъ можно привести нѣсколько. Тому-же Дегаеву Судейкинъ предлагалъ убить еще шпіона Шкрабу (въ Харьковѣ впоследствии, дѣйствительно, убитого революціонерами):

„Вотъ если угодно, можете его уничтожить, коли понадобится“.

Но гораздо характернѣе то, что Судейкинъ и къ самому правительству относился нисколько не лучше. Какъ ни пріучила насъ официальная Россія къ зрѣлищу политическаго дифференцізма и предательства, дѣянія Судейкина все-таки невольнo поражаютъ чело-вѣка, даже хорошо знакомаго съ изнанкой стараго строя и настоящей подкладкой реакціонныхъ гражданскихъ доблестей.

Мы остановимся нѣсколько на этой сторонѣ біографіи Судейкина, интересной потому, что она яркими красками рисуетъ самый строй, которому онъ служилъ, — какъ говорить въ „Вѣст. Нар. Воли“ біографъ Судейкина, — или который, правильнѣе сказать, самъ служить привольнымъ пастбищемъ „для ненасытныхъ аппетитовъ искателей“ пи-рога и приключеній.

Нужно сказать, — продолжаетъ тотъ-же біографъ, — что отношенія выскочки-сыщика къ верхнимъ правительственнымъ сферамъ не отличались особеннымъ дружелюбіемъ. Онъ и пугалъ ихъ, и внушалъ имъ отвращеніе. Судейкинъ — плебей; онъ былъ происхожденія дворянскаго, но изъ семьи бѣдной, совершенно захудалой. Образованіе онъ получилъ самое скудное, а воспитаніе и того хуже. Его невѣжество, не прикрытое никакимъ свѣтскимъ лоскомъ, его казарменныя манеры, наконецъ, самый родъ службы, на которой онъ прославился, все шокировало верхнія сферы и заставляло ихъ съ отвращеніемъ отталкивать отъ себя мысль, что этотъ человѣкъ можетъ когда-ни-

будь сдѣлаться „особою“. А, между тѣмъ, эта перспектива оказалась неизбежною. Въ сравненіи съ массою государственныхъ людей Судейкинъ производилъ впечатлѣніе блестящаго таланта. Мужичковъ и дѣла сами это прекрасно чувствовали и начинали все больше тревожиться за свои портфели, за свое вліяніе на царя и на дѣла. Отвращеніе и отпоръ, такимъ образомъ, создавали постоянную оппозицію противъ Судейкина. Его старались держать въ черномъ тѣлѣ. Онъ-же, со своей стороны, глубочайшимъ образомъ презиралъ этихъ мужей совѣта и въ своихъ честолюбивыхъ стремленіяхъ не считалъ для себя слишкомъ высокимъ какое-бы то ни было общественное положеніе. Ему, котораго не хотѣли выпустить изъ роли сыщика, постоянно мерещился портфель министра внутреннихъ дѣлъ, роль всероссійскаго диктатора, держащаго въ своихъ ежовыхъ рукавицахъ слабого царя.

Разладъ между радужной мечтою и сѣренькою дѣйствительностью оказался слишкомъ рѣзокъ. Судейкинъ всѣми силами старался разрушить такой „узкій взглядъ“ на себя и постоянно добивался свиданія съ царемъ. Гр. Толстой употреблялъ, напротивъ того, всѣ усилія не допустить до этого и, дѣйствительно, Судейкинъ во всю свою жизнь такъ и не успѣлъ получить у царя ни одной аудіенціи, не былъ даже ни разу ему представленъ. Толстой на зто счетъ былъ человѣкъ ловкій и на своемъ поставитъ умѣлъ. Судейкинъ изъ себя выходилъ, но ничего не могъ сдѣлать, постоянно наталкиваясь на невидимую руку, оттиравшую его отъ царя.

„Если-бы мнѣ увидѣть Государя хоть одинъ разъ, — говорилъ, онъ съ досадою, — я-бы сумѣлъ показать себя, я-бы сумѣлъ привязать Его къ себѣ“.

Это не удавалось и Судейкинъ ненавидѣлъ гр. Толстого всѣми силами своей души.

Ближайшій начальникъ Судейкина — Плева — дорожилъ имъ совершенно искренне, какъ человѣкомъ необходимымъ для собственной карьеры самого Плева. Онъ не скупился предъ Судейкинымъ на комплименты и въ глаза сказалъ ему однажды:

„Вы должны быть осторожны. Вѣдь, ваша жизнь послѣ жизни Государя Императора наиболѣе драгоцѣнна для Россіи“.

Все это, разумѣется, было очень лестно и пріятно. Судейкинъ могъ, пожалуй, утѣшиться и тѣмъ, что его начальникъ сходится съ нимъ до нѣкоторой степени даже въ любви къ гр. Толстому.

Однако-же, сплетеніе взаимной ненависти, интригъ и подсиживаній, образующихъ въ общей сложности гармонію Россійскаго государственнаго механизма, представляетъ для карьеры каждаго честолюбца столько-же удобствъ, сколько и затрудненій.

Когда Судейкинъ, въ отвѣтъ на приведенный выше комплиментъ, замѣтилъ, что „его превосходительство забываетъ еще о жизни гр. Толстого“, который точно такъ-же составляетъ особенный предметъ ненависти для террористовъ, то Плева раздѣлчиво отвѣтилъ:

„Да, конечно, его было-бы жаль, какъ человѣка, однако, нельзя не сознаться, что для Россіи это имѣло-бы и нѣкоторыя полезныя послѣдствія“... Начальникъ государственной полиціи находилъ, что министръ внутреннихъ дѣлъ слишкомъ деспотиченъ и реакціонеръ... Но, отпуская эти фразы, Плева имѣлъ свою ливію. Онъ былъ кандидатомъ въ министры ужь, конечно, не меньше Судейкина.

Въ общей сложности — Судейкинъ напрасно рвался на дорогу государственнаго дѣятеля. Его постоянно держали въ удѣ и обходили даже наградами. Онъ получалъ ордена, получилъ даже аренду, но его упорно не допускали до чиновъ, т. е., до самаго главнаго, чего онъ добивался. Это было, конечно, самое дѣйствительное средство благодѣльнымъ образомъ загораживать выскочки путь къ высокимъ должностямъ. И Судейкинъ въ пять лѣтъ службы, полной блестящихъ успѣховъ, могъ возвыситься изъ капитановъ только въ подполковники. Онъ ждалъ производства въ полковники хотя-бы послѣ коронаціи, во время которой за нимъ все-таки ухаживали. Однако, боязнь допустить повышение Судейкина казалось болѣе сильною опасностью, чѣмъ опасеніе его раздражить. „Спаситель Россіи“ получилъ всего-навсего Владимира 4-ой степени и, разумеется, буквально взбѣился.

Подъ вліяніемъ такихъ-то столкновеній у Судейкина стали рождаться планы, достойные, дѣйствительно, времени семибоярщины или бирюновщины. Его упорно преслѣдовала соблазнительная мечта, которую онъ весь послѣдній годъ своей жизни делѣялъ, какъ Валленштейнъ свой планъ измѣны, не рѣшаясь приступить къ исполненію своихъ дерзкихъ замысловъ, но не рѣшаясь и разстаться съ ними. Онъ думалъ поручить Дегаеву подъ рукой сформировать отрядъ террористовъ, совершенно законспирированный отъ тайной полиціи, самъ-же хотѣлъ затѣмъ къ чему-нибудь придратъся и выдти въ отставку. Въ одинъ изъ моментовъ, когда онъ уже почти рѣшался начать свою фантастическую игру, Судейкинъ думалъ мотивировать отставку прямо безтолковостью начальства, при которой онъ-де не въ состояніи добросовѣстно исполнять свой долгъ. Въ другой такой-же моментъ Судейкинъ хотѣлъ устроить фиктивное покушеніе на свою жизнь, причѣмъ долженъ былъ получить рану и выдти въ отставку по болѣзни. Какъ-бы то ни было, немедленно по удаленіи Судейкина, Дегаевъ долженъ былъ начать рѣшительныя дѣйствія: убить гр. Толстого, вел. кн. Владимира Александровича и совершить еще нѣсколько болѣе мелкихъ террористическихъ актовъ.

При такомъ возбужденіи террора, понятно, ужасъ долженъ былъ охватить царя. Необходимость Судейкина, при удаленіи котораго революціонеры немедленно подняли-бы голову, должна была стать очевидною и къ нему должны были обратиться, какъ къ единственному спасителю. И тутъ уже Судейкинъ могъ запросить, чего душѣ угодно, тѣмъ болѣе, что со смертью Толстого сошелъ-бы со сцены единственный способный человѣкъ и мѣсто министра внутреннихъ дѣлъ осталось-бы вакантнымъ.

Таковы были интимныя мечты Судейкина. Его фантазія рисовала ему дажѣ, какъ при исполненіи этого плана Дегаевъ, въ свою очередь, сдѣлается популярнѣйшимъ человѣкомъ въ средѣ революціонеровъ, попадетъ въ исполнительный комитетъ или-же организуетъ новый центръ революціонной партіи, и тогда они вдвоемъ—Судейкинъ и Дегаевъ—составятъ нѣкоторое тайное, но единственно реальное правительство, заправляющее одновременно дѣлами надпольной и подпольной Россіи:

Вотъ, собственно, каковъ былъ по своимъ „убѣжденіямъ“ и по своей „вѣрности“ этотъ отчаянный авантюристъ, за гробомъ котораго впоследствии несли вѣнокъ, присланный отъ весьма высокопоставленной особы и предназначенный „честно исполнившему свой долгъ до конца“, какъ гласила чувствительная надпись. Можно-ли было предумать что-либо болѣе жестоко-ироническое?

И нужно сказать, что Судейкинъ далеко не оставался въ области однихъ только грѣшныхъ мечтаній. Еще не задолго до смерти онъ было совсѣмъ рѣшилъ переходить Рубиконъ. Онъ уже далъ Дегаеву указаніе объ образѣ жизни гр. Толстого и сообщилъ необходимыя данныя для сѣженія за нимъ. Точно такъ-же онъ рѣшилъ устроить покушеніе на свою жизнь, для чего уже началъ ходить въ паркъ, гдѣ Дегаевъ долженъ былъ его яко-бы подстергать, хотя при всемъ своемъ довѣрїи къ Дегаеву Судейкинъ хотѣлъ себѣ нанести рану непосредственно самъ. Въ концѣ концовъ, Судейкинъ послѣ совѣщанія съ докторомъ, не рѣшился, впрочемъ, нанести даже малѣйшую рану и ограничился тѣмъ, что подалъ Плева прошеніе объ отставкѣ. Просьбы Плева еще болѣе поколебали Судейкина, подавъ ему надежду побѣдить начальство безъ кровопролитія. Но онъ все-таки рѣшительно заявилъ, что не останется на службѣ дажѣ мая 1884 г., до котораго срока и отложилъ еще разъ исполненіе своихъ замысловъ.

Вотъ каковъ былъ этотъ человѣкъ, въ изображеніи своихъ современниковъ. Въ этой его характеристикѣ не сгущены краски, а, напротивъ того, вся она довольно блѣдна въ сравненіи съ еще болѣе грязной дѣйствительностью. Въ сущности, совершенно справед-

ливо указано, что Судейкинъ былъ отчаяннымъ авантюристомъ. Въ средніе вѣка изъ него вышло-бы что-либо подобное Кортecu и Пизарро *), или кому-либо въ ихъ родѣ. Но тѣ времена, когда Кортecu, Ермаки **) пр. могли находить поприща для полезнаго приложенія силъ, которыя въ нихъ такъ и бурлили, давно прошли безвозвратно и современнымъ авантюристамъ, съ такими-же кипучими силами, только и остается, что обращаться или въ корнетовъ Савиныхъ, или въ подполковниковъ Судейкиныхъ. Весь страшный, захватывающій ужасъ въ томъ, что огромная страна стала полемъ дѣятельности этихъ людей, огромный народъ съ его насущными интересами, съ его нуждами, стремленіями оказался въ ихъ власти и не было никого, кто могъ-бы сдерживать ихъ, не говоря уже о томъ, чтобы направить ихъ силы, ихъ энергію въ такое русло, въ которомъ онѣ могли-бы принести пользу. Интересы страны, интересы народа никому не были дороги. Всѣ были разъединены между собою и каждый только и заботился, что о самомъ себѣ, блюлъ свои интересы.

Судейкинъ—дѣтя своего времени. Онъ не хуже и не лучше другихъ, онъ только энергичнѣе другихъ и, пожалуй, честнѣе, ибо цинизмъ его плановъ и его мечтаній ясно свидѣтельствуетъ о томъ, что онъ стремился къ опредѣленной цѣли и его жертвами ставились лишь тѣ, кто оказывался на пути его стремленій.

Но вотъ еще, въ чемъ несказанный ужасъ „судейковщины“. Авантюристъ погибъ; послѣ его гибели раскрылись всѣ его махинаціи, опредѣлились всѣ конечныя цѣли его стремленій. Нѣтъ сомнѣній, что всѣ его дѣла вышли наружу. Вѣдь, при такомъ положеніи только слѣпой отъ рожденія не замѣтилъ-бы, какое опасное для своего владѣльца оружіе представляютъ Судейкины. Даже, впрочемъ, и слѣпому чувство самосохраненія подсказало-бы ихъ опасность и заставило-бы отбросить ихъ въ сторону и придумать другое оружіе для борьбы. Послѣ гибели Судейкина слѣпые должны были-бы прозрѣть, но этого не случилось... „Судейковщина“ продолжалась какъ ни въ чемъ не бывало и только мѣняла свои названія на „зубатовщину“, „гапоновщину“ и т. д. Въ чьихъ-же рукахъ находилась тогда Россія? Бѣдная, бѣдная наша родина, не отвратился-ли отъ тебя Господь?..

*) Фернандо Кортecu (1488 — 1547 гг.) — испанецъ, завоеватель Мексики. — Франциско Пизарро (1470 — 1541 гг.) — испанецъ, завоеватель Перу.

**) Ермакъ Тимофеевичъ — казачій атаманъ, въ 1582 г. покорившій Сибирь и въ 1584 г. погибшій въ борьбѣ за нее съ татарами.

Мелкая земская единица.

Очеркъ Н. В. Алексѣева.

Въ статьѣ „Правовое положеніе русской деревни“ *) мы указали на всѣ недостатки крестьянскаго судопроизводства и, главнымъ образомъ, на непригодность волостного суда. Касааясь въ разбираемомъ нами вопросѣ общей организаціи крестьянскаго устройства, мы подчеркнули отмѣченную всѣми земствами несомвѣстимость двухъ началъ въ одномъ учрежденіи—административнаго и правового.

Нами были приведены общія цифры ноуѣздныхъ расходовъ, падающихъ какъ на судебную часть, такъ и на общую, касающуюся всего строя деревенской жизни.

Должности земскихъ начальниковъ, на основаніи громаднаго литературнаго матеріала, которымъ мы пользовались, и личнаго наблюденія, были нами признаны мало удовлетворяющими нуждамъ деревни, а потому бесполезными.

Правовая обособленность крестьянства признана не желательною и правительствомъ, и земскими учрежденіями, и многими глубокими знатоками деревни. Мало этого, она признана вредной, какъ тормозящая культурное развитіе нашего крестьянства. Высочайше утвержденная коммиссія по вопросамъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности, работавшая въ концѣ 1904 г. и въ началѣ прошлаго 1905 г., въ первую очередь занялась разсмотрѣніемъ юридическаго положенія деревни. Выводы оказались далеко не утѣшительными и коммиссія пришла къ заключенію, что эта сторона крестьянскаго устройства нуждается въ коренной реформѣ.

Отжившая форма крестьянскаго судопроизводства—волостной судъ, руководствующійся въ рѣшеніи дѣлъ обычаемъ, а не закономъ, очевидно, обречена уничтоженію. Возникаетъ вопросъ: во что-же обратится волость, каковъ будетъ кругъ ея вѣдѣнія вслѣдъ за изытіемъ изъ нея судебныхъ функцій?

Не предугадывая будущаго, замѣтимъ, что на волость предполагается возложить обязанности чисто-хозяйственнаго и отчасти административнаго свойства. Еще въ началѣ шестидесятыхъ годовъ воз-

*) См. «Знаніе и Польза» 1906 г., книга 6-я.

ниями въ различныхъ слояхъ общества и правительственныхъ учрежденіяхъ разговоры объ образованіи всесословной мелкой земской единицы, райономъ дѣятельности которой предлагалось избрать небольшіе округа въ родѣ позже учрежденной волости. Эти вопросы возникли во время подготовительныхъ работъ по проекту освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, а именно, въ редакціонныхъ комиссіяхъ предложеній объ административномъ устройствѣ освобождаемыхъ крестьянъ.

Противники этого предложенія возражали, что въ случаѣ все-сословнаго управленія крестьяне могутъ подпасть подъ губительное для нихъ самодѣятельности вліяніе своихъ бывшихъ помѣщиковъ. Это да, впрочемъ, и кое-какія другія соображенія, высказываемыя противъ мелкой земской единицы, взяли верхъ и послѣдовало образованіе самостоятельной исключительно крестьянской волости въ томъ почти видѣ, какъ она существуетъ и по сегодня.

Введеніе въ Россіи земскихъ учрежденій вѣкорѣ (семидесятые года прошлаго вѣка) опять выдвинуло вопросъ о необходимости существованія болѣе мелкой, нежели уѣздъ, земской единицы. Поводомъ къ этому явилось не мало, а именно: на практикѣ встрѣтилась необходимость земствамъ постоянно соприкасаться съ волостными правленіями, нѣкоторыя обязанности этихъ учрежденій и волостныхъ сходовъ (попеченіе о хозяйственныхъ дѣлахъ, врачебная помощь, учрежденіе школъ и т. п.) невольно переплетались съ дѣятельностью земства.

Особенно близокъ былъ къ разрѣшенію, но—увы!—не получить такового, вопросъ о мелкой земской единицѣ въ восьмидесятыхъ годахъ, когда весьма подробно разсматривались проекты переустройства волости. Для рѣшенія этого вопроса были выставлены три предложенія, изъ которыхъ взяло верхъ послѣднее: 1) сохраненіе крестьянской волости съ частными поправками въ ея организаціи, 2) созданіе самоуправляющейся и самооблагающей волости и 3) созданіе всесословной, но не самоуправляющейся, а чисто административной волости. Какъ и было указано, послѣднее предложеніе (комиссія статсъ-секретаря Коханова) взяло верхъ надъ остальными.

Въ концѣ того-же десятилѣтія были отмѣнены участковые выборы мировые судьи и учреждены должности земскихъ начальниковъ, что окончательно подорвало идею всесословной самоуправляющейся волости.

Въ теченіе послѣдующаго десятилѣтія и по наши дни вышеназванный вопросъ (о мелкой земской единицѣ) неоднократно обсуждался, главнымъ образомъ, въ земствахъ и на съѣздахъ, посвященныхъ вопросамъ, касающимся нужды сельско-хозяйственной промышленности.

ности. Особенно рѣзко ощущалась необходимость существованія мелкой земской единицы въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ случался неурожай или свирѣпствовали эпидеміи повальныхъ болѣзней. Многія земства высказывались за желательность скорѣйшаго осуществленія этой организаціи. Въ противники указывали на возможность нежелательнаго захвата всѣхъ мѣстныхъ крестьянскихъ дѣлъ земскими начальниками и на: нежелательность сосредоточенія дѣятельности земствъ лишь на вопросахъ чисто мѣстнаго характера. Наиболѣе убѣжденнымъ сторонникомъ послѣдняго взгляда являлся извѣстный дѣатель тверскаго земства В. Д. Кузьминъ-Караваевъ, соглашавшійся только съ однимъ положеніемъ, говорящимъ за учрежденіе мелкой земской единицы, а именно; за ея близость къ мѣстному населенію.

Какъ-бы то ни было, а этотъ вопросъ имѣетъ много сторонниковъ „за“ и много мнѣній, говорящихъ въ пользу разрѣшенія его въ положительномъ смыслѣ.

Подобное учрежденіе не является новинкой въ Россіи — оно существовало со временъ древней Руси вплоть до ея реформированія.

Въ древнюю эпоху Россія дѣлилась на волости — княженья. Съ пятнадцатаго вѣка подъ названіемъ „волость“ подразумѣвалась уже часть уѣзда, въ противоположность городу. Волости и города, въ свою очередь, подраздѣлялись на особыя мелкія земскія и административныя единицы: сотни, потуги и погосты. Послѣдніе являлись одновременно и торговыми, и судебными, и административными пунктами. Самое слово „погостъ“ производится отъ слова „гость“, „гостьба“, что указываетъ на торговое значеніе погоста, ибо въ древнее время заѣзжіе купцы назывались „гостями“, а торговля — „гостью“. Погосты обыкновенно располагались на большихъ проѣзжихъ дорогахъ и избирались князьями въ качествѣ становищъ при объѣздѣ ими волостей для суда и сбора дани.

Погосты имѣютъ особенную давность сравнительно съ другими учрежденіями. Они установлены св. Ольгой въ качествѣ правительственныхъ округовъ съ опредѣленной территоріей для цѣлей управленія. Послѣ крещенія Руси св. Владиміромъ погосты, служившіе во время язычества мѣстами языческихъ богослуженій, стали очагами христіанства. Въ центрѣ cadaго погоста помѣщались храмъ и кладбище. Сдѣлавшись церковными округами, погосты въ большинствѣ случаевъ совпадали съ административными и судебными центрами. Населеніе погоста заключало въ себѣ всѣ сословія.

Въ главной мѣстности погоста округа почти всегда помѣщались дворы мѣстныхъ помѣщиковъ, здѣсь-же жили мѣстныя выборныя власти или назначенныя правительствомъ или помѣщиками въ качествѣ ихъ управителей (такъ называемые — ключники). Зданіе храма,

находящагося въ главномъ селеніи погоста, являлось центромъ общественной и церковной жизни округа.

Всѣ церковныя расходы въ древней Руси опредѣлялись по погостамъ. Все церковное имущество, не исключая и храма, принадлежало приходу и приобреталось на его средства. Притчѣ не имѣлъ права распоряжаться церковнымъ имуществомъ безъ согласія прихожанъ. Для содержанія притча церкви снабжались земельными участками на которыхъ священники и притчѣ ставили дворы и занимались земледѣліемъ. На церковной землѣ, обыкновенно, помѣщались амбары, лавки, нищенскія кельи, трапезы (мѣста сбора прихожанъ) и „схожія избы“, служившія мѣстомъ схода для обсужденія церковныхъ, земскихъ и мірскихъ дѣлъ и для производства выборовъ на мірскія должности.

Такимъ образомъ, всѣ жители погоста были связаны общностью церковныхъ и гражданскихъ интересовъ. Въ церковной области имъ были предоставлены широкія права, изъ которыхъ право выбора своихъ священно-церковнослужителей въ то время особенно цѣнилось и оберегалось.

Въ качествѣ правительственной единицы погостъ очень долгое время служилъ административно-финансовымъ округомъ. Администраціей велись по погостамъ списки дворянъ-владѣльцевъ съ обозначеніемъ данныхъ, свидѣтельствующихъ о платежной силѣ принадлежащихъ имъ земельныхъ участковъ. На основаніи этихъ данныхъ раскладывались всѣ подати и повинности—денежныя и натуральныя.

Кромѣ указанныхъ значеній, погосты служили иногда центральными пунктами для отправленія населеніемъ воинской повинности. По погостамъ-же совершались различныя сборы ратныхъ людей. Въ вѣдѣніи погостовъ состояли постройка общественныхъ зданій (крѣпостей, амбаровъ, тюремъ и т. п.), обложеніе населенія налогами, сборы этихъ налоговъ. На погостахъ-же обнародывались царскія грамоты, владычныя указы, объявлялись распоряженія ближайшихъ властей и подавались такъ называемыя „трапезныя явки“—жалобы когдѣ-либо изъ обиженныхъ на обиды и притѣсненія со стороны своихъ земляковъ.

Населеніе погоста выбирало изъ своей среды различныхъ должностныхъ лицъ, каковыми являлись откупщики („вѣрныя головы“), ихъ товарищи, таможенный голова, староста (сотскій) и цѣловальники. Число этихъ послѣднихъ зависѣло отъ размѣровъ погоста. Старосты и цѣловальники несли обязанности по веденію окладныхъ и писцовыхъ книгъ погоста, ѣздили въ городъ за государственной казной и засѣдали въ судѣ правительственнаго приказчика, на обя-

занности котораго лежало завѣдываніе дворцовыми имѣніями въ нѣсколькихъ погостахъ.

Такимъ образомъ, старосты и цѣловальники (названіе, происходящее отъ обряда присяги, сопровождающагося, какъ извѣстно, цѣлованіемъ св. креста) несли административно-полицейскія обязанности. Высшій надзоръ за погостомъ возлагался на воеводу, что, однако, не лишало населенія права непосредственно обращаться къ высшей правительственной власти съ челобитными и ходатайствами о всѣхъ мѣстныхъ нуждахъ, что совершалось по составленіи приходскаго приговора.

Такимъ образомъ, изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что въ древней Руси существовала мелкая земская единица въ видѣ описаннаго нами погоста. Дѣйствительно, погостъ заключалъ въ себѣ и церковныя, и правительственныя, и хозяйственныя формы самоуправленія. Погостъ являлся вполне организованнымъ, сплоченнымъ цѣлымъ, къ которому правительство относилось съ полнымъ довѣріемъ, обращаясь не только со своими требованиями и наказами, но и съ запросами по всѣмъ мѣстнымъ дѣламъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже за надлежащимъ содѣйствіемъ. Все это способствовало развитію самоуправленія и самодѣятельности въ населеніи погостовъ и укрѣпленію въ немъ нравственной и даже культурной силы.

Крѣпостное право оказало свое губительное дѣйствіе на эту весьма разумную организацію древней Руси. Подъ влияніемъ его совершенно измѣнился бытъ народа и изъ свободныхъ членовъ общаго населенія погостовъ крестьяне попали въ положеніе рабовъ, что повлекло за собою, конечно, разложеніе твердо установившейся всесословной организаціи и ввело въ русскую жизнь дорого стоящую странѣ сословность.

Только на сѣверѣ Россіи погосты-волости продержались до сравнительно поздняго времени, и то благодаря тому, что тутъ не было крѣпостнаго права и крестьяне считались черносошными. Это названіе, кстати сказать, ничего общаго съ весьма распространеннымъ нынѣ „черносотеннымъ“ не имѣющее, происходило отъ наименованія общевладѣльческихъ земель „черными“ въ отличіе отъ частновладѣльческихъ. Въ остальныхъ-же мѣстностяхъ Руси, особенно въ московскомъ государствѣ, уже съ шестнадцатаго вѣка, благодаря обилію частныхъ помѣстій, волость-погостъ утратила свое значеніе за исключеніемъ административнаго, но и то скоро исчезло съ народженіемъ новаго административнаго дѣленія—стана.

Населенные свободными „волостными людьми“ волости и по-

госты существовали кое-гдѣ еще въ восемнадцатомъ столѣтіи, но главная масса свободныхъ крестьянъ была расписана по разнымъ вѣдомствамъ въ цѣляхъ государственной администраціи.

Императоръ Павелъ I (кстати, весьма гуманный и передовой человекъ—сторонникъ расширенія крестьянъ и конституціи) далъ свободнымъ крестьянамъ нѣкоторое управленіе. Имъ было произведено соединеніе удѣльныхъ крестьянъ въ приказы, подъ названіемъ главнаго селенія, и даровано выборное управленіе. Имъ-же коренныя селенія были переименованы въ волости. Волость, служившая хозяйственной земскою единицею, управлялась выборными должностными лицами.

Въ царствованіе императора Александра I не произошло особенныхъ измѣненій въ положеніи крестьянъ. При императорѣ Николаѣ Павловичѣ было образовано министерство государственныхъ имуществъ, упраздненное въ прошломъ году. Крестьяне перешли изъ вѣдѣнія министерства финансовъ въ новое—государственныхъ имуществъ, и ихъ управленіе было въ корень преобразовано. Государственные крестьяне были подчинены особымъ учрежденіямъ, носившимъ названіе „окружныхъ управленій“, а эти, въ свою очередь, подчинялись „палатамъ государственныхъ имуществъ“.

Волости были также преобразованы на новыхъ началахъ. Во главѣ волости были поставлены: волостной сходъ, выборное волостное правленіе съ волостнымъ головой и волостная расправа (судъ), вѣдающая разрѣшеніе мелкихъ судебныхъ дѣлъ. Волостному сходу предоставлялось, помимо избранія должностныхъ лицъ, вѣдать всѣ общественныя дѣла волости, рекрутскія, денежные и т. п.

Управленіе государственныхъ крестьянъ послужило во многомъ образцомъ для устройства крестьянскаго управленія по освобожденіи помѣщичьихъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Въ такомъ положеніи находилось крестьянское устройство до 1861 года, когда съ русскаго крестьянства манифестомъ 19-го февраля были сняты оковы безволія и рабства.

Редакціонныя коміссіи въ своихъ работахъ руководствовались исторіей и, разумѣется, не могли не отмѣтить разумнаго значенія поговоровъ древней Руси, какъ атеекъ русскаго государственнаго организма. Подъ вліяніемъ этого устройства ими были выработаны статьи 43—45 общаго положенія о крестьянахъ. Въ этихъ статьяхъ указывалось, что волости образуются по приходамъ и что въ случаѣ малочисленности приходоу ихъ слѣдуетъ соединять въ одну волость. Дробленіе приходоу разрѣшалось лишь въ исключительныхъ случаяхъ. При составленіи волостей въ зависимости отъ приходоу имѣлось въ виду, что таковыя представляютъ собою исконную обще-

ственную организацию и что церковь всегда, помимо своего религиозного значения для народа, являлась сборным пунктомъ, куда стекалось население для разрѣшенія мѣстныхъ вопросовъ.

При учрежденіи крестьянскихъ волостей предполагалось, что онѣ явятся административными самоуправляющимися единицами, вѣдающими, вмѣстѣ съ тѣмъ, хозяйственные и общественныя дѣла мѣстнаго хозяйства. Ввиду этого для волости было опредѣлено, что она можетъ состоять изъ нѣсколькихъ сельскихъ обществъ и районъ ея опредѣлялся въ среднемъ около 12 верстъ. При подобномъ устройствѣ волости, безспорно, явились-бы мелкими единицами крестьянскаго самоуправления, если-бы районъ ихъ впоследствии значительно не расширился.

Въ 1878 г. послѣдовало причисленіе волостныхъ правленій къ присутственнымъ мѣстамъ, что весьма расширило кругъ ихъ дѣятельности. Слѣдствіемъ громаднаго дѣлопроизводства волостныхъ правленій и ввиду темноты крестьянскихъ массъ явилось то, что эти учрежденія понемногу утратили свой коллегіальный характеръ и всѣ дѣла волости сосредоточились въ рукахъ одного лица—волостного писаря.

Дѣятельность этихъ господъ была нами очерчена въ статьѣ „Правовое положеніе русскихъ крестьянъ“. Здѣсь-же мы еще разъ повторимъ, что зависимость неграмотнаго населенія отъ малограмотнаго пришлага человѣка, занимающагося волостнымъ дѣлопроизводствомъ и рѣшающаго дѣла чисто по личному усмотрѣнію, ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть болѣе терпима.

Съ теченіемъ времени утратили свое значеніе и волостные сходки, собирающіеся только разъ въ годъ для утвержденія прихода-расходной смѣты.

Что-же касается до должности волостного старшины, то она совершенно утратила свой первоначальный характеръ представительства крестьянской самоуправляющейся организаци. Въ настоящее время волостной старшина всецѣло подчиненъ земскому начальнику и несетъ обязанности низшаго административнаго органа.

Въ хозяйственномъ отношеніи волость въ настоящее время не имѣетъ никакого значенія. Если гдѣ и попадаются волостныя хозяйственныя учрежденія и сдѣлано что-нибудь въ смыслѣ удовлетворенія общественныхъ и хозяйственныхъ нуждъ, то эти волости представляютъ собою счастливое исключеніе и принадлежать, главнымъ образомъ, къ волостямъ поселянъ—бывшихъ колонистовъ.

Впрочемъ, наивно было-бы и искать другого состоянія нашей волости. Всѣ вопросы общественнаго и хозяйственнаго характера,

порученные волостнымъ сходамъ, требуютъ серьезнаго къ себѣ отношенія и совмѣстной работы всѣхъ классовъ и сословій мѣстнаго населенія. Такія нужды деревни, какъ врачебная помощь, народное образованіе, призрѣніе неимущихъ, являются не исключительно крестьянскими нуждами, а нуждами всѣхъ сословій, постоянно живущихъ въ предѣлахъ извѣстной волости. Поэтому какое-либо сословное разграниченіе при обсужденіи вопросовъ мѣстной жизни является совершенно неумѣстнымъ. Къ этому слѣдуетъ еще добавить, что крестьянская масса пока такъ еще темны и некультурны, что какое-бы то ни было существенное улучшение хозяйства не можетъ быть проведено въ жизнь исключительно избранными изъ ея среды гласными волостного схода.

Въ составъ волости и волостного схода неизбѣжно должны войти и лица иныхъ состояній, кромѣ крестьянскаго, какъ-то: мѣстные землевладѣльцы, духовенство, народные учителя и т. п. постоянно живущія въ данной мѣстности лица.

Какъ и было сказано выше, современная волость совершенно утратила то значеніе, которое ей предназначалось въ жизни уѣзда. Реформа ея, и коренная реформа, необходима; потребность этой реформы давно ужъ сознается какъ земскими дѣятелями, такъ и многими лицами, служившими въ учрежденіяхъ по крестьянскимъ дѣламъ.

Нами были приведены цифры, во что обходится деревнѣ ея юридическая безграмотность; попутно была указана цифра всевозможныхъ налоговъ, лежащихъ на крестьянство. Большая часть этихъ налоговъ идетъ не на удовлетвореніе мѣстныхъ нуждъ, а на государственныя и общественныя потребности. Значительная часть расходовъ производится изъ волостныхъ, мірскихъ суммъ на нужды чисто земскаго характера (народное образованіе, медицинская помощь, больницы, оспопрививаніе, дороги, мосты, переправы, сохраненіе межевыхъ знаковъ и т. п.). Ясно, что если-бы этими суммами самостоятельно располагала волость, то крестьянское благосостояніе и благоустройство деревни только выиграли-бы отъ этого.

Назрѣвшая необходимость упраздненія волости, какъ низшей судебно-административной сословной единицы, ни въ какомъ случаѣ не должна влечь за собою упраздненіе волости, какъ единицы общественно-хозяйственнаго самоуправленія. Жизнь требуетъ, напротивъ, чтобы волость существовала въ качествѣ хозяйственной единицы, но, какъ таковая, она должна обнять лицъ всѣхъ сословій, проживающихъ въ ея предѣлахъ. Короче говоря, крестьянская волость должна быть какъ можно скорѣе реформирована въ всесословную мелкую земскую единицу. Реформированная

волость, безусловно, должна быть изъята изъ вѣдѣнія нынѣшнихъ крестьянскихъ учрежденій.

Въ настоящее время составъ населенія деревни является далеко не однообразнымъ. Въ крестьянствѣ появились уже разнообразныя слои людей, значительно отличающіеся одинъ отъ другого не только родомъ занятій, матеріальнымъ благосостояніемъ, сословіемъ, но и образомъ жизни, обычаями, образованностью и вытекающими изъ нея взглядами на жизнь.

Сословное различіе деревенскихъ жителей весьма велико; тутъ есть представители всѣхъ сословій—и дворяне, и мѣщане, и отставные военные, и чиновники, и разночинцы. Одни занимаются личной или путемъ наемныхъ рабочихъ обработкой принадлежащихъ имъ земель, другіе—ремеслами, третьи—торговлей и т. п.

Всѣ эти лица, не принадлежащія къ крестьянскому сословію, наравнѣ съ послѣднимъ пользуются услугами волостныхъ правленій, не уплачивая ни копейки мірскаго сбора (за исключеніемъ лицъ, владѣющихъ выкупными крестьянскими надѣлами), не платя земскихъ повинностей. Несмотря на такое странное освобожденіе отъ общихъ для всей крестьянской массы повинностей, эти лица во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ, а особенно въ области сельскаго хозяйства, постоянно находятся въ общеніи съ крестьянами. И у барина, и у мужика заботы о хозяйствѣ все-таки столь сложны и имѣютъ столь много общаго, что на этой почвѣ обѣ стороны въ большинствѣ случаевъ стремятся къ объединенію.

Ничто такъ не связываетъ людей, какъ общность работы; поэтому соединеніе въ одну группу лицъ, занимающихся сельскимъ хозяйствомъ въ предѣлахъ одной и той-же мѣстности, прямо-таки необходимо. Встрѣтилась, на примѣръ, надобность въ открытіи врачебнаго или школьнаго пункта—тутъ уже нѣтъ мѣста сословнымъ различіямъ—совмѣстными усиліями и средствами создается необходимое общественное учрежденіе.

Мѣстныя нужды уже давно отмѣчаются земскими дѣятелями, указывающими, что всѣ жители определенной мѣстности, безъ различія сословій, состояній и профессій, одинаково заинтересованы хотя-бы въ сноскомъ состояніи проселочныхъ дорогъ, въ организаціи мѣстной почты, близкой медицинской помощи, противопожарныхъ мѣропріятій, въ выпискахъ сельско-хозяйственныхъ орудій, удобреній, сѣмянъ и т. п. Благодаря отсутствію организованной хозяйственной единицы, всѣ эти потребности пока у насъ въ деревнѣ удовлетворяются лишь единичными усиліями отдѣльныхъ жителей. Если и бываетъ объединеніе для достиженія общественныхъ цѣлей, напр., для организаціи осушительныхъ работъ въ какой-нибудь мѣстности то

все-таки слѣдуетъ принять, что подобныя объединенія носятъ характеръ совершенной случайности.

Для культурнаго развитія деревни необходима всесословная мелкая земская организація. Благодаря существованію у насъ административно-хозяйственнаго управления, основаннаго на сословной обособленности, наша деревня въ настоящее время является въ составѣ своихъ жителей искусственно разобщенною.

Если проектъ учрежденія мелкой земской единицы получить реальное разрѣшеніе и это учрежденіе будетъ проведено въ жизнь, образованность населенія и культура крестьянскаго хозяйства пойдутъ быстрыми шагами впередъ. Въ этомъ случаѣ объединенія всѣхъ сословій и степеней образованности лица малокультурныя будутъ воспринимать отъ болѣе культурныхъ знанія, совмѣстно улучшать хозяйство путемъ введенія въ него основанныхъ на культурныхъ началахъ приѣмовъ и средствъ. При такомъ объединеніи волость получитъ значеніе мелкой капиталистической единицы и каждый ея членъ получитъ довольно широкую возможность пользованія мелкимъ кредитомъ на льготныхъ условіяхъ. Изъятіе изъ вѣдѣнія волости судебного начала повлечетъ за собою юридическую освѣдомленность нашего крестьянства. Словомъ, съ любой точки зрѣнія созданіе всесословной мелкой земской единицы, кромѣ хорошаго, ничего другого не можетъ дать нашей деревнѣ.

Возраженія противъ подобнаго учрежденія въ родѣ вышеприведеннаго мнѣнія проф. Кузьмина-Караваева (мелкая земская единица можетъ отвлечь земства отъ ихъ общей работы) врядъ-ли выдержатъ хотя-бы и не совсѣмъ строгую критику. Дѣйствительно, разбирая хотя-бы указанное возраженіе г. Кузьмина-Караваева, мы можемъ замѣтить, что изъятіе изъ вѣдѣнія уѣздныхъ земствъ мелкихъ вопросовъ, имѣющихъ чисто мѣстное значеніе, не только не затормазитъ общей работы земства, но, предоставляя ихъ гласнымъ свободное отъ разбора этихъ вопросовъ время, учрежденіе мелкой земской единицы дастъ возможность земству болѣе подробно и обстоятельно заняться обще-земскими вопросами.

Съ другой стороны, мелкая волостная земская единица дастъ болѣе крупнымъ земскимъ учрежденіямъ богатый фактический и статистическій матеріалъ для этой работы. Крестьянство въ большинствѣ случаевъ выражено въ земскихъ собраніяхъ „молчаливками“, не умѣющими или не желающими вступать въ полемику съ „барами“ гласными. Въ волостномъ земствѣ, конечно, преобладающимъ элементомъ явятся крестьяне, а потому и труды его будутъ направлены преимущественно къ удовлетворенію нуждъ крестьянскаго населенія.

Бесѣды о больномъ человѣкѣ.

Очерки д-ра Г. О. Фридендера. (Продолженіе.)

ГЛАВА III.

Остро-заразные болѣзни.

Введеніе: отношеніе къ инфекціоннымъ болѣзнямъ людей разныхъ временъ, спорадичность, эндемичность, эпидемичность и пандемичность этихъ болѣзней. Исторія, бактериологія, условія восприимчивости и передачи, смертность, мѣры предупрежденія и описаніе теченія болѣзней: оспы, скарлатины, кори, сыпного, возвратнаго и брюшнаго тифовъ, холеры, дизентеріи, дифтерита, чумы, сибирской язвы, сапа и собачьяго бѣшенства.

Болѣзни, о которыхъ будетъ рѣчь въ настоящей главѣ, извѣстны человѣчеству съ самыхъ незапамятныхъ временъ: всегда люди болѣли ими и умирали отъ нихъ. Только эти болѣзни въ разные времена назывались разнo. Люди долго не знали ихъ сущности, не знали, какъ ихъ лечить и какъ уберечь себя отъ нихъ. Когда въ глубокой древности появлялась какая-либо повальная болѣзнь, захватывавшая большой районъ и уносявшая въ могилу тысячи человѣческихъ жизней всѣхъ возрастовъ, то такое событіе считали проявленіемъ гнѣва божества. Такой-же взглядъ существовалъ и въ средніе вѣка. Для огражденія себя отъ нихъ люди тогда сплошь и рядомъ прибѣгали къ колдовству, заклинаніямъ, нашептываніямъ, язычникамъ—къ жертвоприношеніямъ.

Недалеко отъ такихъ взглядовъ на эти болѣзни ушли и наши современники, русскіе крестьяне. Нерѣдко даже въ самое послѣднее время приходилось слышать и читать, что въ такомъ-то селѣ убили доктора, признавъ его за колдуна, приносящаго съ собой болѣзнь, а заразную болѣзнь крестьяне лечили собственными „средствами“, прибѣгая ко всевозможнымъ заговорамъ, нашептываніямъ, отплеиваніямъ и проч., служа молебны и т. д. О принятіи такими людьми дѣйствительныхъ мѣръ предосторожности, основанныхъ на научныхъ данныхъ, конечно, и говорить нечего. И бактеріи властно хозяйничали тогда, распоряжаются и теперь всюду тамъ, гдѣ о нихъ не знаютъ и гдѣ на нихъ не обращаютъ никакого вниманія.

Въ послѣдніе нѣсколько десятковъ лѣтъ и особенно въ послѣдніе годы, съ увеличеніемъ умственнаго развитія сельскаго и городского

населенія, правильное представленіе о заразномъ началѣ разбираемыхъ нами болѣзней все болѣе и болѣе распространяется. Люди начинаютъ убѣждаться въ правильности и дѣйствительности рекомендуемыхъ наукой предохранительныхъ и лечебныхъ мѣръ. И результаты довѣрія къ наукѣ и къ людямъ науки, несомнѣнно, сказываются.

Объ этомъ краснорѣчиво говорятъ собранныя цифры. Такъ, на примѣръ, въ Австріи число смертныхъ случаевъ отъ оспы въ 1873 году равнялось 67.824, тогда какъ въ 1896 г.—только 865. Въ Ваваріи на 100.000 жителей число смертей отъ заразныхъ болѣзней за время отъ 1871 г. до 1895 г. понизилось:

при оспѣ	съ 104 до 0,017
» брюшномъ тифѣ	» 81 » 6,4
» кровавомъ поносѣ	» 29 » 0,26
» скарлатинѣ	» 78 » 7,4
» дифтеритѣ	» 106 » 4,77

Въ Австріи на то-же число жителей и почти тотъ-же промежутокъ времени:

при оспѣ	съ 328 до 4
» брюшномъ тифѣ	» 129 » 27
» кровавомъ поносѣ	» 61 » 16
» дифтеритѣ	» 280 » 108

Везспорно, что если-бы удалось собрать большее количество цифръ, то паденіе смертности отъ разныхъ болѣзней выразилось-бы въ еще болѣе рѣзкихъ числахъ. Поэтому можно надѣяться, что наука въ будущемъ добьется полного своего торжества.

Ввиду чрезвычайной малости бактерій и вслѣдствіе этого легкости проникновенія ихъ въ самонаимѣншія отверстія человѣческаго тѣла, болѣзни, вызываемыя ими, рѣдко ограничиваются единичнымъ случаемъ. Въ большинствѣ случаевъ всѣ инфекціонныя (отъ латинскаго слова *инфицио*—вдѣлываю, вношу что-либо постороннее, заразное) заболѣванія въ большой или меньшей степени распространены, т. е., въ извѣстномъ мѣстѣ—наприм., городѣ съ большимъ населеніемъ—всегда есть нѣсколько однородныхъ заболѣваній. Такія единичныя заболѣванія называются спорадическими („спорасъ“ по-гречески значить „разсѣянный“). Если какая-либо болѣзнь держится постоянно въ одной опредѣленной мѣстности, то въ такомъ случаѣ говорятъ объ эндеміи („эндемось“ по-гречески—„туземный“), на примѣръ, эндеміи холеры въ Индіи, эндеміи болотной лихорадки на Кавказѣ. Если-же какая-либо болѣзнь временно очень сильно распространяется и потомъ по истеченіи извѣстнаго времени исчезаетъ, то въ такомъ случаѣ говорятъ объ эпидеміи („эпидемось“—распространенный въ народѣ). У насъ эпидемія называется повальной болѣзью. Если инфекціонное заболѣваніе захватываетъ очень большое

пространство, напримеръ, цѣлое государство или даже часть свѣта, то говорятъ о пандеміи (пандемось-всенародный). Такъ, пандемически свирѣпствуетъ иногда холера, въ восьмидесятихъ годахъ инфлуэнца охватила всю Европу.

Мы уже изъ предыдущей главы знаемъ, какимъ образомъ спорадическій случай какого-либо инфекціоннаго заболѣванія переходитъ въ эндемію и эпидемію. Ввиду нерѣдко бывающаго такого распространенія инфекціонныя болѣзни приобрѣтаютъ очень большой общественный интересъ. Поэтому чрезвычайно важно знать признаки наиболѣе серьезныхъ, легко передающихся (прилипчивыхъ) заразныхъ болѣзней, отдѣльныя проявленія ихъ и способы предохраненія.

Къ разбору въ этомъ смыслѣ остро-заразныхъ болѣзней мы теперь и приступимъ, причемъ прежде всего мы рассмотримъ тѣ болѣзни, которыя обнаруживаются только общими явленіями въ зависимости отъ пребыванія соответственныхъ бактерій въ крови заболѣвшаго, а потомъ разберемъ болѣзни, бактеріи которыхъ поселяются въ какомъ-либо опредѣленномъ органѣ челоѣческаго тѣла и, производя здѣсь мѣстныя измѣненія, вмѣстѣ съ тѣмъ, своими токсинами отравляютъ весь организмъ. Въ слѣдующихъ-же главахъ будутъ рассмотрѣны двѣ наиболѣе важныя болѣзни, протекающія въ большинствѣ случаевъ хронически, именно туберкулезъ и сифилисъ.

О с п а.

Дѣйствительный возбудитель оспы до сихъ поръ еще не найденъ. Различные изслѣдователи въ поискахъ за оспенной бактеріей находили какихъ-то бациллъ, но ничѣмъ не могли доказать, что именно эти бациллы и вызываютъ оспу. Тѣмъ не менѣе, оспа безошибочно считается инфекціонной болѣзью, такъ какъ 1) она легко передается отъ больныхъ ею здоровымъ людямъ, 2) въ большинствѣ случаевъ можно прослѣдить, откуда зараза пришла, и 3) она по многимъ своимъ проявленіямъ весьма схожа съ другими заразными болѣзнями, возбудитель которыхъ намъ хорошо извѣстенъ.

Заразное начало оспы находится въ крови заболѣвшаго ею, въ пустулахъ *), въ обилии высыпающихъ на тѣлѣ, и даже въ коркахъ, образующихся по высыханіи этихъ пузырьковъ. Такъ какъ оно противостоитъ высыханію, то, попадая отъ больного съ его мокротой и отторгающимися отъ пустулъ кусочками кожи на полъ, одежду, бѣлье и другіе предметы, окружающіе больного, можетъ въ такомъ видѣ долго сохраняться, удерживая за собою способность при удобномъ случаѣ проникать въ живыя ткани и развѣивать въ нихъ свою гу-

*) Ограниченныя приподнятія кожицы гноемъ, гнойнички.

бительную дѣятельность. Оно проникаетъ въ нашъ организмъ чаще всего путемъ вдыханія и соприкосновенія — въ послѣднемъ случаѣ, конечно, лишь съ поврежденной кожей.

Стойкость заразнаго начала оспы доказывается тѣмъ, что въ той комнатѣ, гдѣ лежалъ оспенный больной, здоровый можетъ заразиться оспой, спустя даже нѣсколько мѣсяцевъ, если эта комната со всеми предметами не была тщательно обеззаражена. Высохшій гной оспеннаго пузырька иногда оказывается дѣйствительнымъ (вызываетъ заболѣваніе) при прививкѣ даже черезъ нѣсколько лѣтъ. Заразное начало сохраняетъ свою силу и на тругѣ. Наблюденія показываютъ, что эта болѣзнь можетъ передаваться отъ матери плоду во время беременности, но не ранѣе, чѣмъ съ пятого мѣсяца.

Оспа известна человечеству съ самыхъ древнихъ временъ. Известно, что въ Китаѣ, напримѣръ, она существовала уже въ 1120 году до Р. X. Въ Африкѣ области, лежація по берегамъ Нила, представляютъ древнѣйшій и зловреднѣйшій очагъ оспы. Эта болѣзнь унесла въ могилу не мало жертвъ. Даже въ такой культурной странѣ, какъ Франція, въ прошломъ столѣтіи умирало отъ нея ежегодно до 30.000 человекъ, а въ Индіи въ теченіе времени 1866—1869 г. при населеніи въ 40 миллионѣ умерло отъ оспы 140.000 человекъ. И лишь съ начала XIX столѣтія, когда, благодаря знаменитому открытію шотландскаго врача Дженнера, стали примѣнять оспопрививаніе, смертность отъ оспы значительно упала. Въ тѣхъ странахъ, гдѣ нынѣ оспопрививаніе обязательно для всехъ, заболѣваніе оспой вообще случается очень рѣдко, а смерть отъ нея еще рѣже (въ Лондонѣ уже въ 1886 г. смертность отъ оспы была равна 0,01 на тысячу населенія).

Оспа принадлежитъ къ болѣзнямъ, которыя, будучи разъ, больше не повторяются (исключенія весьма рѣдки).

Теченіе оспы не всегда бываетъ одинаково. Это зависитъ отъ того, что бываетъ оспа тяжелая и легкая.

Тяжелая форма этого заболѣванія начинается обыкновенно внезапно сильнымъзнобомъ, болью въ поясницѣ и иногда рвотой. Эти явленія, соответствующи, вѣроятно, обнаруженію дѣйствія оспеннаго токсина, скопившагося въ достаточномъ количествѣ. Черезъ 2—3 дня лицо, шея и грудь, а иногда и все тѣло покрываются краснею сыпью, которая черезъ нѣсколько дней превращается въ пузырьки, наполненные прозрачной жидкостью. На 5—7 день послѣ начала заболѣванія температура, державшаяся все это время приблизительно на однихъ и тѣхъ-же градусахъ (39°—39,5°), нѣсколько повышается, доходя до 40° и выше. Это повышение температуры объясняется переходомъ прозрачнаго содержимаго пузырьковъ въ гнойное. Къ этому

времени почти все тѣло бываетъ покрыто гнойными пустулами, сидящими на красномъ, воспаленномъ днѣ и имѣющими въ своемъ центрѣ небольшое вдавленіе на подобіе пупка. Такъ дится около недѣли. Пустулы, увеличиваясь въ количествѣ, покрываютъ не только тѣло, но и сливистыя оболочки рта, гортани и пищевода, а также появляются на роговицѣ глазъ. Температура все время держится высокая, больной страдаетъ отъ жестокой головной боли и отъ боли въ кожѣ вслѣдствіе ея напряженія. Иногда присоединяется воспаленіе легкихъ, отчасти вслѣдствіе лежанія и слабости сердца, отчасти вслѣдствіе воспалительнаго процесса, переходящаго съ бронховъ (оспепныя пустулы бронховъ). Скопившіеся токсины угнетаютъ сердечную мышцу, отъ чего она слабѣетъ (тоны сердца слабѣютъ), селезенка, а иногда и печень увеличиваются. Больной лежитъ, какъ пласть, и часто бредитъ. Къ началу 3-ей недѣли болѣзни пустулы начинаютъ подсыхать и, вмѣстѣ съ тѣмъ, температура литически (постепенно) падаетъ, что сопровождается улучшеніемъ общаго самочувствія: больной становится бодрѣе, перестаетъ бредить, спокойнѣе спать, появляется аппетитъ. Если сердце выдерживаетъ отравляющее дѣйствіе токсиновъ, то больной поправляется: подсохшія и превратившіяся въ корки пустулы отпадаютъ, оставляя послѣ себя большія или меньшія разрушенія въ кожѣ въ видѣ рытвинъ (получается рабой видъ), температура все болѣе приближается къ нормѣ, и къ концу 5-й недѣли послѣ начала болѣзни больной можетъ встать съ кровати. Если же сердце все болѣе слабѣетъ, то болѣзнь можетъ окончиться смертью.

Легкая форма оспы протекаетъ гораздо легче. При ней не бываетъ второго повышенія температуры, зависящаго отъ нагноенія пустулы, температура вообще все время ниже ($38,5^{\circ}$ — $39,5^{\circ}$), пустулы бываютъ гораздо меньше, самочувствіе не такое подавленное.

Изъ осложненій при оспѣ слѣдуетъ обратить вниманіе на нерѣдко случающееся воспаленіе средняго уха, опуханіе большихъ суставовъ (колыннаго и плечевого), изъязвленіе роговой оболочки глазъ, бронхитъ и даже воспаленіе легкихъ.

Къ необычному теченію оспы слѣдуетъ причислить такъ называемую геморрагическую, или черную оспу, при которой пустулы наполняются гноемъ съ кровью, отчего и получается темный цвѣтъ ихъ. Эта форма оспы протекаетъ очень тяжело и чаще ведетъ къ смерти. Затѣмъ слѣдуетъ указать на сливную форму оспы, при которой пустулы высыпаетъ такъ много, что онѣ сливаются вмѣстѣ и образуютъ одну сплошную гнойную поверхность. При этомъ, конечно, всѣ явленія (температура, бредъ и проч.) выражены въ сильнѣйшей степени.

Распознаваніе при ясно выраженныхъ пустулахъ (пупочное

вдавленіе) въ единичныхъ спорадическихъ случаяхъ не трудно, тѣмъ болѣе, конечно, при существованіи оспенной эпидеміи. Предсказаніе въ легкихъ случаяхъ благопріятное, въ тяжелыхъ-же зависитъ отъ силы зараженія, выносливости организма и степени пораженія отдѣльныхъ и, главнымъ образомъ, важныхъ органовъ (сердца, нервной системы).

Что касается леченія, то у насъ нѣтъ ни вѣрнаго, специфически дѣйствующаго средства, ни противоядія. Леченіе оспы, такимъ образомъ, — только симптоматическое, т. е., различными средствами мы стараемся уничтожить или ослабить разные тяжелые припадки. Такъ, прикладывая ледъ (въ пузырь) къ головѣ, мы облегчаемъ головную боль. Дѣлая прохладныя ванны (27°—28°), мы понижаемъ очень высокую температуру и улучшаемъ самочувствіе. Прикладывая холодныя примочки къ большимъ пустуламъ, мы ослабляемъ воспалительный процессъ и тѣмъ уменьшаемъ причиняющее боль напряженіе кожи. Мы зорко слѣдимъ за дѣятельностью сердца и различными средствами стараемся поддержать его силу. Одновременно необходимо давать больному очень питательную и, вмѣстѣ съ тѣмъ, удобоваримую пищу — лучше всего молоко (кипяченое) и крѣпкій мясной бульонъ съ примѣсью куриной потрохи или телячьихъ костей. Послѣднія вещества полезны своимъ клеємъ. Бульонъ полезно давать вмѣстѣ со взболтаннымъ въ немъ цѣльнымъ сырымъ яйцомъ. Кромѣ того, хорошо давать небольшими количествами вино (портвейнъ или мадеру) или хорошей коньякъ. Когда температура пришла къ нормѣ и больной начинаетъ поправляться, можно исподволь, медленно переходить сперва на кашцеобразную, а потомъ и на твердую пищу.

Какъ только распознано заболѣваніе оспой, немедленно слѣдуетъ всѣмъ домашнимъ привить предохранительную телячью оспу, даже тѣмъ, у кого она была уже разъ или два раза привита, и по возможности удалить изъ квартиры лишннихъ людей, особенно лицъ, посѣщающихъ различныя учрежденія (школы, конторы, заводы и проч.). Эти необходимыя мѣропріятія предпринимаютъ съ цѣлью ограничить распространеніе болѣзни, такъ какъ заразу можно передать съ платьемъ, съ книгами и проч. Комната, гдѣ лежитъ больной, должна быть часто дезинфецируема распыленіемъ въ ней скипидара или растворовъ карболовой кислоты и сулемы. Когда-же больной совершенно поправится, то слѣдуетъ произвести тщательную дезинфекцію всей квартиры, лучше всего формалиномъ *). Но самое лучшее — оспеннаго больного, немедленно по

*) На комнату среднихъ размѣровъ берутъ 150—300 формалино-выхъ лепешекъ и кладутъ ихъ въ сосудъ, который ставятъ на особо

обнаруженіи болѣзни, отправить въ больницу, гдѣ онъ будетъ совершенно отдѣленъ отъ здоровыхъ.

Что касается предохранительной прививки телячьей оспы, то о ней мы упоминали уже въ предыдущей главѣ. Здѣсь должно лишь добавить слѣдующее. Время прививки оспы (лѣто, зима) не играетъ роли, равно какъ и возрастъ ребенка. Чѣмъ раньше привить оспу, тѣмъ, конечно, лучше въ смыслѣ предохраненія. Прививка дѣлается съ соблюденіемъ строгой чистоты: прививаемая оспа (детритъ) не должна содержать никакихъ другихъ бактерій, особенно гноеродныхъ, и должна быть свѣжая, не разложившаяся. Руки прививателя, равно какъ и прививаемая ручка ребенка должны быть тщательно вымыты водой съ мыломъ, спиртомъ и эфиромъ. Прививочный ножъ (ланцетъ) надо предварительно тщательно дезинфицировать. При соблюденіи этихъ условій развивающіяся на 4-ый—5-ый день послѣ прививки пустулки на мѣстахъ прививокъ протекають хорошо безъ замѣтнаго расстройства организма. Ввиду того, что прививка телячьей оспы предохраняетъ организмъ отъ заболѣванія натуральной оспой не на всю жизнь, а лишь на 7—10 лѣтъ, то каждый разъ по истеченіи этого срока послѣ предшествовавшей прививки слѣдуетъ сдѣлать прививку снова. Если при этомъ детритъ былъ свѣжій, но оспа все-таки не принялась, т. е., на мѣстахъ прививокъ не образовалось пустулъ, то это будетъ означать, что вновь прививаемый организмъ невосприимчивъ къ оспѣ. Тогда прививку слѣдуетъ повторить черезъ 2—3 года.

Во многихъ западно-европейскихъ государствахъ прививка предохранительной телячьей оспы считается для всѣхъ обязательной. Къ сожалѣнію, въ Россіи этого нѣтъ. Поэтому необходимо, чтобы обязательность для всѣхъ прививать телячью оспу прошла законодательнымъ порядкомъ, чтобы бѣднымъ оспа прививалась бесплатно (въ земскихъ и въ городскихъ больницахъ) каждыя 7—10 лѣтъ и чтобы въ случаѣ обнаруженія непрививки платился штрафъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

приспособленную лампу, предварительно заклеивъ всѣ щели въ дверяхъ и окнахъ, а въ самой комнатѣ раскрывъ всѣ шкафы. На лампѣ формалинь испаряется и проникаетъ во всѣ щели, платья, книги. Такъ оставляютъ на сутки. Въ этой комнатѣ людямъ оставаться нельзя, потому что формалинь распространяетъ очень удушливый газъ. Это самое дѣйствительное дезинфицирующее средство, вещей не портящее.

Деревенскіе пожары и борьба съ ними

Очеркъ Юр. Ивановича.

I.

Огнеопасность деревни.

Для деревенскихъ жителей нѣтъ бѣды хуже пожара. Даже урожай перенести легче; при немъ только хлѣба не будетъ, а при пожарѣ часто ничего не остается и крестьянинъ лишается послѣдняго своего скуднаго имущества. Это народное бѣдствіе очень свирѣпствуетъ въ деревняхъ и зависитъ отъ многихъ причинъ. Главная изъ нихъ заключается въ сильной скученности построекъ; зачастую очень ветхія и сухія деревянныя строенія находятся слишкомъ близко другъ отъ друга и огонь безпрепятственно переходитъ съ одного на другое, истребляя цѣлыя улицы, а иногда и селенія. Пожарные инструменты, которые обязательно должны быть въ каждомъ селеніи, часто держатся только для вида, будучи испорченными или далеко не достаточными для своей цѣли. Къ тому-же пожарныя машины не имѣютъ никакого значенія при недостаткѣ воды, что тоже нерѣдко бываетъ на пожарахъ, такъ какъ воду берутъ изъ колодцевъ, быстро изсякающихъ при качаніи машиной. Рѣдко встрѣчаются въ деревнѣ и большіе сады съ высокими деревьями—лучшей защитой отъ огня. Населеніе относится къ пожару съ такимъ глубокимъ страхомъ и безтолковымъ ужасомъ, что еще болѣе увеличиваетъ опасность. Каждый бросается спасать свое имущество, раньше чѣмъ думать о тушеніи огня. Поднимаются суета, крики и вопли, всѣ мечутся и бросаются изъ стороны въ сторону безъ всякаго толка, народа сбѣгается много, и никто не знаетъ, за что взяться, а иногда и совсѣмъ опускаютъ руки и только смотрятъ въ ужасѣ на пожарище. Лучшимъ пособникомъ распространенію огня являются столь частыя въ деревняхъ соломенные крыши; не малое число пожаровъ обязано имъ своимъ возникновеніемъ. Конечно, и неосторожное обращеніе съ огнемъ, а еще чаще съ углями или золою, доводитъ до бѣды. Многие не знаютъ, что выгребенная изъ печи зола сохраняетъ способность горѣть очень долго, въ продолженіе нѣсколькихъ дней. Бывали случаи, когда выброшенная, повидимому, совершенно угасшая зола, разгоралась снова на воздухѣ и служила причиной пожара.

Такимъ образомъ, для уменьшенія пожаровъ, кромѣ обычнаго осторожнаго обращенія съ огнемъ, необходимо обратить вниманіе на

слѣдующія предосторожности: меньшую близость построекъ другъ къ другу; избѣжаніе по возможности соломенныхъ крышъ, которыя надо стараться замѣнить хотя-бы той-же соломой, но пропитанной накрѣпко глиной, что доступно каждому, даже небогатому хозяину; сохраненіе въ цѣлости и исправности пожарныхъ машинъ и инструментовъ; устройство въ случаѣ недостатка въ селеніи воды искусственныхъ водоемовъ на случай пожара; разведеніе защитныхъ отъ огня насажденій: деревьевъ, кустовъ и др.; устройство добровольныхъ пожарныхъ дружинъ въ селеніяхъ. Соблюдая всѣ эти условія, можно было-бы если не совсѣмъ искоренить, то все-же намного ослабить страшное бѣдствіе деревенскихъ пожаровъ.

II.

Пожарные трубы и водоемы.

Какъ извѣстно, каждая пожарная труба состоитъ изъ пяти главныхъ частей: двухъ мѣдныхъ цилиндровъ съ поршнями, свободно двигающимися въ нихъ, воздушнаго колпака, коромысла, соединеннаго желѣзными стержнями съ каждымъ поршнемъ, и двухъ рукавовъ: одного пеньковаго съ мѣднымъ накомечникомъ, называемымъ ливеромъ, и другого—резинаваго, имѣющаго на концѣ предохранительную сѣтку. Необходимо слѣдить за тѣмъ, чтобы всѣ эти части были въ исправности во всякое время, и соблюдать нѣкоторыя предосторожности при употребленіи. Такъ, качать коромысло слѣдуетъ равномерно, не спѣша, нажимая оба его конца донизу. Рукавъ съ сѣткой надо опускать въ бочку до самаго ея дна; надо наблюдать, чтобы оба рукава не скручивались, не дѣлали изгибовъ, иначе они могутъ лопнуть отъ напора воды. По окончаніи дѣйствія машины оба рукава должны быть отвинчены, промыты чистой водой и тщательно просушены, такъ-же какъ и сама машина немедленно очищается отъ сора и грязи, прополаскивается, до-суха протирается и непремѣнно должна быть покрыта сверху холстомъ или цинковой. Зимой пожарныя машины должны помѣщаться непремѣнно въ теплыя помѣщенія—или въ пожарномъ сараѣ, или въ избѣ, иначе промерзшая труба будетъ дѣйствовать неисправно. Не лишнее смазывать иногда желѣзныя части машины костянымъ или другимъ какимъ-нибудь жидкимъ масломъ. Если приходится работать на морозѣ, то надо качать, не переставая, если даже воды еще нѣтъ, отъ этого поршни и клапаны согрѣваются и машина работаетъ лучше. Никогда не слѣдуетъ безъ надобности разбирать и развинчивать машины, ихъ трудно собрать потомъ аккуратно, а завинченныя неплотно части будутъ пропускать воздухъ и ослаблять дѣйствіе трубы. Начиная съ весны, до осени необходимо пробовать машины водою, чтобы убѣдиться,

что все въ порядкѣ. Время отъ времени надо прокачивать трубу коромысломъ безъ воды, тогда сейчасъ-же слышно по звуку, исправно-ли дѣйствуютъ всѣ части машины. Вагры, крюки, бочки также надо осматривать, чистить и протирать суконкой. Случается иногда на пожарѣ какая-нибудь порча машины, напримѣръ, можетъ порваться рукавъ отъ напора воды; тогда надо какъ можно скорѣе наложить повязку изъ кожи или толстаго холста, привязавъ ее накрѣпко бичевками, которыя всегда должны быть при пожарномъ обозѣ на такой случай.

Чрезвычайную важность на случай пожара имѣетъ присутствіе поблизости достаточнаго количества воды. Если не имѣется вблизи никакой рѣки или озера, то слѣдуетъ устраивать водоемы при помощи ключей, которые встрѣчаются почти повсюду. Къ сожалѣнію, деревенскіе жители относятся къ нимъ очень небрежно и совсѣмъ не заботятся о цѣлости и чистотѣ воды, хотя и удовлетворяютъ этими ключами всѣ свои потребности въ водѣ; берутъ воду и на кушанье, и на стирку, поятъ скотъ и пр. Часто ключъ бѣжитъ просто по канавѣ; иногда устраиваютъ что-то въ родѣ колодезнаго сруба на мѣстѣ выхода ключа. Чтобы сохранить для себя въ цѣлости и чистотѣ такъ необходимую воду, надо устраивать хорошіе бассейны около ключей. Дѣлается это, по описанію г. Селивановскаго, такимъ образомъ. На мѣстѣ выхода ключа надо выкопать большую четырехугольную яму, дно которой устилается вплотную деревяннымъ поломъ; поверхъ него спускаютъ бревенчатый высокій срубъ, въ которомъ со стороны ключа оставляютъ широкія щели для свободнаго прохода воды, а съ другой стороны вставляютъ желобъ, по которому и вытекаетъ лишняя вода. Подъ него подставляется колода для водопоя и полосканья бѣлья, причемъ оставляютъ свободный проѣздъ для бочекъ. Очень хорошо для чистоты воды и безопасности дѣтей закрывать бассейнъ досками.

Чтобы бревна сруба, выходящія наружу, не такъ скоро портились и гнили, слѣдуетъ обсыпать ихъ снаружи землею, а самый колодець сверху зимой покрывать соломой или кострикой; тогда вода въ нихъ не будетъ замерзать.

Конечно, еще лучше и прочѣе, если есть возможность устлать бассейнъ камнями, скрѣпленными цементомъ или известью.

Устраивая бассейны, надо всегда оставлять къ нимъ свободный проѣздъ на случай пожара, отлогій, сухой и довольно широкій, чтобы не сталкиваться водовозамъ. Затѣмъ вода должна течь свободно и быстро, для чего срубъ дѣлается высокій, а желобъ наклонный. Если это сдѣлать нельзя, то слѣдуетъ поставить въ бассейнѣ носецъ.

Какъ-бы чиста ни была вода, она отъ долгаго стоянія портится

и по временамъ необходимо ее всю выпустить, а бассейнъ очистить отъ сора и грязи.

Для выпуска воды около дна бассейна устраиваются отверстия, въ обыкновенное время плотно закрытыя, черезъ которыя и вытекаетъ вся вода при чисткѣ бассейна.

III.

Древесныя огражденія.

Одной изъ лучшихъ предохранительныхъ отъ пожаровъ мѣръ, несомнѣнно, слѣдуетъ признать наибольшее количество листовыхъ растений между строениями и вокругъ строеній. Не одинъ разъ опытъ доказалъ великую пользу такихъ насажденій при пожарахъ. Высокія, густыя деревья останавливаютъ своей зеленью и вѣтвями летящія головешки и искры безъ особеннаго для себя вреда. Замѣчено, что даже обгорѣлыя съ одной стороны деревья продолжаютъ расти и зеленѣть снова. Существуетъ совсѣмъ неосновательное мнѣніе, что дерево высохнетъ при пожарѣ и само загорится. Этого никогда не случается, такъ какъ оно содержитъ въ себѣ слишкомъ большое количество влаги и упорно противостоитъ огню.

Изъ всѣхъ породъ деревьевъ самая лучшая для этой цѣли— ветла. Она имѣетъ многія преимущества въ этомъ отношеніи. Растетъ она и разводится чрезвычайно быстро; ея тонкія и гибкія вѣтви лучше всякихъ другихъ противостоятъ вѣтру; она даетъ много тѣни и отличается особенно сильной сочностью листы и побѣговъ.

Разводить ветлу очень легко и скоро. Обрубивъ молодыя вѣтви со взрослого дерева, съ блестящей и зеленоватой еще корой, надо сдѣлать изъ нихъ кольца, длиною отъ 1 до 2¹/₂ арш., а толщиною отъ половины до одного вершка. Прoderжавъ концы этихъ колець нѣсколько дней въ водѣ и разрыхливъ землю, ихъ сажаютъ не особенно близко другъ къ другу, стараясь посадить наклонно, такъ какъ наклонныя кольца скорѣе даютъ ростки, больше согрѣваясь солнцемъ. Для ветлы необходима сырая почва, на сухой она расти не станетъ. Отростки надо сажать весной и не давать побѣгамъ идти снизу, давая расти только верхнимъ почкамъ. Нижнія лучше обрывать или обернуть снизу посаженный колъ скрученной соломой. При такихъ условіяхъ верхнія почки разовьются быстро и образуютъ вѣтви.

Такъ легко и быстро можно устроить для себя надежную защиту отъ сосѣднихъ пожаровъ при помощи такого простаго средства, какъ разведеніе ветлы между избами.

IV

Овины и неисправность дымовыхъ трубъ въ избахъ.

Очень опасенъ въ пожарномъ отношеніи обычай сушить хлѣбъ на овинахъ; отъ этого часто происходятъ такъ называемые овинные пожары, происходящіе отъ искръ, залетающихъ въ солому, или отъ пересушенной соломы непосредственно. Къ тому-же въ деревняхъ это дѣло поручается по преимуществу старикамъ, которые не въ состояніи ничего сдѣлать въ случаѣ несчастія. Часто въ овинахъ случаются свѣшивающіяся вниз соломинки, паутина, которыя и вспыхиваютъ отъ жара, передавая огонь дальше. Поэтому предъ началомъ сушки необходимо обметать начото овины отъ всякаго сора, а для того, чтобы стѣны и потолокъ не такъ легко загорались, полезно обмазывать ихъ глинянымъ растворомъ. Чтобы не пересушивать соломы или верна, надо въ овинную насадку всунуть черезъ окно шестъ; вытаскивая его по временамъ, по степени его нагрѣванія, можно судить о томъ, нужно-ли прибавить или уменьшить огонь. Конечно, лучше если овинъ находится по возможности дальше отъ другихъ строеній.

Частою причиною пожара служитъ неисправность дымовыхъ трубъ въ строеніяхъ. Обязанность осматривать ихъ возлагается обыкновенно на десятскаго и пожарнаго старосту, но они зачастую не даютъ себѣ труда осматривать трубы, а вѣрятъ хозяевамъ на слово, что труба въ исправности. Между тѣмъ, и новая труба иногда можетъ попортиться, если кирпичъ, изъ котораго она сдѣлана, попался плохого качества, дурно прокаленный, причемъ онъ легко и скоро прогораетъ. Каждому хозяину необходимо, оберегая свое имущество, самому слѣдить за цѣлостью и исправностью своихъ трубъ, не надѣясь на другихъ.

Слѣдуетъ соблюдать всевозможную осторожность при обращеніи съ огнемъ, въ особенности при куреніи. Какъ часто причиною несчастія цѣлаго селенія служатъ неосторожно брошенная спичка или зола изъ выкуренной трубки! Женщинамъ-же необходимо строго слѣдить за угольями и золой, не высыпая послѣдней въ сухое мѣсто, гдѣ-нибудь у забора. Нерѣдко происходятъ пожары и отъ недосмотра за дѣтьми, оставленными одними въ избѣ и завладѣвшими спичками или зажженной у печки лучинкой. Бываетъ случаи, когда изъ загорѣвшагося строенія не удается спасти маленькихъ дѣтей и они гибнутъ въ пламени.

Было-бы очень полезно присоединить къ пожарнымъ инструментамъ такъ называемыя парусины, употребляемыя въ городахъ пожарными. Такую парусину поднимаютъ на крышу строенія, кото-

рому грозитъ опасность загорѣться, пускаютъ на нее струю воды и такимъ образомъ спасаютъ постройку отъ огня.

Крикъ, шумъ и суета, господствующіе на пожарахъ, какъ мы уже указывали выше, тоже не мало способствуютъ распространенію огня. Всѣ мечутся, никто не знаетъ, за что взятыся, спорятъ и мѣшались другъ другу. Вотъ поэтому-то и необходимо устраивать вольныя пожарныя дружины. Безъ сомнѣнія, въ каждомъ селѣ и даже деревнѣ найдутся умные, дѣльные люди, желающіе поработать на общую пользу. По праздникамъ, въ свободное время, можно было-бы производить обученіе приѣмовъ при тушеніи пожара, при обращеніи съ инструментами и машинами, дѣлать примѣрныя тревоги. Тогда на пожарѣ люди не теряли-бы головы, не суетились-бы безъ толка, каждый зналъ-бы, что дѣлать, и, разумѣется, дѣло шло-бы несравненно лучше.

Каждое земство съ удовольствіемъ придетъ на помощь такому благому начинанію; помогутъ завести машины и инструменты, получить изъ питомниковъ древесныя насажденія бесплатно, научатъ дѣлать глино-соломенныя крыши и организовать дружину, были-бы только своя добрая воля и желаніе избавиться, или, по крайней мѣрѣ, защитить свое селеніе отъ страшнаго бича деревенскихъ пожаровъ. Добровольно исполняя всѣ вышеописанныя предохранительныя мѣры, можно было-бы надѣяться, что такъ опустошающіе наши деревни пожары, лишаящіе и безъ того бѣдный крестьянскій людъ послѣдняго имущества, пускающіе по міру цѣлыя семьи и селенія, это худшее бѣдствіе родной земли, мало-по-малу будутъ становиться рѣже и незначительнѣе, потеряютъ свою чудовищную силу и „красный пѣтухъ“, какъ часто зовутъ крестьяне огонь пожара, покорится энергіи и силѣ, съ которой люди будутъ отстаивать отъ него свое имущество.

Сельское хозяйство и животноводство.

Крестьянское травосѣяніе.

Одной изъ крупныхъ нуждъ русской деревни является недостаточное количество луговъ и покосовъ. Мы уже бесѣдовали съ читателями о плачевномъ состояніи питанія крестьянскаго скота. Это состояніе и является прями́мъ указаніемъ на необходимость введенія въ крестьянское хозяйство полевого травосѣянія.

Въ послѣдней половинѣ прошлаго вѣка полевое травосѣяніе съ крупнымъ успѣхомъ стало примѣняться какъ въ помѣщичьихъ, такъ и въ крестьянскихъ хозяйствахъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ оно почти совсѣмъ вытѣснило луговое сѣнокосеніе. Но въ большинствѣ нашихъ хозяйствъ—увы!—крестьяне, за недостаткомъ средствъ, а главное, изъ стадной боязни новшества, даже и не пробовади травосѣянія, продолжая изъ года въ годъ биться надъ малопродуктивными пустошными покосами. Нечего и говорить, что подобная боязнь новшества—одинъ изъ сильныхъ и роковыхъ враговъ сельско-хозяйственной культуры.

Чтобы разсѣять этотъ страхъ, укажемъ на рядъ нашихъ среднихъ и сѣверныхъ губерній: Тверскую, Ярославскую, Московскую, Псковскую, Пермскую, Вологодскую и т. д., гдѣ по почину частныхъ лицъ и земства полевое травосѣяніе значительно подняло матеріальное положеніе крестьянъ, рѣшившихся приняться за него.

Сѣно—необходимое условіе для благосостоянія крестьянскаго хозяйства: оно даетъ пищу и животнымъ, и человѣку, и землѣ. Сѣнной вопросъ—искони острый вопросъ нашей деревни. Есть сѣно, есть и скотина, а значить, есть и навозъ, необходимый для полевого хозяйства. Необходимость въ покосной землѣ во всѣхъ нашихъ губерніяхъ стоитъ на первомъ планѣ. Безъ избытка пашни, безъ лѣса крестьянинъ еще кое-какъ можетъ обойтись, а безъ луга ничего не подѣлать.

Но сельско-хозяйственная практика показываетъ, что крестьянскіе луга и покосы въ современномъ состояніи годятся только для выгона скота на подножный кормъ; для сбора сѣна и болѣе или менѣе значительныхъ запасовъ его на зиму они недостаточны. Съ другой стороны, и форма крестьянскаго землепользованія—трехполье—въ настоящее время оказывается мало подходящей для поддержанія кре-

стьянского хозяйства. Необходима замѣна этой формы новой—многопольной системой хозяйства. Эта форма какъ разъ и можетъ быть проведена въ жизнь при введеніи въ хозяйство травосѣянія.

Какъ-же приняться за травосѣяніе, какіе сорта травъ надо брать для этого, какъ готовить поле и чередовать растенія?—вотъ неизбѣжные вопросы, которые приходится слышать отъ крестьянъ, едва разговоръ зайдетъ о полевомъ травосѣяніи, и на которые мы постараемся дать отвѣты въ нашемъ очеркѣ.

Вопросъ о сортахъ травъ разрѣшается просто, если замѣтить, что всякое луговое сѣно заключаетъ въ себѣ два сорта травъ, рѣзко различающихся по ви́шнему виду. Однѣ изъ нихъ имѣютъ стебли и листья, сходные со стеблями и листьями обыкновенныхъ лѣбныхъ растеній, въ родѣ ржи, овса и проч., извѣстныхъ подъ общимъ названіемъ злаковъ. Другія болѣе сходны съ горохомъ, бобами и чечевицей и относятся къ семейству мотыльковыхъ или бобовыхъ. И то, и другое названія этихъ травъ весьма характерны, такъ какъ цвѣты ихъ весьма напоминаютъ собою бабочку, а плоды—бобъ. Которому-же сорту травъ слѣдуетъ отдавать предпочтеніе предъ другимъ? Опять-таки клокъ хорошаго сѣна показываетъ намъ, что въ составъ его входятъ и тѣ, и другія травы,—слѣдовательно, для нормального сѣна наиболѣе подходит смѣсь изъ травянистыхъ растеній. Въ одномъ изъ специальныхъ очерковъ мы рассмотримъ условія веденія клевернаго хозяйства, въ настоящемъ-же будемъ говорить о смѣшанномъ травосѣяніи. Мы отдаемъ послѣднему предпочтеніе ввиду того, что при посѣвѣ смѣси сѣмянъ разнородныхъ травъ, по причинѣ ихъ различнаго отношенія къ почвѣ и погодѣ, — больше шансовъ на успѣхъ урожая, чѣмъ при культурѣ какого-нибудь одного вида травянистаго растенія.

Въ практикѣ травосѣянія принято составлять разныя смѣси, какъ-то: изъ чисто клеверныхъ растеній, изъ однихъ злаковыхъ или клеверозлаковую. Послѣдняя смѣсь, въ большинствѣ случаевъ, удается лучше другихъ, такъ какъ даже при плохихъ климатическихъ условіяхъ можно рассчитывать на полученіе средняго урожая сѣна.

Для выбора той или иной смѣси травъ лучше всего руководствоваться личными наблюденіями надъ травами, произрастающими на лугахъ и участкахъ сосѣднихъ съ тѣмъ полемъ, на которомъ предполагается произвести посѣвъ травъ.

Всѣ вообще сѣмена травъ можно раздѣлить на слѣдующія группы: 1) мотыльковыя, или 2 — 3-лѣтнія клеверныя, или 4 — 6-лѣтнія люцерныя и эспарцетныя; количества сѣмянъ подбираются съ такимъ расчетомъ, чтобы мотыльковыя составляли около 8% всего количества высѣваемыхъ сѣмянъ; 2) мотыльково-злаковыя смѣси или це-

режѣшанныя состоятъ изъ 35% мотыльковыхъ растений и 65% злаковыхъ; на такихъ покосахъ травы держатся около 4—6 лѣтъ; 3) для постоянныхъ луговъ и пастбищъ, пользование которыми рассчитано болѣе чѣмъ на 6 лѣтъ, злаки преобладаютъ и доходятъ до 80 процентовъ, а мотыльковыхъ только 20%. Для постоянныхъ луговъ должно брать долготѣние злаки, какъ-то: ежу сборную, овсяницу луговую, лисохвостъ, мятлику, золотистый овесъ и т. п., а изъ мотыльковыхъ—такія, которыя заполняютъ нижнюю часть травостоя: какъ-то шведскій, бѣлый клеверъ и т. п.

Такимъ образомъ, въ смѣси первой группы являются господствующими по количеству сѣмена травъ мотыльковыхъ и пользование полемъ можетъ продолжаться года три-четыре. Наоборотъ, въ послѣдней группѣ преобладаютъ злаковыя растения и пользование ими достигаетъ до шестилѣтняго періода. Многолѣтній опытъ различныхъ хозяйствъ показываетъ, что въ смѣсяхъ вообще надо сѣять гораздо гуще, нежели при чистомъ посѣвѣ, и эта густота должна быть тѣмъ значительнѣе, чѣмъ разнообразнѣе травы, входящія въ составъ смѣси.

Профессоръ Штеблеръ въ своихъ таблицахъ рекомендуетъ прибавлять для краткосрочныхъ смѣсей—25%, для смѣсей временныхъ луговъ—50%, для смѣсей постоянныхъ луговъ—75%. Напримѣръ, въ русскихъ хозяйствахъ принято высѣвать количество каждой травы въ чистомъ видѣ въ слѣдующемъ размѣрѣ: красный клеверъ 50—60 ф., шведскій—30-40 ф., бѣлый—25-30 ф., люцерна—60-100 ф., — эспарцетъ—350-400 ф., — тимоеевка—40-50 ф., — костеръ бевостый—120-160 ф., — ежа сборная—80-120 ф., — овсяница луговая—120-200 ф., — англійскій райграссъ—80-120 ф., — итальянскій райграссъ—80-120 ф., — французскій райграссъ—220-320 ф. При посѣвѣ-же этихъ травъ въ смѣси проф. Штеблеръ рекомендуетъ употреблять такія смѣси. Для почвъ сырыхъ и холодныхъ употребляется краткосрочная смѣсь (срокъ пользования которой—2-3 года): шведскаго клевера 37,5 фунтовъ, тимоеевки 12,5 ф. Для хорошихъ тяжелыхъ почвъ: краснаго клевера 16 ф., шведскаго клевера—5 ф., бѣлаго—4 ф., тимоеевки—5 ф., англійскаго райграсса—5 ф., итальянскаго—5 ф., ежи—15 ф., овсяницы луговой—8 ф. Для болѣе легкихъ почвъ: красный клеверъ—55 ф., итальянскій райграссъ—8 ф. и французскій—20 ф. Вообще надо имѣть въ виду, что расчеты смѣсей для посѣвовъ имѣютъ условное значеніе, такъ какъ составляются на основаніи опытовъ въ какомъ-либо определенномъ районѣ.

Мы еще разъ рекомендуемъ ознакомленіе съ составомъ смѣсей на мѣстныхъ естественныхъ покосахъ.

Независимо отъ сказаннаго, мы считаемъ умѣстнымъ привести здѣсь нѣсколько расчетовъ изъ книги г. Роговина „Воздѣлываніе важнѣйшихъ кормовыхъ травъ“, что дастъ читателю нѣкоторое руководство при его мѣстныхъ расчетахъ.

На почвахъ торфянистыхъ, осушенныхъ и удобренныхъ известью, употребляютъ слѣдующую смѣсь (на десятину):

Краснаго клевера	20 фунтовъ.
Шведскаго	25 »
Тимофеевки	25 »
Костра безостаго	40 »

Всего . . . 2 пуда 30 фунтовъ

Въ среднихъ губерніяхъ подмосковныхъ привилась хорошо смѣсь:

Краснаго клевера	16 фунтовъ.
Шведскаго	10 »
Вѣлаго	6 »
Тимофеевки	20 »
Ежи	15 »
Овсяницы	15 »
Райграса	15 »
Медовой травы	10 »

Всего . . . 2 пуда 27 фунтовъ.

Смѣсь для Костромской губ.:

Краснаго клевера	10 фунтовъ.
Шведскаго	10 »
Вѣлаго	5 »
Тимофеевки	10 »

Всего . . . 35 фунтовъ.

Къ сказанному о выборѣ сѣмянъ добавимъ, что полученіе ихъ для крестьянъ можно рекомендовать изъ травъ мѣстныхъ покосовъ.

Для этого слѣдуетъ дать вырѣть травамъ какого-бы то ни было луга (желательно, конечно, изъ наиболѣе плодородной его части), сжать ихъ или скосить и слегка завялое сѣно перевезти на ригу. Высушивая его легкимъ жаромъ, можно получить достаточно всхожія сѣмена травъ, которыя слѣдуетъ отвѣять крестьянскимъ способомъ— по вѣтру лопатами, а не вѣялкой. Для подобнаго посѣва годятся и сѣмена изъ вороха, образовавшагося послѣ вѣянія ярового и озимаго хлѣба. Полученныя такимъ образомъ сѣмена можно посѣять на слѣдующую весну на специально для нихъ отведенное мѣсто въ полѣ. Ясно, что въ первый годъ урожай травъ выйдетъ случайнымъ, но по нему хозяинъ уже будетъ въ состояніи судить о пригодности тѣхъ или иныхъ травъ для посѣва.

Теперь займемся разсмотрѣніемъ вопроса объ обработкѣ поля для травосѣянія. Предназначаемое для обмененія кормовыми травами

поле должно быть старательно обработано и освобождено от сорной растительности. Самым лучшим предшествующим растением для кормовых трав считаются пропашные растения, послѣ которых поле почти совершенно очищается от сорных травъ. Не слѣдуетъ предпосылать посѣву смѣшанныхъ сѣмянъ кормовыхъ травъ клеверъ. Точно такъ-же не совѣтуется производить посѣвъ этихъ травъ послѣ самихъ себя.

Лучше всего по истеченіи періода производительнаго произрастанія на полѣ кормовыхъ растений засѣять его какими-нибудь хлѣбами и такъ держать его года 3—4, послѣ чего пустить картофель или свеклу и вновь произвести посѣвъ кормовыхъ травъ.

Вообще слѣдуетъ замѣтить, что періодъ замѣны кормовыхъ травъ на полѣ другими хлѣбами долженъ равняться продолжительности пребывания этихъ травъ на полѣ.

Въ зависимости отъ предшествующихъ растений находится и обработка почвы. Послѣ картофеля достаточно одной вспашки на полную глубину. Послѣ хлѣбовъ слѣдуетъ произвести двойную вспашку: первую—мелкую, вторую—поглубже. Послѣ этого непременно слѣдуетъ пророборонить поле.

Вороньба находится въ зависимости отъ засоренности поля. При сильной засоренности слѣдуетъ пророборонить три-четыре раза, въ десятидневный промежутокъ времени. Особенное вниманіе надо обращать на уничтоженіе сорныхъ травъ, могущихъ заглушить посѣвы.

Что касается до удобренія поля, то его слѣдуетъ производить не подъ сѣмена кормовыхъ травъ, а подъ предшествующее растеніе.

Удобреніе подъ посѣвъ не рекомендуется изъ опасенія, чтобы съ навозомъ не попали въ почву сѣмена сорныхъ травъ.

Наиболѣе благоприятнымъ временемъ для посѣва луговой смѣси считаются конецъ апрѣля и первая половина мая мѣсяца. Участокъ, предназначенный для посѣва, въ этотъ періодъ пророборанивается для удержанія въ немъ влаги. Зимой производится, по сѣтгу, посѣвъ покровнаго растенія. Весной послѣ его задѣлки слѣдуетъ приступить къ посѣву травяной смѣси, которая разсѣивается, въ зависимости отъ почвы, въ одинъ, два и даже въ три приѣма.

На почвахъ тяжелыхъ, глинистыхъ сначала высѣваются костеръ, райграссъ, ежа, овсяницы, пырей и т. п. злаковыми. Затѣмъ слѣдуетъ посѣвъ смѣси мотыльковыхъ со злаковыми: клевера, люцерны, тимоеевики, мятлика, медовой травки, и т. п. Рекомендуется эти сѣмена задѣлывать подъ катокъ. На почвахъ легкихъ раздѣляютъ на три порціи всѣ сѣмена, предназначенныя къ посѣву. Сперва высѣваются клеверъ и болѣе тяжелые злаки, въ родѣ тимоеевики, потомъ—крупные злаки: пырей, костеръ, ежа и

т. п. Третья порція состоитъ изъ легковѣсныхъ сѣмянъ преимущественно злаковыхъ травъ. Послѣ каждого посѣва поле слѣдуетъ проробранивать бороною или волокушею.

Вслѣдствіе малаго вѣса сѣмянъ и ихъ мелкости, обыкновенно предъ посѣвомъ они смѣшиваются съ сухою землею и уже эта масса раскидывается подъ бороны. Для хорошаго произрастанія посѣвныхъ травъ слѣдуетъ время отъ времени проробранивать поле, что значительно способствуетъ хорошему его возобновленію самоѣвомъ а, также до нѣкоторой степени, сохраненію въ немъ необходимой влажности.

Очень полезно, спустя года два или три послѣ посѣва, удобрить поле хотя-бы небольшими количествами минеральныхъ удобреній; положимъ, это врядъ-ли избыточно для крестьянина.

Много можно сказать еще и объ обработкѣ, и объ удобреніи полей подъ кормовыя травы, но, имѣя въ виду, главнымъ образомъ, крестьянское хозяйство, мы должны сознаться, что для нашего очерка достаточно и сказаннаго. Словъ нѣтъ, хороши, безспорно, хороши минеральныя удобренія и результаты ихъ примѣненія блестящи, но наша деревня такъ еще бѣдна и дика, что о нихъ сейчасъ и мечтать не приходится. Дай Богъ, чтобы, хотя на небольшихъ участкахъ, да производилось крестьянами травосѣяніе.

Мы горячо рекомендуемъ нашимъ читателямъ по мѣрѣ возможности пробывать полевое травосѣяніе, хотя-бы на участкахъ, получившихся отъ снятія урожая хлѣбовъ, посѣянныхъ по вырубѣ. Вѣдь, эти участки въ большинствѣ случаевъ совершенно бесплодно пропадаютъ въ теченіе долгихъ лѣтъ послѣ снятія съ нихъ урожаявъ.

Вотъ эти-то клочки земли и надо-бы испробовать подъ искусственные дуга. А тамъ, быть можетъ, хорошіе результаты опыта и побудили-бы крестьянина перейти къ многополью, со включеніемъ въ сѣвооборотъ кормовыхъ растений.

Кладка яицъ уменьшается и почти прекращается въ періодъ линянія куръ. Экономить съ кормомъ въ такое время было-бы большою ошибкой, за которую приходится постоянно расплачиваться. Періодъ линянія очень тяжелъ для птицы, требуя прежде всего отъ нея затраты силъ для новаго оперенія, а затѣмъ и для дальнѣйшаго періода кладки яицъ. Въ силу этого необходимо, чтобы кормъ былъ не только обильный, но и питательный. За хорошій уходъ и двойной кормъ мы будемъ вознаграждены ранней кладкой яицъ, тогда какъ при обыкновенномъ небрежномъ отношеніи къ курамъ въ періодъ линянія, онѣ начинаютъ кестись не ранѣе февраля или марта. Пг

возможности имѣть свѣжія яйца въ теченіе зимняго времени, мы щедро покроемъ наши издержки на кормъ, такъ какъ цѣна на яйца зимой поднимается по меньшей мѣрѣ вдвое противъ весны и лѣта, не говоря уже о личномъ удовольствіи пользоваться для своего собственнаго хозяйства свѣжими яйцами, не нуждаясь въ покупкѣ на рынкѣ лежалыхъ, сохраняемыхъ въ извести и содержащихъ большой процентъ тухлыхъ яицъ. А, между тѣмъ, весьма многія хозяйки скучаются съ кормомъ, придерживаясь совершенно ложнаго воззрѣнія, что развѣ куры не несутся, и кормить ихъ слѣдуетъ меньше. Какъ наиболѣе здоровый кормъ для куръ можно рекомендовать: овесъ, ячмень и кукурузу, а въ случаѣ отсутствія мѣста для прогулокъ куръ, слѣдуетъ позаботиться о доставленіи имъ въ достаточномъ количествѣ и зелени. Въ курятникѣ слѣдуетъ соблюдать также извѣстный счетъ времени: черезъ пять лѣтъ старыя куры совершенно уже не годятся. Перешагнувъ четыре года жизни, куры замѣтно теряютъ свою носкость, а черезъ 5 лѣтъ уже совершенно не оплачиваютъ зимняго прокорма. Поэтому при желаніи имѣть всегда прибыль со своего птичьяго двора лучше всего удалять этихъ отслужившихъ свою службу куръ, отправляя ихъ или на кухню на супъ или жаркое, или продавъ на рынокъ. Точно такъ-же слѣдуетъ поступать и съ молодыми неноскими или обладающими какими-либо пороками курами. Вся эта убыль пополняется соответственнымъ числомъ лучшихъ экземпляровъ послѣдняго выводка настолько, чтобы окупить могущія случиться неизбѣжныя потери и не быть принужденнымъ вріобрѣтать весной этотъ не только дорогой, но и крайне невѣрный товаръ.

Домъ и хозяйство.

Крестьянскій огорождь.

(Окончаніе.)

Известковья и каменныя почвы—самыя неудобныя для огородной культуры и требуютъ большихъ затратъ средствъ и труда для приведенія въ состояніе, болѣе или менѣе подходящее для жизни культурныхъ растений. На нихъ мы не будемъ останавливаться и займемъ разсмотрѣніемъ огородныхъ удобреній.

Цѣль всякаго удобренія заключается въ пополненіи состава почвы тѣми веществами, которыя она израсходовала на ростъ и плодоношеніе растений. Удобреніе для огорода необходимо, но постоянное ежегодное удобреніе одного и того-же мѣста, напримѣръ, подъ капусту, ведетъ къ тому, что кочанная капуста обращается въ огромную листовую. Огородная земля въ такомъ случаѣ, значить, является переудобренной и для исправленія такого огорода потребуется столь глубокая вспашка, что придется часть подпочвы выверотить наружу и смѣшать съ почвой.

Хлѣбный навозъ представляетъ собою лучшее удобреніе для огорода, особенно при глубокомъ разрыхленіи почвы и при хорошемъ провѣтриваніи ея. Навозъ конскій предпочитается, какъ болѣе сильный и болѣе согрѣвающий почву, но и смѣсь навоза конскаго, боровьяго, овечьяго и свиного также представляетъ весьма хорошее удобреніе. Для огорода наиболѣе подходитъ перепрѣлый навозъ, такъ какъ онъ скорѣе разлагается и при немъ менѣе развиваются сорныя травы. Количество навоза опредѣляется по слѣдующему расчету: для стараго огорода слѣдуетъ класть по одному пуду навоза на каждую квадратную сажень, для новаго или для расположеннаго на глинистой почвѣ, въ случаѣ удобренія его черезъ два года въ третій, на каждую квадратную сажень полагается два слишкомъ пуда навоза.

Птичій пометь, куриный и голубинный, измельченный, можетъ быть употребляемъ, въ смѣси съ землей, для посыпки засѣянныхъ грядъ; утиный и гусиный пометы для такого удобренія не годятся.

Весьма рекомендуется жидкое удобреніе, пригодное для всѣхъ вообще растений. Оно должно быть заготовляемо заблаговременно, недѣли за двѣ до поливки. Навозная жижа разбавляется двойнымъ, тройнымъ, а иногда и четвернымъ количествомъ воды, а если жидкое

удобрение составляется изъ коровьяго помета, то его полагаютъ одну или двѣ лопаты на ушатъ воды. Для жидкаго удобрения годится также и птичій пометъ.

Заготовка жидкаго удобрения производится въ самомъ огородѣ, при глинистомъ грунтѣ въ ямахъ, а при легкомъ—въ чанахъ, гдѣ его каждый день надо перемѣшивать, чтобы не образовалось осадка. Жидкое удобрение съ особеннымъ успѣхомъ примѣняется въ губерніяхъ среднихъ и холодныхъ, въ теплыхъ оно менѣе полезно. Поливку слѣдуетъ производить въ пасмурную погоду или послѣ дождя, покуда грады не обошли.

Кромѣ навоза, для огородовъ надобно имѣть приготовленную и сложенную въ кучи различныхъ сортовъ землю, которую приходится прибавлять на гряды, смотря по растеніямъ, назначаемымъ для посѣва. Для этихъ кучъ надо выбирать мѣста полутѣнистыя; высота кучъ не должна превышать двухъ аршинъ. Приготавливается навозная земля слѣдующимъ образомъ. Въ кучу складывается различный навозъ съ мелконарубленной соломой, который перелопачивается нѣсколько разъ, пока, перегнивъ, не превратится въ землю. Для приготовления черноземной земли въ кучу складываются земля, навозъ, листья, опилки, щена и дернъ. Эта масса въ теченіе года перемѣшивается лопатами до того предѣла, когда она, перегнивъ, превратится въ однородную черноземную землю. Приготовленная этимъ способомъ земля предназначена, главнымъ образомъ, для посадки молодой рассады огородныхъ растений.

Помимо заботъ объ удобрении огорода, всякій хозяинъ долженъ помнить о необходимости плодосмѣна огородныхъ растений, т. е., наблюдать за тѣмъ, чтобы на одной и той-же грядѣ не росли нѣсколько лѣтъ подрядъ одни и тѣ-же растенія. Опытъ показываетъ, что всѣ вообще растенія, постоянно разводимыя на одномъ и томъ-же мѣстѣ, вырождаются, на нихъ нападаютъ низшія растенія (грибки) и насѣкомыя, несмотря на то, что почва хорошо удобрена.

Капуста, брюква, рѣпа да и вообще всѣ растенія, принадлежащія къ семейству крестоцвѣтныхъ, наиболѣе боятся ежегодныхъ посѣвовъ на одномъ и томъ-же мѣстѣ. Повторять ихъ на однихъ и тѣхъ-же грядкахъ можно не ранѣе, какъ черезъ два года въ третій.

Обыкновенно огородъ принято дѣлить на три участка, величина которыхъ, разумѣется, опредѣляется какъ размѣрами всего огорода, такъ и количествомъ высѣваемыхъ растений. Одинъ изъ участковъ отводится подъ такія растенія, которыя требуютъ свѣжаго удобрения; къ нимъ относятся: всѣ капустныя растенія, салаты, шпинатныя растенія, редисъ, хрѣнъ, петрушка, сельдерей, анисъ, тминъ и мята.

Трцы хотя и не портятся на свѣжемъ удобрении, но и не требуютъ

его, вслѣдствіе чего могутъ быть разводимы на второй годъ по удобреніи. Второй участокъ огорода должны занимать растенія, обладающія способностью хорошо развиваться на второй годъ послѣ удобренія; таковы: свекла, брюква, рѣпа, морковь, рѣдька, цикорій, макъ, укропъ и картофель (впрочемъ, послѣдній хорошо родится и на третій годъ по удобреніи). На третьемъ участкѣ, удобренномъ въ третьемъ году, хорошо растутъ горохъ, бобы, фасоль, чечевица, рѣпчатый лукъ и картофель. Хотя сильно перегнойная земля не особенно подходитъ для картофеля, однако, его всегда разводятъ на огородахъ для разрыхленія почвы и очистки ея отъ вредныхъ насѣкомыхъ.

Указанное раздѣленіе огорода на участки, очевидно, возможно только на старыхъ огородахъ, гдѣ удобреніе участковъ производится черезъ два года въ третій. Во вновь-же устраиваемомъ огородѣ въ первый годъ удобряется весь огородъ, а со второго года начинаютъ удобрять поочереди половину огорода. Это продолжаютъ 2—3 очереди, или 4—6 лѣтъ, смотря по состоянію почвы, такъ что окончательный раздѣлъ огорода на три участка совершается на шестой или восьмой годъ его устройства. Огородники-промышленники на окраинахъ большихъ городовъ вводятъ небольшое число растеній въ сѣвооборотъ. Нѣкоторые изъ нихъ ведутъ хозяйство такъ: первый годъ по свѣжему удобренію сажаютъ одну только капусту, второй годъ—однѣ огурцы и на третій годъ—лукъ или другую зелень. Слѣдовательно, въ этомъ случаѣ участковъ нѣтъ, удобреніе производится изъ третьяго года въ четвертый, и въ зависимости отъ требовательности растеній къ удобренію, ежегодно смѣняются сами растенія. культивируемыя въ огородѣ.

Въ деревенскихъ огородахъ нерѣдко ягоды—землянику и клубнику—чередуютъ съ капустой; ягоды держатъ на однѣхъ и тѣхъ-же грядкахъ года три, а капусту одинъ годъ, послѣ которой опять сажаютъ землянику.

Въ крестьянскомъ хозяйствѣ, гдѣ нѣтъ спеціального фруктоваго сада, огородомъ пользуются для разведенія фруктовыхъ деревьевъ и ягодныхъ кустарниковъ. Послѣдніе обыкновенно сажаютъ вдоль части плетня огораживающаго огородную площадь. Сажаютъ ихъ на гряды, шириною отъ одного до полутора аршинъ. За этими посадками надо, однако, слѣдить, чтобы онѣ при сильномъ разрастаніи слишкомъ сильно не отгѣнили огородъ.

Теперь перейдемъ къ обработкѣ огородной земли и устройству грядъ.

Главная цѣль обработки огорода состоитъ въ возможно глубокомъ разрыхленіи почвы. Этого разрыхленія нельзя достигнуть конными пахотными орудіями, плугомъ или сохой, а потому обработка огородной

почвы производится перекапываніем лопатами. Чѣмъ теплѣе мѣсто и чѣмъ болѣе оно страдаетъ отъ лѣтней засухи, тѣмъ глубже слѣдуетъ обрабатывать огородъ. Въ южныхъ губерніяхъ глубина обработки почвы достигаетъ до 12 вершковъ глубины; въ среднихъ—до 8 вершковъ, а въ холодныхъ, сѣверныхъ—до 6. Подобная мелкая вспашка огорода бываетъ выгодна для растений, переносимыхъ изъ теплыхъ мѣстъ, чтобы корни были ближе къ солнцу.

При заложеніи новаго огорода первая перекопка его земли называется штыковкой, при этомъ снимается слой земли въ 4 вершка глубиной. Штыковка производится слѣдующимъ образомъ: мѣсто, отведенное подъ огородъ, въ концѣ лѣта раздѣляется на полосы, шириною около двухъ аршинъ, во всю длину огорода. Эти полосы обращаются въ ровики или канавки. Копать начинаютъ съ первой полосы. Сперва снимаютъ первый слой, всегда болѣе или менѣе дерновый и съ большимъ или меньшимъ количествомъ перегноя. Вырытую землю откидываютъ подальше отъ вырываемаго перваго ровика. Затѣмъ снимаютъ второй и третій слои изъ того-же ровика и бросаютъ землю поближе къ ровику, образуя временный валикъ. Потомъ отрываютъ вторую полосу; верхній слой изъ нея бросаютъ на дно перваго ровика, не утаптывая земли, а только слегка ее разравнивая. Вынимаютъ затѣмъ второй и третій слои изъ второго ровика и наполняютъ ими первый. Вся земля изъ второго ровика, конечно, не помѣстится въ первомъ и будетъ лежать бугромъ, выше поверхности земли. Такимъ-же образомъ стрываютъ и остальные полосы. Послѣдній ровикъ наполняется землею изъ перваго ровика. Эта земля переносится на носилкахъ отъ первой полосы къ послѣднему ровику; причѣмъ внизъ его кладется верхняя перегнойная земля и весь ровикъ засыпается землею въ порядкѣ обратномъ вырыванію земли. Такимъ образомъ, подпочва огорода искусственно получается изъ рыхлой перегнойной земли, а почва (верхній слой) изъ земли, взятой изъ нижнихъ слоевъ. Эта земля подъ влияніемъ удобрения скоро обращается въ хорошую огородную почву. Бугры на перештыкованномъ огородномъ мѣстѣ остаются неразровненными до весны. Зимой они промерзаютъ, конечно, а весной разровниваются, переборониваются и сильно унавоживаются перепрѣлымъ навозомъ. Навозъ запахивается на глубину двухъ вершковъ. Въ первый годъ по обработкѣ выгодное всего засадить огородъ картофелемъ и нѣсколько разъ его перемотыжить и прополоть. Картофельные клубни, поятно, будутъ способствовать разрыхленію почвы. Въ слѣдующіе годы огородъ необходимо перекопать, хотя и не такъ глубоко, какъ въ первомъ году, но все-таки не менѣе 5—7 вершковъ глубины. Осенняя перекопка огорода должна сопровождаться очищеніемъ его земли отъ корней,

каменной и сорныхъ травъ. Перекапываніе грядъ подь многолѣтнія растенія производится лишь при перемѣнѣ видовъ растеній.

Обратимся теперь къ послѣднему вопросу нашего очерка—устройству грядъ.

Гряды дѣлаются такимъ образомъ, что поперечное ихъ сѣченіе представляетъ собою геометрическую фигуру трапеціи, т. е., кверху онѣ бываютъ уже, нежели у основанія. Такимъ образомъ, получаютъ болѣе или менѣе отлогіе скаты, что предохраняетъ гряду отъ размыванія дождевой водою. У основанія ширина грядъ дѣлается въ 1—1½ аршина. Ширина проходовъ между грядами можетъ быть не болѣе полуаршина. Высота грядъ зависитъ отъ мѣстоположенія и почвы. На влажной и холодной, не глубокой почвѣ гряды дѣлаются особенно высокія (около $\frac{3}{4}$ арш.), чтобы онѣ скорѣе нагрѣвались и чтобы растенія пользовались обработанной землей на болѣе значительную глубину. Чѣмъ мѣсто суше и теплѣе, тѣмъ гряды дѣлаются ниже.

Устройство грядъ не всегда бываетъ необходимымъ; иногда оно даже бываетъ вреднымъ для огородныхъ растеній. На легкой, сухой, глубоко воздѣланной почвѣ, подверженной выгоранію, особенно вреднымъ является устройство грядъ для капустныхъ растеній. Въ такихъ мѣстахъ капуста садится въ ровики, прорытыя на огородной площади, такъ что проходы между растеніями въ этомъ случаѣ находятся выше растеній.

На ровномъ мѣстѣ безразлично—устроены-ли гряды вдоль, или поперекъ огородной площади. Гораздо важнѣе ежегодное чередованіе направленія грядъ, т. е., гдѣ въ прошломъ году, напримѣръ, были поперечныя гряды, тамъ нынче надо ихъ расположить вдоль участка, въ будущемъ году опять вернуться къ направленію прошлаго и т. д.

Гряды слѣдуетъ готовить недѣли за двѣ до посѣва на нихъ огородныхъ растеній, чтобы сорныя травы успѣли взойти; предъ самымъ посѣвомъ ихъ необходимо выдернуть граблями и разровнять поверхность гряды. Эта поверхность посыпается различными сортами земли въ зависимости отъ растенія, назначеннаго на данную гряду. Эта земля берется изъ тѣхъ кучъ, которыя при устройствѣ огорода насыпаются изъ различныхъ растительныхъ отбросовъ и современемъ образуютъ перегной.

О посѣвѣ сѣмянъ и выгонѣ рассады мы побесѣдуемъ съ читателемъ въ очеркѣ „Огородныя растенія и ихъ культура“.

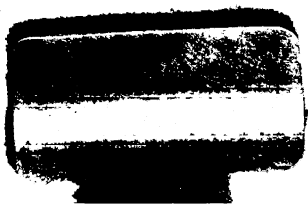
К О Н Е Ц Ъ .

ОГЛАВЛЕНИЕ

стр.

Триумфальное шествіе думы. Статья <i>Н. Кононова</i>	3
Маленькія иллюстраціи къ великому вопросу. 16	
Обнаженная язва. Статья <i>А. И. Лаврова</i>	25
Погромная эпидемія. Статья <i>П. Короткевича</i>	39
Лейбъ-гвардіи преображенскій полкъ.	46
Первенцу русской силы. Стих. <i>И. Е.</i>	51
Судейковщина. (Изъ «Вылого»).	52
Мелкая земская единица. Очеркъ <i>Н. В. Алексеева</i>	61
Весѣды о больномъ человѣкѣ. Очеркъ доктора <i>Г. О. Фридендера</i> . Глава III.	71
Церевенскіе пожары и борьба съ ними. Очеркъ <i>Юр. Ивановича</i>	78
Крестьянское травосѣяніе.	84
Совѣты по птицеводству.	89
Крестьянскій огородъ. (Оконч.)	91

Въ книгоиздательствѣ А. А. КАСПАРИ

С.-Петербургъ, Лиговская улица, домъ № 1М, при главной конторѣ журнала «РОДИНА», и въ его отдѣленіяхъ: 1) С.-Петербургъ, Садовая улица, домъ № 20, третій домъ отъ Невского, и 2) Москва, Петровскія линіи, противъ гостиницы «Россія»,

поступило въ продажу слѣдующее изданіе:

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

МАРЛИНСКАГО

(А. А. БЕСТУЖЕВА)

въ двухъ томахъ.

Это полное собраніе сочиненій знаменитаго въ свое время писателя, въ двухъ томахъ, заключаетъ въ себѣ 1055 страницъ убористой четкой печати, въ два столбца каждая, причемъ всѣ произведенія распределены по слѣдующимъ отдѣламъ:

ТОМЪ ПЕРВЫЙ: 1) Бытовые повѣсти и разск. (6 произв.).—2) Историческіе повѣсти и рассказы (9 произв.).—3) Повѣсти и рассказы изъ военной жизни (9 произв.).—4) Морск. разск. (4 произв.).

ТОМЪ ВТОРОЙ: 1) Кавказскіе очерки и рассказы (9 произв.). — 2) Статьи этнографическаго характера (5 произв.).—3) Стихотворенія (31 произв.).—4) Критика, журнальныя статьи, публицистика (10 произв.).—5) Дополненія.

Въ началѣ перваго тома напечатанъ обстоятельно составленный биографическій очеркъ писателя. Особенностью этого изданія, какъ, впрочемъ, и всей «Дешевой библиотеки русскихъ классиковъ» изданія А. А. Каспари, является то, что при каждомъ отдѣлѣ имѣется обиліе примѣчаній, которыя объясняютъ всѣ требующія объясненія слова, даютъ характеристики упоминаемыхъ въ произведеніяхъ Марлинскаго лицъ и массу историческихъ справокъ.

Цѣна полнаго собранія сочиненій Марлинскаго для гг. подписчиковъ

„РОДИНЫ“ и „НОВИ“
чрезвычайно дешевая

оба тома въ красивыхъ переплетахъ стоятъ только 1 рубль 40 копеекъ. За пересылку въ предѣлахъ Европейской Россіи—50 к., въ Азіатскую Россію—60 к.